ОГОНЁК

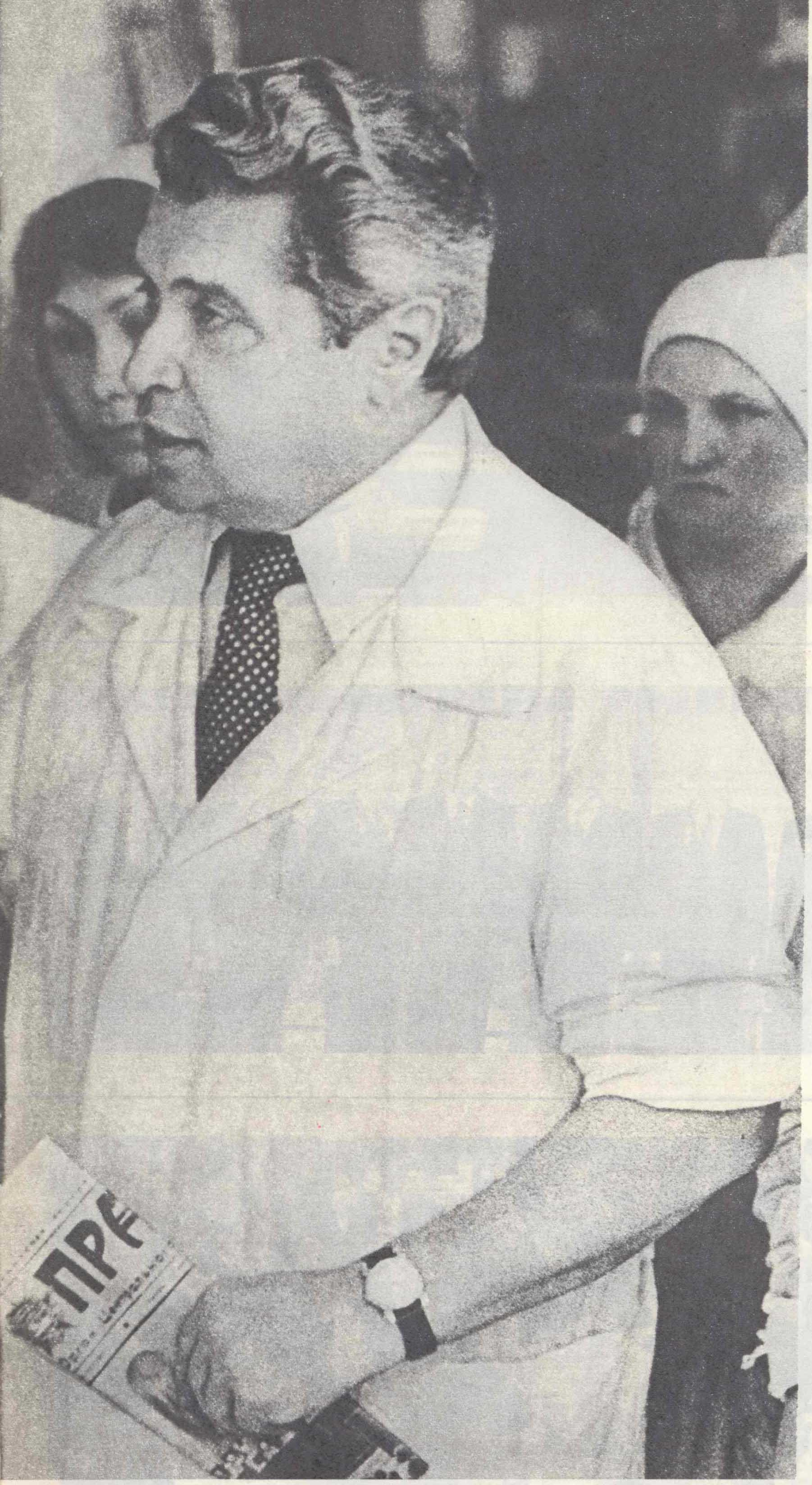
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 27 ИЮЛЬ 1981

ОТСТАИВАЯ ДЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 27 (2816)

4 ИЮЛЯ 1981

ОТСТОЯТЬ МИР — НЕТ СЕЙЧАС БОЛЕЕ ВАЖНОЙ ЗАДАЧИ В МЕЖДУНАРОДНОМ ПЛАНЕ ДЛЯ НАШЕЙ ПАРТИИ, НАШЕГО НАРОДА, ДА И ДЛЯ ВСЕХ НАРОДОВ ПЛАНЕТЫ.

Л. И. Брежнев

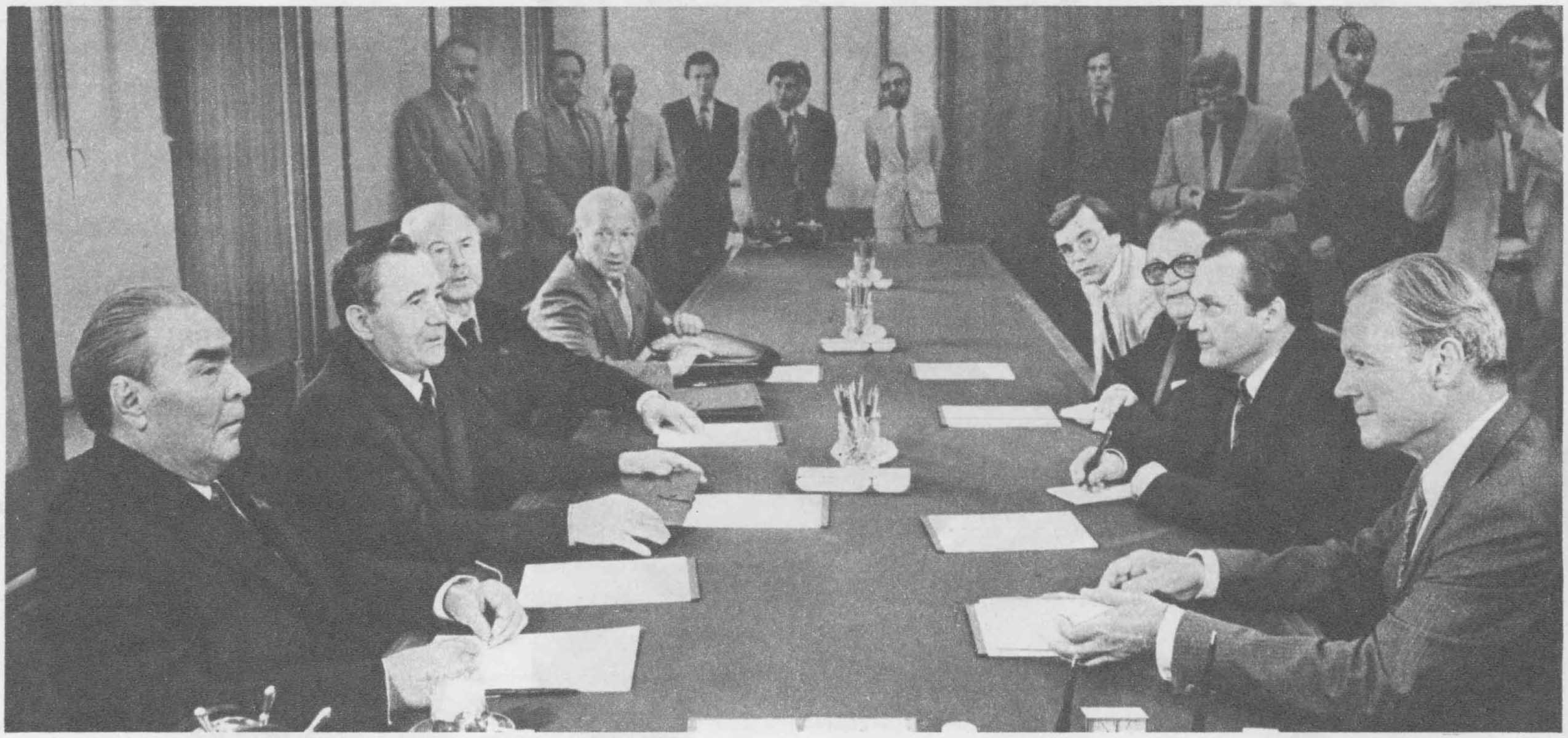
ЛО МИРА

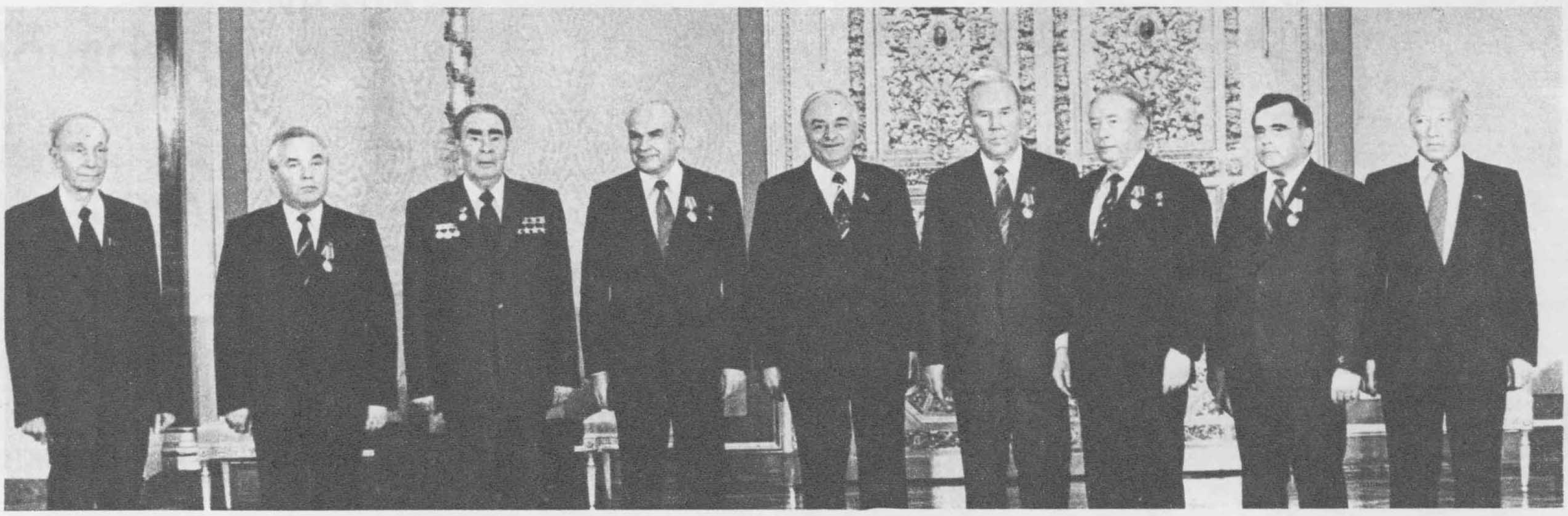
Мир — ценнейшее достояние человечества, а в наше время — и первейшее условие его существования. Выступление товарища Л. И. Брежнева на сессии Верховного Совета СССР, Обращение Верховного Совета СССР «К парламентам и народам мира» встретило широкое одобрение советских людей, привлекло пристальное внимание международной общественности и прессы.

На многих предприятиях страны прошли собрания, митинги. Всецело одобряя деятельность КПСС и Советского правительства, поддерживая обращение Верховного Совета СССР, советские люди своим самоотверженным трудом крепят могущество нашей Родины — главного оплота мира на планете.

На снимке: ветеран Великой Отечественной войны, директор московской кондитерской фабрики «Ударница» Л. В. Хлопов обсуждает с молодыми работницами Обращение «К парламентам и народам мира».

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

ПРИЕМ Л. И. БРЕЖНЕВЫМ В. БРАНДТА

По приглашению Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева 29 июня в Москву прибыл с визитом Председатель Социал-демократической партии Германии Вилли Брандт.

На аэродроме его встречали кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, член ЦК КПСС В. В. Загладин, кандидаты в члены ЦК КПСС А. С. Черняев, А. М. Поплавский, другие официальные лица.

Среди встречавших находился посол ФРГ в СССР А. Майер-Ландрут.

Вместе с В. Брандтом прибыл заместитель Председателя СДПГ Г.-Ю. Вишневский.

30 июня Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев принял в Кремле Председателя Социал-демократической партии Германии, Председателя Социалистического интернационала В. Брандта. Во встрече приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко и кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Б. Н. Пономарев, а также со стороны СДПГ — заместитель Председателя партии Г.-Ю. Вишневский.

В ходе встречи была выражена глубокая озабоченность ухудшением международной обстановки, особенно нарастанием гонки вооружений, существованием различных очагов военных конфликтов и связанным с этим усилением военной опасности.

Было высказано убеждение в том, что в современной обстановке необходимо сделать все возможное для продолжения политики разрядки, для ее распространения на военную сферу, для сохранения и упрочения мира.

Было выражено общее мнение, что единственный и надежный путь к решению спорных международных проблем — серьезные переговоры, основанные на подлинной заинтересованности в достижении положительных результатов и готовности сторон внести свой вклад, отвечающий принципу равенства и одинаковой безопасности.

Л. И. Брежнев и В. Брандт изложили соответствующие позиции по вопросам, касающимся ядерного оружия средней дальности в Европе. Эта проблема может и должна быть решена на основе строгого соблюдения указанного принципа.

Участники встречи высказались за продолжение процесса ограничения стратегических вооружений, за успешное завершение мадридской встречи. Было вновь подчеркнуто, что никто не должен добиваться военного превосходства, все должны способствовать снижению уровня военного противостояния.

Беседа прошла в дружественной, конструктивной обстановке.

Во время беседы.

Фото В. МУСАЭЛЬЯНА и Э. ПЕСОВА (ТАСС)

ВЫСОКИЕ НАГРАДЫ РОДИНЫ

Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев вручил 25 июня в Кремле награды Советского Союза ответственным партийным, государственным и общественным деятелям.

Товарищ Л. И. Брежнев тепло поздравил председателя Госплана СССР Н. К. Байбакова, министра машиностроения для животноводства и кормопроизводства СССР К. Н. Беляка, удостоенных звания Героя Социалистического Труда; члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Ленинградского обкома КПСС Г. В. Романова, председателя Комитета народного контроля СССР А. М. Школьникова; первого секретаря ЦК ВЛКСМ Б. Н. Пастухова, награжденных орденами Ленина.

Награжденные выразили сердечную благодарность Коммунистической партии, ее ленинскому Центральному Комитету, Советскому государству, лично Леониду Ильичу Брежневу за высокую оценку их деятельности. Они заверили, что отдадут все силы, знания и опыт делу претворения в жизнь исторических решений XXVI съезда КПСС, будут верно служить общенародному делу — строительству коммунистического общества в нашей стране.

При вручении наград в зале находились кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. В. Кузнецов, секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. И. Блатов, другие товарищи.

Присутствовавшие тепло поздравили награжденных, пожелали им дальнейших успехов на благо Родины.

Во время вручения наград.

Фото А. ГОСТЕВА

ВЕРНОСТЬ ВЕЛИКОЙ ЦЕЛИ

Верность Страны Советов ее великим целям — миру, прогрессу, созиданию на благо человека ярко продемонстрировала проходившая 23—24 июня в Кремле пятая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва.

Выступление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева, принятое высшим органом законодательной власти страны Обращение к парламентам и народам мира еще раз подтвердили огромную настойчивость и последовательность, с которой наша партия и государство проводят намеченную XXVI съездом КПСС Программу борьбы за мир и безопасность народов.

Выступавшие на сессии депутаты подчеркивали, что документы, рассмотренные на сессии, отражают неизменный курс КПСС на укрепление могущества Родины, на дальнейшее улучшение жизни народа. Заботой о человеке, о благе каждой семьи пронизаны и Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Вечером 24 июня в Большом Кремлевском дворце состоялось совместное заседание Совета Союза и Совета Национальностей.

Депутаты и гости бурными, продолжительными аплодисментами встретили товарищей Л. И. Брежнева, Ю. В. Андропова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, А. П. Кириленко, Д. А. Кунаева, А. Я. Пельше, Г. В. Романова, М. А. Суслова, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, К. У. Черненко, В. В. Щербицкого, Г. А. Алиева, П. Н. Демичева, Т. Я. Киселева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, Ш. Р. Рашидова, М. С. Соломенцева, Э. А. Шеварднадзе, В. И. Долгих, К. В. Русакова.

Председательствующий А. П. Шитиков сообщил, что на раздельных заседаниях палат закончилось обсуждение вопросов о развитии жилищного хозяйства, улучшении использования и сохранности жилищного фонда, а также о проекте Основ жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик.

С заключительным словом выступил первый заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат И. В. Архипов.

Единогласно принимается постановление Верховного Совета СССР о развитии жилищного хозяйства, улучшении использования и сохранности жилищного фонда.

Раздельным голосованием по палатам депутаты единогласно принимают Основы жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик. Принимается постановление Верховного Совета СССР о введении в действие этих основ.

Затем сессия переходит к обсуждению следующего пункта повестки дня.

С докладом «О проекте Закона СССР о правовом положении иностранных граждан в СССР» выступил заместитель Председателя Совета Министров СССР депутат Н. В. Талызин. Депутаты раздельным голосованием по палатам единогласно приняли Закон СССР «О правовом положении иностранных граждан в СССР».

Затем с докладом об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР выступил секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. П. Георгадзе. Верховный Совет СССР принял соответствующие законы и постановления.

На этом пятая сессия Верховного Совета СССР десятого созыва закончила работу.

Москва, Кремль, 25 июня 1981 года. На совместном заседании Совета Союза и Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

В президиуме VII съезда писателей СССР. Выступает первый секретарь правления Союза писателей СССР Г. М. Марков.

ФОРУМ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Быть причастным к величайшим свершениям своего времени, жить интересами народа, творить во имя светлого завтра — коммунизма — в этом видят свое назначение и свой высокий долг советские писатели. На XXVI съезде Коммунистической партии Советского Союза работа творческой интеллигенции страны получила достойную оценку в словах Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева: «И нет сомнения, что советские мастера культуры порадуют нас новыми художественными открытиями!»

Под величественными сводами Большого Кремлевского дворца 30 июня начал свою работу VII съезд писателей СССР. Литература в Стране Советов — дело общенародное. Вместе с делегатами съезда — видными советскими писателями в зале заседаний собрались представители трудовых коллективов — передовики пятилетки, деятели культуры, партийные, советские, профсоюзные и комсомольские работники. Подтверждая высокий международный авторитет советской литературы, в работе форума участвуют делегации союзов писателей братских социалистических стран, писатели из многих стран Европы, Азии, Африки и Америки.

Продолжительными аплодисментами встретили делегаты и гости товарищей М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. П. Кириленко, А. Я. Пельше, М. А. Суслова, П. Н. Демичева, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева, М. В. Зимянина, К. В. Русакова.

С воодушевлением делегаты и гости избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с товарищем Л. И. Брежневым.

С отчетным докладом правления Союза писателей СССР «Советская литература в борьбе за коммунизм и ее задачи в свете решений XXVI съезда КПСС» выступил первый секретарь правления Г. М. Марков.

— Нас, советских литераторов,— сказал оратор,— не может не радовать тот факт, что и на XXVI съезде партии литература наряду с

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

другими проблемами развития советского общества вновь была поставлена в центр всенародного внимания, вновь вокруг нее создана атмосфера вдохновляющего доверия и требовательного ожидания.

Обозревая развитие творческого процесса,— продолжал Г. Марков,— мы имеем сегодня полное основание сказать, что советская многонациональная литература — это литература динамичной мысли, мысли, окрыленной нашим мировоззрением, воодушевленной историческим оптимизмом, присущим нашему социальному строю.

Наш съезд призван по-хозяйски, пристрастно разобраться во всем, что происходит на нашем литературном поле — и в структуре его почв, в способах обработки, характере урожаев, в причинах недородов, а ведь они случались. А еще и в том, как вписываются наши литературные достижения в художественный процесс не только стран социалистического содружества, но и всей мировой литературы, в авангарде которой мы призваны идти по велению самой истории.

Выступающий остановился на достижениях всех жанров многонациональной советской литературы: прозы, поэзии, драматургии, критики, публицистики,— отметил воспитательное значение советской литературы, ее высокие идейно-художественные качества.

Наш взгляд

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

КАСАЕТСЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

Владимир НИКОЛАЕВ

Самый широкий отклик среди мировой общественности вызвало выступление Л. И. Брежнева на сессии Верховного Совета СССР и Обращение Верховного Совета «К парламентам и народам мира». В обращении, в частности, говорится, что «с каждым потерянным для переговоров днем возрастает риск ядерного конфликта... Время не ждет!». Тревожным набатом звучат на весь мир эти слова. Их нельзя замолчать. Они требуют ответа.

Американская телекомпания Эй-би-си отметила: «Москва вновь призвала Соединенные Штаты возобновить переговоры об ограничении стратегических вооружений». Английская газета «Таймс» пишет: «Л. И. Брежнев обратился к миру с призывом предотвратить новый виток гонки вооружений и ускорить переговоры между Востоком и Западом о контроле над вооружениями». Японская газета «Майнити» считает, что Л. И. Брежнев выступил «с серьезным предостережением против усиления тенденций обострения напряженности между Востоком и Западом».

Большой международный резонанс вызвали и ответы Л. И. Брежнева на вопросы корреспондента финской газеты «Суомен сосиалидемокраатти». В ответах поддерживаются идеи создания безъядерной зоны на севере Европы и готовность Советского Союза рассмотреть в этой связи вопрос о некоторых других мерах применительно к территории СССР в районе, прилегающем к безъядерной зоне на севере Европы.

На последние советские инициативы откликаются не только средства массовой информации, но и государственные деятели, парламенты, общественные организации. В условиях дальнейшего обострения международной обстановки, перед лицом гонки вооружений нарастает всенародное движение против ядерной угрозы. В эти дни состоялся стотысячный антиракетный митинг в Гамбурге, многотысячные колонны демонстрантов выразили свою волю к миру в марше из Копенгагена в Париж. Виднейшие американские врачи недавно выступили с разоблачением тех, кто не считает ядерное оружие смертельной угрозой всему человечеству. И это выступление врачей не случайно. В Соединенных Штатах, где правящие круги упорно настаивают на продолжении политики гонки вооружений, все громче раздаются голоса против такой безрассудной политики, даже буржуазная пресса все чаще критикует американский внешнеполитический курс, ведущий не к разрядке, а к конфронтации и опирающийся на оголтелый антисоветизм. Видный американский обозреватель Рестон с тревогой пишет о том, что «неумелая внешняя политика президента Рейгана предвещает бурю». Консервативная английская газета «Файнэншл таймс» тоже разделяет эту тревогу: «Западноевропейцы озабочены по поводу чересчур упрощенного взгляда Вашингтона на мир как на арену конфронтации с коммунизмом. Они вправе напомнить, что антикоммунизм не может заменить ясно очерченную внешнюю политику». В самом деле, только в горестное изумление может привести любого здравомыслящего человека сообщение из-за океана о том, что там не собираются начинать с нами официальные переговоры о контроле над ядерными вооружениями до... марта 1982 года.

Дальнейшей эскалацией безрассудства можно назвать и американо-китайское смыкание на антисоветской основе. В результате своей недавней поездки в Китай государственный секретарь США А. Хейг, по его заявлению, договорился о «расширении активного сотрудничества между военными ведомствами двух стран». Уже объявлено о договоренности с Китаем о поставках ему американского оружия. Опасная политическая игра!

Еще одним наглядным примером того, куда ведет мир американская милитаристская политика, стал бандитский налет израильских самолетов на Ирак. Вооруженный Вашингтоном Израиль считает возможным бомбить соседние страны. Как говорится, куда уж дальше ехать! В Персидском заливе, Индийском океане идет непрерывное наращивание военного присутствия США. Все эти очевидные факты не могут не вызывать тревогу за судьбу мира.

Выступление Л. И. Брежнева на сессии и Обращение Верховного Совета СССР еще и еще раз подтверждают волю нашей страны к миру. Они прозвучали в знаменательные дни, когда отмечалось сорокалетие начала Великой Отечественной войны. «Это была самая тяжелая война из всех, которые когда-либо выпадали на долю нашего народа, да и вообще какого-либо народа на земле,— сказал на сессии Л. И. Брежнев.— Этот священный бой против агрессора мы вели не ради славы — ради жизни на земле». Советский народ спас мир от фашистской нечисти и заплатил за победу двадцатью миллионами жизней. Нас не запугать угрозами. У нас крепкие нервы и могучие средства для обуздания любого агрессора. Но мы отдаем себе отчет в том, что политика конфронтации может привести человечество к ядерной катастрофе, и мы еще и еще раз выступаем с конкретной мирной инициативой. «...Надо сейчас, сегодня сделать все, чтобы преградить путь любителям безграничных вооружений и военных авантюр,— сказал в своей речи 23 июня руководитель нашей партии и государства.— Надо сделать все, чтобы обеспечить право людей на жизнь. И в этом деле не может быть посторонних и равнодушных: оно касается всех и каждого. Оно касается правительств и политических партий, общественных организаций — и, конечно, парламентов, избранных народами и действующих от их имени».

Будущие доктора. В ц е н т р е — профессор И. И. Новиков.

Виталий ЗАСЕЕВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

«ОТЛИЧНО»,

Эти события происходили в разных уголках земли с интервалом в несколько часов: одно, трагическое, связанное со смертью под бомбами ни в чем не повинных людей, другое — светлое и радостное, когда улыбки и цветы одинаково красят и тех, кто их дарит, и тех, кому они предназначены. Свидетелем обоих был мой собеседник, более тридцати лет жизни отдавший одному из самых благородных дел на земле — воспитанию будущих врачей.

Рев израильских «фантомов», град ракет, падающих на Сайду, Тир, Набатию, обрушивающиеся стены домов, сотни раненых и плач осиротевших детей... Только что все это видел доктор Новиков. Иван Иванович час назад прилетел из пылающего Ливана, где встречался со своими выпускниками, бывшими студентами 2-го Московского ордена Ленина государственного медицинского института имени Н. И. Пирогова.

Прямо из аэропорта «Шереметьево-2» профессор Новиков приехал в 5-ю городскую клиническую больницу, на кафедру госпитальной хирургии. С минуты на минуту должен был начаться государственный экзамен у нынешних его подопечных. И хотя заместитель ректора изрядно устал, он не мог не прийти на экзамен.

— Семь лет учатся у нас иностранные студенты,— говорит Иван Иванович,— прежде чем предстанут перед государственной экзаменационной комиссией. Знаете, я немало в жизни повидал, но каждый раз, когда слышу, как паренек из Нигерии или Танзании, девушка из Марокко или Бангладеш говорит с больным по-русски, я испытываю радостное волнение! Потому что это первый шаг к тому, чтобы научиться высокому искусству врачевания, сострадания больному человеку, научиться самостоятельно ставить диагноз и выходить победителем в поединке с недугом. Выучить врача — значит отдать человеку частичку собственного сердца...

Студенты тесным кольцом обступают своего бывшего декана. Иван Иванович пятнадцать лет делил с ними радости, огорчения, заботы. И до сих пор продолжает он следить за их успехами.

А в просторной аудитории, где по стенам развешаны схемы и диаграммы, властвует почтительная тишина и какой-то особый дух благородства. Солнечный луч высветил и без того кипенно-белый халат и шапочку патриарха московских хирургов, профессора, Героя Социалистического Труда В. С. Маята. Жестом гостеприимного хозяина Валентин Сергеевич приглашает к столу, где разложены экзаменационные карточки, самых решительных студентов. И я вижу, что проректор волнуется не меньше, чем те, кому предстоит отвечать.

Первым тянет билет сосредоточенно-серьезный Элиас Эль Хашем из Ливана. За ним к столу подходит его земляк Джихад Фатайри. Иван Иванович с гордостью поглядывает на ребят: «Вдумчивые, серьезные получатся из них специалисты. И учились оба добросовестно и практиковались, не жалея времени. А главное, оба полны решимости помочь своему многострадальному народу, отечеству своему».

Пока Джихад Фатайри готовится, Элиас Эль Хашем осматривает больного, беседует с ним. Ему предстоит установить диагноз, выписать лекарства. Малейшая ошибка в диагнозе будет тут же подмечена и ассистентами и самим профессором. Элиас Эль Хашем заметно волнуется, но затем берет себя в руки. Он отвечает уверенно, как профессиональный медик. Валентин Сергеевич Маят удовлетворен, но не спешит раскрывать зачетку Элиаса. Следует серия дополнительных вопросов не только по методам лечения указанной болезни, но и по организации здравоохранения, использованию современной медицинской аппаратуры и предупреждению подобного рода заболеваний. Валентин Сергеевич доволен своим учеником. В зачетной книжке появляется «отлично».

— Недавно в Ливане я видел, как наши выпускники борются не только с эпидемиями, но и с тяжелыми осколочными и пулевыми ранениями,— говорит Новиков.— В госпиталях, где я был, много раненых израильскими бомбами. Я посещал и переполненные лагеря палестинских беженцев. И всюду, где работают наши выпускники, глаза людей полны надежды на спасение. И дело не только в высокой квалификации врачей с советским дипломом, но и в той душевной теплоте, человеколюбии и высокой профессиональной активности, которые воспитаны у них во время учебы в институте.

Ясмина Маслэша из Югославии — без пяти минут врач.

Экзамены принимает Герой Социалистического Труда профессор В. С. Маят.

Последний день они студенты.

ДОКТОР!

Перед столом экзаменационной комиссии держат ответ все новые и новые выпускники. Уверенно отвечает югославка Ясмина Маслэша, отличной оценки заслужили Элеонор Хабура из ГДР и ее сокурсник Артур Доу Кваси из Либерии. Обстановка в аудитории, где принимает экзамены Валентин Сергеевич Маят, самая что ни на есть доброжелательная.

Семнадцать пятерок, десять четверок и три тройки — таков итог государственного экзамена по хирургии у выпускников-иностранцев 2-го МОЛГМИ. «А это значит,— комментирует И. Новиков,— что, поступив в интернатуру, те, кто получил тройку, пройдут дополнительный курс обучения по этому разделу медицины».

Тишина студенческих аудиторий одного из лучших в стране медицинских институтов—2-го МОЛГМИ то и дело нарушается радостными возгласами. Идут экзамены. В кабинете декана по работе с иностранными учащимися, кандидата медицинских наук Сергея Борисовича Тарабрина поздравляют с отличной оценкой Маттиаса Угочукву из Нигерии. Маттиас закончил ординатуру по детской хирургии и скоро вернется в родной город Энугу. Выходец из крестьянской семьи, он с детства мечтал стать врачом, и благодаря дружеской поддержке Советского Союза мечта осуществилась. Глаза его сияют.

— Дома во время каникул,— рассказывает Маттиас,— я встречался со своими друзьями, которые получают медицинское образование в колледжах США, Англии, ФРГ, Италии. Многие из них завидовали мне, так как считают, что уровень подготовки в Советском Союзе выше.

Он поедет в Нигерию и будет лечить малышей. Ему будут доверять, им будут гордиться, потому что Маттиас учился в Москве.

— Я тоже буду лечить детей,— говорит Рабейя Хатун из Бангладеш.— Москва для нас стала родным городом,— продолжает Рабейя.— Здесь мы не только получили образование и стали специалистами. Здесь мы познакомились с великой культурой русского народа. А я в Москве нашла и свое личное счастье: здесь я познакомилась со своим будущим мужем Анисуром Малликом. Он тоже приехал сюда из Бангладеш учиться на врача.

...Над аудиторией, возле которой толпятся взволнованные студенты, снова вспыхивает знакомая табличка: «Тихо, идут экзамены!» Не будем мешать тем, кому еще предстоит тянуть билет. Лучше пожелаем им: «Ни пуха, ни пера, доктор!»

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Надежда **КОЖЕВНИКОВА**

В истории мировой культуры известны личности, сочетающие в себе качества ученого и артиста, исследователя, пропагандиста, просветителя, чья деятельность поражает своей разносторонностью, широтой охвата и глубиной. Будто знали они некую тайну — как продлить время, увеличить его емкость, наполнить каждый отрезок чем-то безусловно ценным, значительным.

Размышляя над их биографиями, испытываешь гордость за человеческий дух, способный к постоянным усилиям, постоянным борениям. Масштабная личность самой своей судьбой дарует людям урок этики: как жить, ради чего, во имя каких целей.

Имя художника Игоря Эммануиловича Грабаря стоит в ряду ярких творцов-подвижников нашей отечественной культуры. Мастер пейзажной живописи, ученый-искусствовед, знаток музейного дела, реставрации, он обладал редкостным чутьем ко всему подлинно прекрасному. Его можно назвать первооткрывателем красоты — древней, почти забытой, и современной, тревожащей непривычностью. Но для него недостаточно было самой красотой наслаждаться: всю жизнь страстно, темпераментно он воспевал, пропагандировал то, что любил.

В исследованиях о Грабаре говорится, что в какую-то пору художник больше занимался живописью. Вряд ли возможны тут разграничения. Человеческая натура Грабаря тем и отличалась, что он никогда вообще не замыкался только на себе самом: постоянно шлифуя свой живописный дар, он легко, тактично, влюбленно постигал и творческий мир других художников, умея радоваться чужим успехам с полной искренностью.

Разборчивость сочеталась в нем с восторженностью, доброжелательностью, а в итоге немногие оказывались столь принципиальны в оценках тех или иных явлений искусства, как Игорь Эммануилович Грабарь.

И что еще обращает внимание: его творческая деятельность начиналась как бы с длительного разбега. Заявить о себе как о художнике он не только не спешил — скорее медлил, чуть ли не осторожничал. За многое брался, так что его можно было даже заподозрить в разбросанности. Но в результате все пригодилось, разнородное обратилось в цельность, жизнь наполнилась такой содержательностью, какая действительно вызывает зависть.

Склонность к рисованию Грабарь ощутил довольно рано. В «Автомонографии» он вспоминает первое свое впечатление от самих атрибутов живописного ремесла, от палитры со свежевыдавленными красками: «Я думал, что не выдержу от счастья, наполнявшего грудь, особенно, когда почувствовал сладостный, чудесный запах свежей краски». И тем не менее после лицея решает поступать в Петербургский университет на юридический факультет. Посещает, помимо обязательного курса, лекции на соседних факультетах, особенно интересуясь историко-филологической тематикой. Одновременно сотрудничает в редакциях литературных журналов — и как критик и как художник-иллюстратор. Только закончив университет, поступает в академию художеств.

В мастерской Репина, куда он был переведен, в то время занимались Малявин, Сомов, Билибин, Остроумова. Позднее Грабарь напишет монографию о Репине, сопроводив ее такими словами: «В ней мне хотелось возложить запоздалый венок на могилу своего учителя, хотя я учился более на его музейных картинах, чем в его академической мастерской».

Летом 1896 года он уезжает в Мюнхен, занимается у Ашбе, потом у Жюльена и Калоросси в Париже.

С одержимостью ученого-исследователя он ищет наилучшую «систему», «методу», но в результате приходит к мудрому, естественному выводу: «Художникам нашего времени нужна не академическая... выучка, а школа правды... реализм, реализм и трижды реализм». И с этой основы он никогда уже не сойдет, до конца жизни.

Поразивших его в ту пору Моне, Ван Гога, Гогена он отнюдь не воспринял как ниспровергателей реалистической традиции. Спустя полвека позицию свою подтвердил. «Сегодня, — написал уже в 1956 году, — оглядывая полотна Клода Моне, Ренуара, Дега, воочию убеждаешься, какими великими реалистами были основоположники импрессионизма и как порой узко, ограниченно понимался у нас реализм в живописи, если за его пределы могли выводиться почти все западные мастера конца XIX — начала XX века».

Вглядываясь в долгую жизнь Игоря Эммануиловича Грабаря, постоянно встречаешь такие вот мостки, соединяющие, казалось бы, далекие временные периоды, и в пестроте, разнообразии им прожитого выстраивается единая твердая линия. К примеру, еще в конце XIX века он занялся изысканиями рецептов лаков и красок, используемых мастерами прошлого. Его друг Кардовский, с которым они вместе тогда путешествовали, заметил, что, вероятно, Грабарь создаст о реформах в красках целую книгу: столько он добыл в этой области сведений. Минует несколько десятилетий, и познания Грабаря найдут применение при восстановлении средневековой русской живописи. Он окажется одним из создателей основ научной реставрации. Для всех специалистов, «раскрывающих» иконопись, рекомендации Грабаря и по сей день являются направляющими.

Но это случится позднее. А тогда, в начале нашего века, итогом долгих странствий молодого художника станет решение — домой, в Россию. И опять же через полвека Грабарь еще раз подтвердит правильность тогдашнего своего шага. «Вернувшись в 1901 году в Россию и осев в ней, я был так несказанно потрясен красотой русского, и в первую очередь подмосковного пейзажа... В самом деле, нигде в Европе нет такого сочетания климатических, почвенных и растительных условий, как в средней России, поэтому нигде нет таких чудесных сплошь березовых рощ, таких восхитительных весен, золотых осеней и сверкающих инеев...»

Он вернулся тридцатилетним, много знающим, много повидавшим, но главное — в тоске по Родине, в ожидании ее в нем саккумулировалась энергия, выплеснувшаяся в прекрасные произведения: «Белая зима», «Февральская лазурь», «Мартовский снег», «Сентябрьский снег».

Мимо этих картин, находящихся ныне в Третьяковской галерее, нельзя пройти равнодушно. Помимо своеобразия манеры, живописных качеств, ранее кем-то оспариваемых, кем-то превозносимых, полотна эти несут в себе очистительный, оздоровительный заряд. В них есть ясность, праздничность восприятия. Картины Грабаря — как озарение.

Его «Сентябрьский снег» — это же было, было наверняка у каждого в жизни! На не успевшие облететь деревья, на зеленую еще траву вдруг упал легкий пушистый снег, про который хочется сказать — теплый. Терраса с шаткими, посеревшими от времени перилами, с дощатым, в глубоких щелях полом — и тут все родное, близкое. Щемящая радость возвращения — такая нота звенит в этом полотне.

Она звенит, поет в душе самого художника. Хотя он занят массой дел, задумал многотомный труд «История русского искусства», но и в деловой переписке прорывается ликование. Грабарь пишет Бенуа: «Во-первых, уже три дня стоит потрясающе великолепный иней. Но это ни к селу ни к городу. Однако не могу удержаться, чтобы не сообщить тебе. Просто с ума сойти».

Примерно в эту же пору Грабарь создает цикл натюрмортов. Вещи в них как бы наделены дыханием, живой пульсацией. «Хризантемы» — цветы в вазе на сервированном столе видятся будто сквозь толщу зеленовато-голубых водных пластов, точно погружены в аквариум. Плоскостное изображение обретает объемность, осязаемость, и вместе с тем в привычных этих предметах нет и следа обыденности, они фантастичны, будто созданы из воздуха.

Пора удач — так можно было бы определить тот период в жизни Игоря Эммануиловича Грабаря. Но — стоит повторить — его натуре не свойственно было замыкаться на себе одном, и творческий подъем отнюдь не значил даже временного отхода от других сфер деятельности. Он ищет, осмысливает, разъясняет, спорит об истинной, подлинной красоте. Для него всегда важна п о з и ц и я. «Должно быть, есть натуры двух сортов, — пишет он Бенуа, — ты, Сомов и такие, как ты и Сомов, такие, мне казалось, всегда должны оглядываться только назад и в с е г д а, заметь — в с е г д а! — должны относиться пренебрежительно и свысока ко всему современному. Вы слишком влюблены в прошлое, чтобы хоть что-нибудь современное ценить, ну, т. е. понимаешь, не просто ценить, а очень высоко ставить». И далее: «Есть, наоборот, люди, очень остро чувствующие свою связь с современностью, свою с ней нераздельность. В этом чувстве есть доля самоуверенности и гордости». И там же: «Любить только прошлое, любить без веры в настоящее и будущее — это не в моих силах».

Такое признание — лучшая характеристика и человеческих свойств Грабаря и всей его деятельности. Оно-то и раскрывает источник сил, энергии этого удивительного человека.

Обретя известность как живописец, он продолжает работу художественного критика, и превращение его уже в историка искусства совершается естественно, закономерно. Берется за монографию о Серове. Одновременно все реальней становится воплощение идеи создания

И. Грабарь. 1871—1960. В. И. ЛЕНИН У ПРЯМОГО ПРОВОДА. 1933.

Центральный музей В. И. Ленина.

И. Грабарь. МАРТОВСКИЙ СНЕГ. 1904.
Государственная Третьяковская галерея.

«Истории русского искусства». Уже сложился авторский коллектив, вырисовывается общий план, замысел. И тут Грабарь вносит те предложения о методах, форме подачи материала, которые заложат основы нового жанра, нового типа исследований живописи, искусства. Он хотел предложить будущий труд широкому кругу читателей, что тоже встречалось не без сопротивления. Но именно его новации в стиле, методе художественного исследования впоследствии оказались общепризнанными.

Прошли десятилетия, а его книги об искусстве живут. Конечно, эрудиция, безупречное владение предметом, но, кроме того, он, как Репин, Коровин, Бенуа, обладал блистательным литературным даром. Пластичность, раскованность его письма могут служить образцом и для профессиональных литераторов. А самое главное, работы Грабаря-искусствоведа пронизаны личным творческим опытом Грабаря-художника. Его анализ тех или иных произведений, тех или иных авторов потому так глубок, что он знает ремесло изнутри, нервной тканью: ему ведома тайна «чуть-чуть» — самого сокровенного, что есть в искусстве.

Мастер работал над архивами со скрупулезностью ученого, но его восприятие фактов, сведений необыкновенно артистично. Когда читаешь письма к друзьям, где Грабарь делится радостью по поводу сделанных открытий, нельзя не поддаться его человеческому обаянию. Вся просветительская деятельность Игоря Эммануиловича окрашена потребностью своей увлеченностью заразить и других, заинтересовать их, сделать единомышленниками. Тут, кстати, и ключи к жизнерадостности, отмечаемой всеми, кто его знал: он по натуре своей доброжелатель, не способный к завистничеству. Все талантливое встречало в нем живейший отклик, желание помочь.

По своему душевному складу, по характеру деятельности Грабарь всегда был демократичен. Великие преобразования Октябрьской революции открыли для него тот простор, к которому он стремился. И он сразу принялся за дело, не терпящее отлагательств: сберечь, сохранить образцы прекрасного, музейные ценности. «Берегите сами и уговаривайте других беречь все предметы искусства и старины,— писал он в воззвании.— Собирайте, свозите, охраняйте священное всенародное достояние, устраивайте свои волостные и сельские хранилища-музеи, на благо себе, потомству и всей России».

Его вера в настоящее, будущее получила свое подтверждение. Масштабность — вот какое качество обрели после революции все начинания художника. Он стал одним из руководителей музейного отдела Наркомпроса. Реставрация, консервация памятников старины — и в эту деятельность он включился со всей энергией. Еще в 1902 году, путешествуя по северу Родины, встретился с древнерусским деревянным зодчеством и поразился его своеобразию. Возможно, из того зародыша развилась впоследствии его любовь к русскому средневековому искусству. Миновало время, и Грабарь делает открытия, которые невозможно переоценить, и уже этого достаточно, чтобы имя его осталось в памяти потомков. Феофан Грек и Андрей Рублев — вот о каких гигантах Грабарь рассказал миру, мир увидел «Троицу», узнал о личности ее автора от создателя монографии о Рублеве — Грабаря.

Он являлся попечителем Третьяковской галереи, директорствовал в Московском государственном художественном институте, был избран действительным членом Академии наук СССР.

Широкая научная деятельность, занятость общественными делами, казалось бы, не оставляли времени, сил для занятий творчеством. Но и в эти годы в своих ученых трудах он как бы накапливает багаж для создания новых художественных произведений. Причем никогда не возвращается к себе прежнему, а снова ищет, пробует себя в новом качестве. Пишет портреты, выстраивает целую галерею прославленных своих современников — выдающихся ученых, музыкантов, артистов. Портрет академика С. А. Чаплыгина написан Грабарем в 1935 году. Лицо ученого по своей лепке вроде бы и грубовато, но умный прищур глаз, излом взлохмаченных бровей, снисходительно-усмешливое выражение рта говорят о неординарной, сильной натуре, знающей цену усилиям, той трудной науке, что называется жизнью.

В 1933 году художник завершил картину «В. И. Ленин у прямого провода», над которой работал в течение шести лет. Каждая деталь обстановки тщательно воссоздана; лаконичность и такт в композиционном решении: получено важное известие, Ленин диктует телеграмму, выражение его лица спокойно, но за внешним спокойствием — предельная сосредоточенность, напряжение мысли. В самой атмосфере вроде бы мирной, явственно ощутимы отзвуки, всполохи тогдашних событий: молодая Советская республика в кольце врагов.

Завершая свою «Автомонографию», Грабарь написал, обращаясь к молодежи: «Мне идет уже седьмой десяток, я немало пережил и перечувствовал за свою жизнь и изрядно поработал, приобретя некоторое моральное право давать советы. Я пережил дни восторга и горечи, дни удач и невзгод, подъема и падений, переживал не раз минуты разочарования в своих силах, бывал близок к отчаянию. Но... до полного отчаяния не доходил, пересиливая волевой встряской упадочническое настроение. Советую и вам, молодые, сильные, смелые, пришедшие и идущие нам на смену, в черные дни сомнений не предаваться отчаянию, а лишь втрое интенсивнее работать, чтобы снова вернуть веру в себя. Помните, что человек при настойчивости и трудовой дисциплине может достигнуть невероятных, почти фантастических результатов, о которых он никогда и мечтать не дерзал... помните также, что никогда, ни на один день не следует довольствоваться достигнутым результатом... Все, что было сделано мною вчера, сегодня уже никуда не годится, сегодняшнее только сносно и терпимо, но настоящее, подлинное придет только завтра».

Грабарь имел моральное право давать советы. Он умер накануне своего девяностолетия, а на его письменном столе лежали страницы еще одной главы из очередного тома «Истории русского искусства», на мольберте стоял начатый холст — пейзаж России.

ЧИСТЫЕ ДОЖДИ

Борислав
СТЕПАНЮК

НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Был тот холмик
У самой излуки Днепра,
Неприметный, поросший травою.
А когда наступали —
Он встал, как гора,
Мы должны были брать его с бою.—

На четвертый же день
С первым острым лучом,
Что достиг высоты всех быстрее,
Взвился флаг кумачовый
Над черным холмом,
В честь победы он огненно реял.

Всю Европу прошли мы
За шагом шаг,
Мир дивился солдатской отваге.
Пусть не я,
Но такой же солдат,
Этот флаг
На поверженном поднял рейхстаге...

Обелиск у излуки днепровской стоит
И внимает весеннему грому.
И звезда дни и ночи
Над ним горит.
Век стоять ему
Как часовому!

ЛЕТЕЛИ ГУСИ ИЗ БЕЛАРУСИ

Ой песня-доля!
Гуси мои, гуси,
Летите в теплый край из Беларуси,
Родной воды
У вас на крыльях капли,
Чтоб на пути далеком не ослабли.

Вы приглядитесь, гуси, к тихой хате,
Что пролетите как-то на закате,
И оброните чистые дождинки —
Они засветятся, как две слезинки.

Как две планеты —
Радости и горя! —
Ведь вам лететь на край земли, за море.

А как же, гуси, будете пить воду,
Когда она соленая отроду?

Замучит жажда,
Если не напьетесь...
А может, жажда именно, как доблесть,

Назад лететь
Туда придаст вам силу,
Где путь чумацкий соль запорошила.

На жажде-то и держится, возможно,
Та нить полета, что звучит тревожно...
Когда же Днепр под крыльями плеснется —
Ой, легче вам, ой, легче как взмахнется.

Как раз на полдороге к Беларуси
Махните вы крылом моей мамусе,
Что, прислонившись к хате на пороге,
Глядит на вас в волненье и тревоге:

Ведь до сих пор, хоть вёсны промелькнули,
Та нить звучит, что гуси натянули,
Что из небес падет и оборвется
На зорьке у полесского озёрца.

ЗИМНЕЕ

Метет, метет метелица,
Кружится все в снегу...
Пути-дороги стелются
Под сани на бегу.

Пускай пугает холодом,
Мороз крепчает пусть —
Уж проложила молодость
Себе на поле путь.

Над молодостью этою
И снег, как цвет, кружит...
В беленый холст одетая
Во сне земля лежит.

Она не слышит, сонная,
Как сыплет, сыплет снег,
Что силою зеленою
Воскреснет по весне.

Лишь снится ей богатая
Родная сторона
С хлебами и кагатами,
Цветения полна.

И снова песня звонкая
Зовет-ведет назад
Веселою поземкою
И хлопцев и девчат,

Что славно потрудилися,
Задерживая снег,
А может, и влюбилися,—
Так это ведь не грех!

Пусть мчатся кони шалые
И снег летит на шлях,
Пусть сахаринкой малою
Он тает на устах.

НА ТВОЙ, КУКУШКА, ЗОВ...

«Ку-ку!» — иду на твой, кукушка, зов.
Я не прошу считать моих годов.

Они придут и сами, как всегда.
Зима вдобавок выбелит года.

Моим годам уже немалый счет,
Бывало все: паденье и полет!

Но я в твоем «ку-ку» услышу вдруг
И сердца стук и жизни полукруг.
Стучит оно сквозь годы, свет и тьму:
«Ку-ку», «ку-ку» —
И я иду к нему.

Перевел с украинского
Е. КРИЖЕВИЧ.

Михаил **АЛЕКСЕЕВ**

РОМАН

Рисунки П. **ПИНКИСЕВИЧА**

ДРАЧУНЫ

XIII

Умерла бабушка Пиада, и овдовевший дед Михаил окончательно переселился в сад, им же посаженный по возвращении с Волги, где несколько лет проработал в артели грузчиков. Какое-то время сад этот пребывал в полном одиночестве, а затем к нему начали подселяться другие сады, и ко времени, о котором идет сейчас речь, зеленые ризы садов покрывали берега Баланды на добрый десяток верст.

По весне напротив нашего сада, рядом с водяной мельницей, арендуемой немцем Кауфманом, возводилась временная плотина. Она поднимала уровень воды настолько, чтобы ее хватало и для вращения мельничных колес и для полива садов и огородов, множившихся по обоим берегам реки. Полая вода легко сокрушала это сооружение из бревен, хвороста, соломы и песка, но оно вновь поднималось на пути Баланды, когда река отыграет, «перебесится», вернется в свое русло и превратится из бушующего потока в робкий, чуть заметный ручеек, коий можно было остановить брошенным поперек небольшим поленом. Поскольку плотина нужна была в равной мере как нам, монастырским, так и панциревским жителям, то и насыпалась она одновременно двумя селами. На одну сторону прорана возили хворост, камни, солому и песок монастырские мужики, на другую — панциревские. Дней десять место это напоминало два больших муравейника, недавно кем-то порушенных и теперь вновь заботливо возводимых. Когда река вконец обессилеет и местами сама приостановит свой бег, от вершины до подножия насыпные эти конусообразные курганы сплошь покрываются людьми с лопатами, вилами, граблями, носилками — это наступал самый горячий час, завершающий все дело. На пути еле шевелящегося ручья, от которого суждено вновь родиться полноводной реке, быстро поднималась запруда, поднималась все выше и выше, а курганы соответственно опускались, будто таяли на глазах зевак, коими по большей части оказывались мы, ребятишки, и древние деды, по немощи своей ограничивавшиеся тем, что покрикивали на своих сыновей и внуков, чтоб они «шевелились поживее» и успели возвести плотину раньше, чем река вновь обретет свою мощь и накинется на неокрепшее, неутрамбованное сооружение. Каждый полуметровый слой из хвороста, навоза, соломы и песка перекладывался накатами из нестроевых бревен, набросанных так и сяк для пущей устойчивости; на их укладку подбирались самые дюжие молодые, в полном, что называется, соку мужики, в их числе обязательно находились и Микарай Земсков с Паней Камышовым, добровольно подставлявшие свои плечи и спины под тяжеленный комель бревна. Отовсюду слышались не то подбадривающие, не то понукающие крики мужиков:

— Микарай!.. Давай, брат, давай!

— Паня, а ну, быстрей, быстрей! Проворней, Паня!

— Да кому ты орешь? Он ить не слышит ни черта! Ты бы сам поживей ворочал лопатками, чем других подгонять!.. Ишь какой командёр отыскался!..

За возведением плотины наблюдал арендатор Кауфман, своею горбоносостью и прегорным ростом, а также черными, навыкате, глазами сильно напоминавший «вэлыкого прарапа» Муратова, с которым, кстати сказать, через посредство моего отца быстро сошелся. Завидя его, монастырские и панциревские мужики оживлялись, ускоряли свое муравьиное «шевеление», и кто-нибудь из них, осклабясь, непременно запевал:

> Отчего же дело стало?

С обеих сторон дружно подхватывали:

> Нам хозяин не дал сала!

И, подняв на плечи сразу несколько бревен, мужики ревели:

> — Эх, дубинушка, ухнем!
> Эх, зеленая, сама пошла,
> сама пошла!
> Да ухнем!

Запевала, освобожденный на такой случай, на ходу сочинял припевки, вставляя в них либо имена, либо (что чаще) прозвища односельчан. Завидя, например, Ивана Денисова, прозванного почему-то Куцым, словно бы все остальные были с хвостами, во всю глотку заводил:

> Как у Куцева у Вани...

Артель тут же досочиняла дружным ревом:

> ...бабы хвостик оторвали!

И — опять:

> — Эх, дубинушка, ухнем!
> Эх, зеленая, сама пошла,
> сама пошла!
> Да ухнем!

Сочинитель, пока звучал этот будоражащий, веселящий душу припев, выбирал озорными, плутовскими очами своими очередную жертву и, сделав малый передых, заводил снова:

> Как у Катьки у Дубовки...

И, поскольку вторую строчку работающим трудно было угадать, запевала выкрикивал ее сам:

> ...обносилися обновки!

Большущая баба по прозвищу Катька Дубовка, круглая и рябая, удивительно похожая на дыню известного сорта, проходила на свою беду в это время мимо плотины и, услышав припевку, начинала под хохот и улюлюканье мужиков оглядывать всю себя, одергивать юбку, кофту, поправлять платок. Запевала же, а им чаще всего был мой отец, «выдавал» новый стих:

> Гришка Жучкин при народе
> обо.....ся на подводе!

Пушечный залп хохота оглашал берега реки и, удаляясь, уступал место «Дубинушке».

Больнее всех доставалось тем, кто не понимал шуток, кто не мог ответить на них еще более ядреной шуткой над самим же собой, то есть единственным, чем только и можно остановить насмешника, в данном случае моего папаньку. Григорий Жуков не знал всего этого, а потому и попадал в ядовитую строку доморощенного сочинителя. Он не находил ничего лучшего, как запустить в секретаря булыжником, подобранным в насыпном песке. Батя мой ловко увертывался и, побледнев чуток от просвистевшего у самого уха снаряда, переключался на другого мужика. Следующей жертвою оказывался дядя Иван Морозов, устроивший для себя перекур задолго до общего:

> Кто не видывал болвана,
> поглядите на Ивана!

Мужики отвечали «Дубинушкой», хохотали, веселые, незлобивые матюки сами собой срывались с их уст, отверзали рты, и белая кость крепких молодых зубов вспыхивала под лучами солнца. Над мокрыми от пота холщовыми рубашками курился пар, густая волосня на голове и бороде лоснилась от влаги, разгоряченные мышцы рук, плеч и ног упруго бугрились, требуя работы, не чувствуя тяжести. Иной сам просил:

— Миколай Михалыч, про меня сочинил бы что ни то!

Николай Михайлович не скупился — немедленно отвечал на такую просьбу:

> У Ефремова Федота
> ни хрена нейдет работа!

Подкрепив двустишье «Дубинушкой», мужики подтрунивали над Федоткой:

— Что? Напросился, дурак?.. Так тебе и надо!

А работа у этого мужичка действительно не очень ладилась: с ленцой был Федотка, он и попадался на язык запевалы в момент, когда подсаживался к Ивану Морозову, чтобы погрузить свою пятерню в чужой кисет, передохнуть малость, а заодно и сэкономить «золотую жилку», как он называл махорку собственного изделия.

Наступало время, когда и запевала и все остальные притомлялись, смех прекращался, шутки-прибаутки умолкали; края плотины сравнивались, и мужики, посматривая украдкой на Кауфмана, ждали от него вознаграждения. Тот делал знак мельнику, и мельник, алкавший этой минуты с таким же, ежели не большим нетерпением, с необыкновенной для его лет и немыслимой для расползневшего от гарцев [1] тела прытью убегал во двор. Скоро оттуда он и мельничиха тащили два полных ведра самогону, и на берегу укрощенной Баланды, на свежей плотине против Вишневого омута начинался пир горой. Оканчивался он где-то за полночь при свете костров или вовсе в темноте и не для всех благополучно. Одних жены и матери находили поутру у самой воды мертвецки пьяными, других наверху с разбитыми физиономиями, третьих обнаруживали внутри мельницы в огромных мучных ларях — извлеченные оттуда, они напоминали рождественских дедов-морозов; ну, а четвертые расползались по угрюмым, опутанным колючими плетями ежевики и удав-травы берегам омута и валялись там в живописных позах до тех пор, покуда не отрезвятся. Своих сыновей Петра, Николая и Павла подбирал их отец, а мой дедушка Михаил и по одному втаскивал в только что построенный сызнова шалаш. Иногда ему помогал поп Василий, который приходил сюда, чтобы освятить, окропить иорданской водицей новую плотину и омочить уста заодно с мужиками влагою из принесенных мельником и мельничихой ведер. Утомленные работой и менее упитанные прихожане упивались быстро, а батюшка, не принимавший участия в возведении запруды и харчившийся получше, оказывался устойчивее, от принятых вовнутрь «лампадок» только багровел и был несокрушим, как мореный дуб. Влив в себя полулитровую кружку первака, он крестил заволосатевший рот перстом, возносил, подняв очи к небу, хвалу всевышнему и, крякнув от удовольствия, говорил:

— Хороша. Кого угодно введет во искушение.

[1] Гарцы — часть муки, взимаемой мельником за помол.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—26.

Так было в каждую весну, но не в нынешнюю. Этою весной монастырские мужики работали молча, лишь изредка сердито переругивались, чего прежде не наблюдалось. Не слышалось ни «Дубинушки», ни озорных папанькиных импровизаций, хотя отец находился тут, ни произведенного ими сочного, освежающего душу смеха; не видно было и монастырских ребятишек, которых в прошлые годы сбегалось сюда видимо-невидимо,— теперь бы они уж кувыркались в песке, мешая взрослым, получали бы вполне заслуженные, а потому и не очень обидные подзатыльники от своих и чужих отцов; правда, на противоположной стороне мельтешило с десяток панциревских детей, но разве такая малость могла создать веселую, оживляющую все и всех кутерьму? К тому же, как мне казалось, наши панциревские одногодки не были такими выдумщиками, какими были мы, монастырские. Не было теперь там и нас с Ванькой Жуковым,— не то мы явились бы сюда задолго до прихода взрослых, вскарабкались бы на самое острие насыпи и кувыркались через голову до ее подножия. Не было нынче ни моих и ни Ванькиных товарищей, и хорошо, что не было, а то затеяли бы драку, вовлекли бы в нее старших и расстроили все дело.

Грустно выглядывал я из-за талового куста в дедушкином саду в надежде увидеть хоть кого-нибудь из своих друзей на плотине, но никто не приходил. Правда, были там и Микарай и Паня, но я не решился покликать их и увести с собою в лес, на Смородинную поляну, где по весне надолго задерживалась полая вода, привлекая к себе диких разнопородных уток,— некоторые даже гнездились на кочках посреди поляны и успевали выводить потомство, и хорошо было бы поглядеть, не появились ли там утята.

По окончании работ на плотине я любил приходить в дедушкин сад и, выйдя на берег реки, наблюдать, как наполняется ее ложе. Поставив колышек в метре от воды, мы через каких-нибудь часа два-три видели, как он будто бы украдкой от нас уходил в воду, и возле него уже сновали невесть откель взявшиеся шустрые мальки, а на самой макушке обязательно сидела стрекоза, вызывавшая рябь в наших глазах своими нарядными, прозрачными, как застывшая детская слеза, крыльями. Ее опрокинутое отражение виделось и в воде, но оно там шевелилось, преломлялось, причудливо меняло форму от легкой ряби, вызванной беготнею мальков, жуков-плавунцов и паучков-водомеров, также неведомо откуда явившихся. По мере того, как наполнялось русло Баланды, выложенное по самой глубине и по крутым берегам тугой и вязкой глиной, похожей и по цвету и по этой вязкой упругости на цемент, а поверх покрытое толстым слоем мелкого золотистого песка, по мере этого река наполнялась все новой и разнообразной жизнью. За мальками выплывали из омутов, где пережидали пору мелководья, более крупные рыбины — сперва густерки, синьги-верхоплавки, красноперки, уклейки, небольшие подлещики; у самого берега, в зеркально чистой купели, встречь течению упрямо держались пескари, пошевеливавшие легонько темными плавничками и длинными усиками, по которым только и можно было обнаружить их и при желании подвести наживку из дождевого червяка прямо к пескариной голове. В какой-то час по синей глади реки в полном безветрии пробегала зябкая дрожь — это шарахалась мелюзга от хищников — окуней либо щук, вышедших на первый промысел и разбойничавших понад берегом, под нависшими над водой ивовыми ветвями. А примерно через неделю, когда вода подымется до намеченной Кауфманом отметки и лишняя побежит через специально построенные шлюзы, появится и все остальное население реки. По утрам, перед восходом солнца, у самых крутых берегов откуда-то из-под коряг подымутся сперва сомы, затем их сменят медночешуйчатые сазаны — эти начнут буравить зеркало омутов, подпрыгивать над ним, с полуметровой высоты звончато шлепаться в воду, снова выныривать и ввинчиваться вертикально в воздух, чтобы испытать судьбу в чуждой им стихии,— это бывает тогда, когда сазан жирует, «плавится», как говорят рыбаки. Поближе к песчаным отмелям подплывут лещи — их присутствие выдает бегущая поверх воды цепочка долго не угасавших, не лопающихся пузырей. Где-то по соседству с лещами, не мешая им, бродили судаки, разделившись на колонии по возрастному признаку: мелкие подбирались к самому берегу, покрупнее держались чуть дальше от него, а самые крупные — еще дальше.

Да, да, водились когда-то в моей крохотуле Баланде и судаки, и жерехи, и лещи, и сазаны, и даже большеротые усатые сомы, не говоря уже о сонмище более мелких рыбин. Где теперь они? Отчего же в век умного металла, пришедшего на помощь человеку со своими железными мускулами, когда все вокруг прямо-таки нашпиговано копающими механизмами, такими, как скреперы, землечерпалки, экскаваторы, бульдозеры, когда великие реки во многих местах перехвачены гигантскими плотинами мощных гидроузлов, когда в два-три дня можно снести целые горы или, напротив, насыпать новые, отчего же, спрашивается, оказалось невозможным поставить небольшую плотинешку у того же Вишневого омута, чтобы заросшее в последние четыре десятка лет дрянным кустарником и камышом русло реки очистилось, наполнилось вновь янтарно-золотистыми струями чистой воды и дало убежище и рыбам, и водоплавающей птице, и лягушкам, вот уже какой год грозно безмолвствующим, не забавляющим наше ухо своими шумными свадьбами, либо крикливой бабьей перебранкой: «Кы-урва, кы-урва», «А ты как-ая, а ты как-ая»? А соловьи?

Будут ли они селиться по берегам умирающей реки, когда их волшебный голос не рассыплется над зеркальной водной гладью и не размножится услужливым эхом, не разольется далеко во все стороны светлою волной, от которой в сладкой истоме сжимается наше сердце?..

В далекое то время, к которому относится наше повествование, никому из нас и в голову не приходило, что через несколько десятков лет все тут изменится до неузнаваемости, что Баланда обозначит свое существование лишь угрюмыми черными омутами, а в остальных местах или затеряется вовсе, или будет через силу продираться сквозь вонючую тину, тростники, камыши и перепутанные корневища уродливых ветел, взявших в полон и берега, и их склоны, и само ложе когда-то веселой, озорной речушки, несправедливо нареченной столь неблагозвучно. Думалось, всегда будет так, как оно есть: по весне плотину снесет полой водой, а люди, соединившись в большую артель, подымут ее вновь с тем, чтобы дать более интересную, наполненную жизнь и себе и всему сущему окрест.

Теперь же душу твою постоянно терзает одна и та же мысль: кто нам, ныне живущим и здравствующим, кто нам дал право приносить в жертву техническому прогрессу хотя бы вон ту стрекозу, которая так доверчиво присела на кончик пальца моей семилетней внучки и привела девочку в безумный восторг, как некогда приводила и меня самого?! Посоветовались ли мы на этот счет с матушкой-природой, давшей жизнь и нам, и этой стрекозе, и неисчислимому множеству других существ, поселивши всех нас в одном общежитии на планете по имени Земля, найдя, очевидно, этот акт очень нужным и необходимым? Почему мы, люди, должны решать за всех и вся: быть или не быть? Ну, а коль скоро мы присвоили (а мы все-таки его присвоили!) себе такое право, то не следует ли нам, разумнейшим из разумных, быть еще разумнее?..

XVI

У дедушки Михаила, помимо меня, было еще десять внуков и внучек, и все они, как только отцветет сад и чуть подрумянятся его плоды — вишни, красная смородина, крыжовник, малина, а чуть позже и яблоки, точно мухи, слетаются на кисло-сладкую приманку. Дед ожидал этого нашествия как неотвратимого бедствия, потому что у детей всегда не хватает терпения дождаться той поры, когда плоды созреют и сами будут проситься, чтобы их сорвали, а деревья и кустарники радоваться тому, что их ветви смогут наконец распрямиться и отдохнуть от тяжкой ноши, набраться сил для нового творения. Старик болезненно морщился, когда видел, как ребятня набрасывается на гроздья зеленой кислющей смородины, дерет ее вместе с кистями,— видел это, нравственно страдал, страдал, думается, и физически, будто с него самого сдирали кожу, но прогнать детей не решался: для этого он слишком любил их. Нельзя только сказать, что всех в одинаковой мере. Ивана, самого старшего из его внуков, его сестру Любашу, Саньку и меня встречал более приветливо, чем всех остальных, потому что без дедушкиного разрешения мы не притрагивались ни к дереву, ни к кусту. Хмурился, внутренне холодея, когда в сад заявлялись Егорка, Ленька, Настя и Маша — последние по шкодливости мало в чем уступали средним своим братцам. Особенно опасен был Ленька, поскольку наведывался в сад не только днем, но и ночью, да не один, а со всей своей «гоп-компанией», в которой верховодил не кто-нибудь еще, а Самонька,— а чего хорошего можно ожидать от этого добра молодца! Случалось, что и я приглашал в дедушкин сад своих товарищей, но они (даже Ванька Жуков и Гринька Музыкин) не своевольничали, угощались тем, что припасено дедом загодя и хранилось в шалаше. А хранилось и поджидало нас там немалое богатство: это и снятые с самых вершин созревшие раньше всех анисовые яблоки, груши бергамот, белый налив, ведерко темно-бордовых вишен, большое деревянное блюдо малины, распространявшей по всему шалашу свой ни с чем не сравнимый запах, от которого кружилась голова и ноздри начинали вздрагивать; это и покрытый легким пушком пузатенький и полосатенький крыжовник, стыдливо покрасневший с одного пока что боку; это и розовая вперемешку с черной смородина, делавшаяся от такого смешения дьявольски вкусной; это и свежесплетенная из тончайших ивовых прутьев белоснежная корзиночка, из которой подмигивали вам бусинками черных глазенок ягоды черемухи,— вяжущий, терпкий их вкус касался языка раньше, чем бросишь на него саму отливающую синевой горошину. Это, наконец, и истекающие солнечными струями пчелиные соты, из которых не выкачан мед и которые тоже дожидались нашего прихода. Все это как бы говорило: нате, ребятишки, насыщайтесь, все это ваше, только не лазайте по яблоням, не копайтесь в малиннике сами, не обдирайте смородину, будьте умницами, и тогда сделаетесь желанными гостями и сада и садовника!

И все-таки я чувствовал, что дедушке было бы приятнее встречать меня одного. И дело тут не в том, что я менее других наносил урон его саду (случался и со мною грех, лазал и я по яблоням и вишенью, когда старик уходил к заутрене или к обедне в церковь), но он видел, что для меня так же, как и для него самого, сад означал не только плоды, которыми можно насладиться,— нет, он был для нас обоих чем-то гораздо большим и значительным, да вот только не подберешь слов, способных все это выразить.

Видя, что я пришел к нему надолго, «насовсем», чего не делал никто из других его внуков и внучек, дед спрятал в наполовину поседевшей бороде улыбку, но она нашла выход наружу через его по-детски синие, увлажнившиеся вдруг глаза. И дед поспешно осведомился:

— Один?

— Один, дедь Миша.

— А почему? А де ж твой друзьяк Ванюшка?

Я промолчал.

— Ну, ну. Усё знаю. Поскандалили. Погано это, Миша́нька.

— Он сам начал.

— Усё одно погано,— вздохнул старик, и давешняя улыбка моментально убралась с его лица. Заключил памятно: — Зло, Мишанька, все равно, шо сорняк. Посеешь его с умыслом, нечаянно ли, попробуй потом выполи! Так ухватится, так расползется вокруг, шо век будешь дергать — не выдергаешь. Помиритесь, покамест не поздно, Миша́нька.

— Он дерется,— вздохнул теперь уж и я.

— Но ить и ты дерешься. И нас, больших, не обошла стороной ваша ссора. Вчерась у церковной ограды повстречал Ванюшкиного батьку, Григорь Яковлева, а вин и руки не поднял к картузу, шоб поздравствоваться с твоим дедушкой. Прошел мимо бирюк бирюком. Як ты розумнешь, чому вин так?

Я промолчал, уткнувшись глазами в свои босые ноги, успевшие покрыться цыпками от пальцев до колен.

— Мовчиш? То-то, брат, и оно... Ну, а с цыпками твоими мы управимся. Угостим их кислым молочком на ночь.

— Дедь Миш, не надо кислым! — возопил я, вспомнив о процедуре, к которой часто прибегала мать, пользуя наши терзаемые цыпками ноги. Усадив меня (а раньше так же поступала с Санькой и Ленькой) на скамейку, она приказывала засучить штаны, наливала полную пригоршню кислого молока (дед называл его ряженкой) и с ожесточением втирала в места, больше всего покрывшиеся струпьями от этих трижды проклятых цыпок. Втерев, укладывала в кровать, закутывала ноги в теплое, выстеганное из нарядных клинышков одеяло, говорила всегда одно и то же: «Терпи» — и удалялась по своим делам. Было, однако, невтерпеж, и я выл по-щенячьи, когда икры ног охватывались огнем, когда хотелось сорваться с места и выскочить в окно. К счастью, такое длилось недолго. Когда ты готов был в самом деле выскользнуть изпод одеяла, наступало чуть ощутимое поначалу облегчение. Оно сопровождалось подергиванием кожи, пощипыванием, и это пощипывание становилось все тише и тише, а потом и вовсе прекращалось, и я не замечал момента, опрокидывавшего меня в глубокий, покойный сон. Просыпался поздним утром с радостным ощущением, что у меня ничего не болит, ощупывал икры ног — кожа на них была мягкой, эластичной, и цыпок на ней как не бывало! И все-таки процедура была не из сладких. Потому-то я и взмолился перед дедушкой, вознамерившимся в первую же ночь попотчевать меня ею: — Не надо, дедь! Не надо!

Дед ничего не сказал, а в полночь, когда я, по его словам, «дрых без задних ног», он смазал-таки мои ноги кислым молоком и сделал это так искусно, осторожно, что я даже не проснулся. Очнулся оттого, что солнечный зайчик, пробравшись через прохудившуюся крышу шалаша, скаканул прямо на мой нос и принялся щекотать его. Наморщившись, я громко чихнул, и от этого звука разлепил веки глаз и засмеялся, сам не зная отчего.

— Ну, шо, Миша́нька, гарно зараз? — спросил дед, входя в шалаш и поднося прямо к моему раскрытому в готовности рту пригоршню влажной от росы малины.— На-ко вот причастись, драчун!

— Никакой я не драчун! — возразил я, захлебываясь малиновым соком.

— А кто ж ты есть такой?

— Никто.

— Так, Миша́нька, не бывает. Никто — это от — фу! Пустота! — И дед дунул на поднятую свою ладонь, будто смахивая с нее что-то. Я же поспешил перевести наш с ним разговор на иной лад: дети умеют хитрить ничуть не хуже взрослых.

— Дедя Миша, а ты не боньшся жить тут один? — спросил я.

— А кого мне бояться? — в свою очередь, спросил он.

— Как кого? А волков! Их ведь полон лес!

— А ты, Миша́нька, бачив, шоб волки кого-нибудь тронули из людей?

— Я-то не видал. А Ванька сказывал...

— Мало ли кто и чего скажет. А ты своим умом старайся до всего дойтить.

— Как это?

— А от так. Голова-то есть у тебя на плечах?

— Ну, есть,— соглашался я.

— Вот и думай, соображай ею. Волки никого из нас не тронули, а дядя Сергей Звонарев сколько уж их переловил и передушил?! Страшнее волков, Миша́нька, злые люди.

— Дядя Сергей злой? — встревожился я, вспомнив этого доброго, веселого мужика.

Застигнутый, похоже, врасплох, дед некоторое время молчал. Подумав, сказал также очень памятно:

— Много зла, Миша́нька, люди причиняют и себе и зверью разному по нужде або по глупости.

— Дядя Сергей — по глупости?

— Ну уж и репей ты, Миша́нька! Ну, шо прицепився? Мабуть, по нужде иль по азарту. Усе охотники як игроки картежные. Втянутся в это дело — никакая сила не оторвет их от него. А дядя Сергей природный охотник. Сызмальства приучен.

— Это плохо?

— Чего ж тут хорошего — убивать?

Пока я обдумывал эти дедушкины слова, он вернулся к прежнему нашему разговору:

— От ты, хлопец, спросил давеча: как мне тут одному? А хиба ж я один в саду? Глянь, а это кто?

У наших ног вертелась пестрая курица, заглядывая нам в лица то одним красноватым крапчатым глазом, то другим.

— Это Тараканница. Помнишь, поди, ее, шельму? С самой весны живет в саду. Ба-

чишь ту жердочку? Это ее насест. Ночует на нем. Прошлой ночью лисичка-сестричка попыталась было ее утащить, но ничего у нее не вышло. Подстерег я ее и турнул.

Потом дедушка указал на подскакавшего к самому шалашу такого же пестрого, но только еще наряднее удода, или лесного петушка, как звал он эту льнущую к нему птицу. Удод распустил хохолок, и теперь над его головой поднялись вместо одного два веера. Поворачиваясь к нам так же, как курица, то одним, то другим попугаевым глазком, он несколько раз кряду прокричал:

— Худо тут! Худо тут! Худо тут!

Дед сейчас же возразил ему:

— Это ты, брат, неправду говоришь. Глянь, яка благодать вокруг! А ты — худо тут!.. Голоден, поди?.. То-то ж. На-ко поклюй! — И старик лукнул в сторону птицы хлебные крошки.

Тараканница, однако, опередила удода, склевала крошки раньше, чем он решился подскочить к ним. Дед заманил ее в шалаш и на время запер там. Теперь удод мог харчиться без всяких помех.

Насытившись, изрек:

— Добро тут, добро тут!

— Давно бы так! — Морщины на висках, у повеселевших дедушкиных глаз сошлись в частую сетку, а на лбу, напротив, разошлись вниз и вверх, оставив после себя кривые поперечные белые полоски.— А ты, Миша́нька, говоришь... Нет! Туточки нас богато. Вон, побачь, ишо один лесной житель объявився!

Я вздрогнул, по спине, под рубашкой, пробежали холодные знобящие мурашки: из-под кучи хвороста, перемолотой куги и разного другого хлама, нанесенного в сад полой водой и зачем-то оставленного дедом, важный и по-хозяйски уверенный в себе, выползал здоровенный уж, высоко подняв золоченую коронованную свою головку. Он полз, извиваясь, прямо к нам и стриг воздух своим раздвоенным язычком. Когда до ужа оставалось не более двух шагов, я укрылся на всякий случай за спиной старика. А тот, к великому моему удивлению и ужа́су, взял эту тварь на руки и, свернув бубликом, положил себе за пазуху, сказав при этом:

— Погрейся трошки. Вишь, якый ты холодный! — И обращаясь ко мне, добавил: А ты, Миша́нька, зря его бонишься. Ить это не змея. Да и змея, ежли ты ее не обидишь, не тронешь, не укусит.

Нашарив рептилию под белой холщовой рубахой, дед осторожно опустил ее на землю.

— Ну, ползи, куда тебе надобно, золотоголовый, приманывай в речке лягушек.

— Дедь, он что, ловит их?

— Ловит.

— Эт как же? Рази уж умеет плавать?

— Ого! — воскликнул старик.— Ишо як умеет! Ужо побачимо с тобой.

В тот вечер, за час примерно до захода солнца, был с ним и я. Дедушка предупредил:

— Сиди тихо, Миша́нька. Зараз мы, мабуть, шось побачимо.

Сидели. Молчали. И видя, что терпение мое находилось на грани истощения, дед предостерегающе поднял руку. И тут я заметил старого нашего знакомца. Он неслышно выплыл из-под талов и, балансируя на воде длинным извивающимся телом, остановился. В почти полной тишине я услышал шипение, похожее на гусиное: «ш-ш-ш-ш». Оно исходило из разверстой пасти ужа, в которой зловеще мелькали тонкие длинные жальца языка. А затем я увидал нечто совсем уж не согласующееся с разумом: жалобно оря в смертельном страхе, прямо к этой разверстой пасти плыла большая зеленая полосатая лягушка, в несколько раз толще поджидавшего ее ужа. По мере того, как она приближалась к роковому для нее рубежу, крик ее становился все отчаяннее, пока не погас в черной пропасти ужиного рта. Пресмыкающийся разбойник не сразу проглотил свою жертву. Сперва подержал во рту одну лягушачью голову, а затем судорожными, прерывистыми сокращениями гибкого, пружинистого тела стал проталкивать и всю ее себе вовнутрь, и было жутко видеть, как бугрилось, расширялось длинное тело рептилии там, где оказывалась несчастная лягушка.

— Дедь, я боюсь. Пойдем отсюда! — закричал я.

— Ну, ну, пойдем, сынок,— сейчас же согласился старик. Видать, ему и самому было невмоготу наблюдать отвратительное это зрелище. Потемнев лицом, взъерошив седеющую бороду, хрипловато вымолвил, ежась: — Так вот и пожираем друг дружку. Неразумно устроен мир, Миша́нька. Погано!.. Пидемо до шалаша, чайку́ сготовим. Скоро зовсим стемнеет.

Под нарастающий шумок самовара, под умиротворяющее его бормотание я прислушивался к пробуждающейся жизни ночных обитателей сада и охватывающего нас с трех сторон темного, сейчас совсем черного леса. Поскольку соловьи уже свое отпели и заняты были заботою о потомстве, голоса других птиц не особенно баловали мой слух. Где-то совсем близко, невидимая, прокричала по-дурному сизоворонка, прозванная за свой отвратный голосище дикой, или лесной, кошкой. Как бы перекликаясь с нею, вовсе уж сотрясающим не только человеческое ухо, но и саму душу воплем отозвался из глухого темного омута леса филин: кликушески-притворный сатанинский стон его прошил меня с головы до ног, и, холодея от страха, я инстинктивно окольцевал дедушкину шею трясущимися руками. Дед хохотнул и сказал спокойно:

— Кто ж боится филина, хлопче? Для человека он не страшен. Мышь али там малая пичужка — те хай держат ухо востро.

— А как же он увидит их ночью-то? Ведь тьма-тьмущая.

— Это для нас с тобой. Филин, сова, сыч видют и ночью, Миша́нька.

— Эт как же?

— Глаза у них так устроены.

— Э-э-х! — ахал я, крайне удивленный. Такими уж бог их сотворил.

— А почему у нас нету таких глаз?

— А человека господь тоже не обидел. Он дал ему разум, да только, сынок, мы не всегда умеем распорядиться этим богатством.— И дедушка вздохнул.

Тем временем в воздухе прямо перед нами что-то замельтешило, заметалось неслышно. Видя, что я замотал головой, стараясь понять, что это такое, дедушка сказал:

— Мышка летучая.

— А разве есть такие? — опять удивился я.

— Есть, есть, Миша́нька, и такие. На земле усё есть. А эта в моем шалаше, под самой крышей, днюет. Прицепится лапками за какой-нибудь прутик у конька и висит вниз головой — спит.

— Днем?

— Днем.

— И-ех! — в какой уж раз вырывалось у меня.

— Ночью она выходит на охоту.

— А почему не днем?

— Днем не видит.

— И-ех!

Дед уже укладывал меня на своей импровизированной кровати, когда кто-то стал царапаться в сплетенную из вязовых прутьев дверь. Сквозь сон услышал ласковое стариковское бормотание:

— Ну, вот и ты припожаловал?

— Кто там, дедь? — очнувшись, спросил я.

— Да Жулик, кто ж еще. Побачив, шо тебя нема, ну, и подался в сад. Знает, шельмец, где тебя шукать. Ну, ну, заходь, устраивайся и ты. Всем места хватит... Ну вот, Миша́нька, а ты сказывал, шо мы тут одни. Во-о-он нас как много! — помолчав и присев у моего изголовья, проведя пальцами по моим волосам, дедушка вновь вернулся к мысли, давно, видать, и более всего его беспокоившей: — А с Ванюшкой Жуковым помирись. Делить-то вам, мотри, нечего. Ну, а зараз спи. Спи, аника-воин.

Продолжение следует.

СВЕТЛЫЙ ОБЛИК БЫЛОГО

Существовала ли библиотека Ивана Грозного и можно ли ее отыскать? — вопрос этот волнует поколения исследователей — историков и археологов. Ведь в ней было собрано около 800 уникальных и большей частью не дошедших до нас произведений античных писателей и поэтов. И где находилась эта замечательная либерея — в Кремле или в Александровской слободе под Москвой?

Увлекательным рассказом об этом сюжете открывается книга художественно-исторических очерков «Пермские чудеса» писателя и краеведа В. Осокина, автора многих книг о литераторах и художниках, о достопамятностях Москвы и Подмосковья, связанных с именами выдающихся деятелей русской культуры. В очерках перед читателем проходят эпизоды жизненного пути замечательных людей, повествуется об их творениях. Но, пожалуй, главным героем книги является напряженный и всепоглощающий научный поиск, к которому влечет автора неугомонная любознательность. Перелистывая страницы книги, начинаешь понимать, как много дает такая увлеченность неизведанным, как раздвигает она духовные горизонты.

И еще одним примечательна эта книга. В. Осокин пытается воссоздать облики забытых или полузабытых писателей и художников минувшего столетия, проникнуть во внутренний мир людей, внесших свой пусть небольшой, но самобытный вклад в развитие русской культуры.

Мы многим обязаны таким скромным фигурам, оставшимся в тени истории. Благодаря им плоды интеллектуальных и нравственных усилий ушедших поколений воспринимаются нами не отвлеченно-теоретически, а одушевленно, с сознанием духовной близости и родства с ними. Вглядываясь в лица наших предков, отдаленных временем, мы находим в них свои собственные черты. И, наверное, такое ощущение дистанции времени дает нам возможность лучше понять наше бытие. В этом значительность темы книги, ее непосредственная связь с нашими днями.

Есть в мире искусства сотни замечательных явлений. Для них у нас нет еще слов, нет выражения. Чем удивительнее событие, чем оно великолепней, тем труднее передать его смысл нашими будничными словами.

Одним из таких прекрасных и во многом еще необъяснимых явлений нашей культуры предстают жизнь и творчество великого русского ваятеля Сергея Тимофеевича Коненкова.

В. Осокин сделал попытку рассказать о некоторых сторонах художественной деятельности и жизненного пути Коненкова в книге «Волшебный резец», где развертывает перед нами неповторимую летопись упорного восхождения скульптора к вершинам мастерства, к пониманию им своего художнического предназначения и к осознанию слитности своей судьбы с судьбами народа.

«В наше время надо быть не только отражателем современности,— говорил скульптор,— художник непременно должен быть и философом и пророком одновременно».

Еще многое можно было бы сказать об интересных работах В. Осокина, но лучше всего отослать читателя к самим книгам, написанным для всех тех, кого не оставляют равнодушными судьбы русской культуры и кого неудержимо влечет мир прекрасного.

А. САВЕЛЬЕВ

Василий Осокин. Пермские чудеса. М. «Молодая гвардия». 229 с.

В. Осокин. Волшебный резец. М. «Московский рабочий». 176 с.

НЕ ТОЛЬ

А. А. СМИРНОВ,
председатель Правления Центросоюза

интервью «огонька»

— Алексей Алексеевич, роль потребительской кооперации становится все более заметной в экономической жизни страны. И все же — что такое сегодняшняя потребкооперация?

— Это добровольное объединение почти шестидесяти миллионов колхозников, рабочих совхозов, сельской интеллигенции, это 370 тысяч предприятий торговли и 98 тысяч кафе, столовых, ресторанов. Одновременно они могут усадить за свои столы более четырех миллионов человек. Семьдесят пять миллиардов рублей составил кооперативный товарооборот в прошлом году. Кооперация — это тысячи заготовительных контор и пунктов, более 20 тысяч промышленных предприятий, дающих рынку товары массового спроса на сумму около шести миллиардов рублей ежегодно.

Не думаю, что большие цифры могут кого-то удивить: в нашей стране привыкли к масштабности. Понимаю также, что цифра не всегда передает настрой и характер той или иной деятельности. И все же позволю себе привести еще несколько показателей. В 1985 году потребкооперация продаст товаров примерно на 90 миллиардов рублей. Но суть не только в значительности этой цифры. В кооперации, на мой взгляд, в последние годы стал более высоким уровень организации дела. Если строится магазин, то современный, удобный, красивый, предполагающий применение самообслуживания и иных прогрессивных форм торговли, которые еще вчера были привилегией только городской торговли. Новые склады и базы оснащаются добротным оборудованием, имеют все необходимое для хранения и сортировки изделий. Отличные кооперативные предприятия вы встретите на Украине, в Узбекистане, в Белоруссии, Латвии, Эстонии, Литве, во многих краях и областях Российской Федерации. Но мы не только строим новые здания, а все шире проводим реконструкцию имеющихся сооружений. Это дает значительный экономический эффект. Кооператоры умеют считать. Экономика должна быть экономной — эта задача, сформулированная товарищем Л. И. Брежневым в Отчетном докладе XXVI съезду КПСС, является основной и нашей повседневной работы.

Все больше в стране появляется отличных кооперативных предприятий. Но больше вовсе не значит достаточно. Резервы есть, и немалые... Начнем с производственной деятельности. Правда, и тут без статистики не обойтись. За годы одиннадцатой пятилетки кооперативная промышленность выпустит товаров массового спроса примерно на 32 миллиарда рублей.

В программе производства — строительные материалы, швейные изделия, дубленки, добротные вещи из вторичного сырья: надобность во всем этом на селе не уменьшается, а растет. Кооперативная промышленность выпускает изделия культурно-бытового и хозяйственного назначения. Даже цветы поставляются кооператорами. Но все же цветов мало, очень мало... Товары с маркой наших предприятий знают не только в селах. Государственная торговля охотно закупает для своих магазинов мебель эстонского «Кооператора», такие изделия, как закарпатская керамика, игрушки нашей загорской фабрики.

Кооператоры заготавливают мясо, ягоды, вырабатывают колбасу и копчености, варят варенье, сушат, солят и маринуют грибы, поставляют клюкву и бруснику. За годы наступившей пятилетки предстоит заготовить 70 тысяч тонн клюквы и брусники, вдесятеро больше других дикорастущих плодов и ягод, 140 тысяч тонн грибов. Испечем почти 60 миллионов тонн хлеба и 550 тысяч тонн кондитерских изделий.

Кооператорам предстоит немало сделать, чтобы их вклад в продовольственную программу был весом и заметен. Основное здесь — увеличение заготовок мяса, молока, овощей и фруктов, закупка этих продуктов в личных подсобных хозяйствах, в садово-огородных товариществах. Ну и, понятно, поставка их в торговую сеть и свежими и переработанными на различные консервы, варенья и маринады.

Недавно на заседании Правления Центросоюза мы тщательно рассматривали предложения по производству товаров народного потребления и закупок сельхозпродуктов, которые разработаны Белорусским потребсоюзом. Здесь решили за пятилетку вдвое увеличить товарные ресурсы как за счет производства на предприятиях, так и за счет закупок у населения и колхозов по ценам согласно договоренности. Белорусские кооператоры начинают вовсе не на пустом месте, не от нуля, как говорится. В потребкооперации Белоруссии заметно вырастает производство консервов, колбасных изделий, заготовка овощей, яиц, меда, грибов, ягод, различных дикорастущих плодов. С удовлетворением отмечаю — программа эта реальная, выполнимая.

— Подобные резервы, видимо, имеются не только у белорусских кооператоров?

— Практически резервы — большие или меньшие — есть у каждого союза потребительских обществ. Конечно, они не одинаковы. Значительную работу по увеличению продовольственных ресурсов проводят кооператоры Узбекистана, Казахстана, Азербайджана и Таджикистана, Краснодарского края, Омской и Ростовской областей и других районов РСФСР, Тернопольской, Винницкой, Хмельницкой областей Украины.

В павильоне Центросоюза на ВДНХ открыта выставка, выразительно подтверждающая не новую в общем-то мысль: трудолюбие, ответственное отношение к своему делу непременно приносят успех. Один из стендов выставки знакомит с Зинаидой Дмитриевной Пустыльной. Она живет и работает в Хмельницкой области. Только за год Зинаида Дмитриевна заготовила десятки тонн мяса, дикорастущих плодов и ягод. Неподалеку от тех мест, в которых живет эта неутомимая труженица, находится Каменец-Подольский район. Здесь стали искать резервы увеличения поголовья скота и заготовок мяса. Тщательно, изо дня в день велась внешне неброская, но очень важная работа. Результаты ее не могли не сказаться. Сейчас в магазинах района в продаже всегда есть три-четыре сорта колбасы и копченостей — они поступают сюда с кооперативных предприятий, — мясо, мясопродукты, птица, овощи (хотелось бы только пожелать, чтобы ассортимент овощей был пошире!).

В потребительской кооперации ныне около семи тысяч откормочных ферм и пунктов. Они оправдали себя, с какой стороны ни посмотри на их деятельность. Более 170 тысяч тонн говяжьего, свиного, птичьего и кроличьего мяса получено отсюда за минувшую пятилетку магазинами и предприятиями общественного питания, колбасными цехами. В одиннадцатой пятилетке поставлена задача: за счет откорма получить не менее 400 тысяч тонн

НЕПОДДАЮЩАЯСЯ ПРИСТАВКА

Осуществить дальнейшее развитие телевидения и радиовещания. Ввести вторую общесоюзную программу телевидения.

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

На нашей планете, как мы уже знаем, все исчерпаемо: руды, нефть, вода и даже воздух. Но не многим известно, сколь ограничены возможности эфира,— в нем давно тесно. Не случайно на наших серийных телевизорах только двенадцать каналов. Просто в отведенном для них волновом диапазоне — примерно от одного до шести метров — больше не помещается. Попробуй разделить эту дюжину на все области Украины, если только у Киева три канала. В областях тоже одной программой не хотят ограничиваться... Такая же картина и в других густонаселенных регионах.

На Западе большинство телепрограмм идут в дециметровом диапазоне с длиной волны около метра и менее. В этой полоске эфира могут уже поместиться не 12, а более восьмидесяти каналов! Правда, техника для передачи и приема несколько иная.

Эти волны тоже давно поделены. Еще в 1960 году в Стокгольме представители европейских государств, в том числе и СССР, поставили свои подписи под документами, в которых четко оговорено, где и какие телевизионные каналы можно использовать.

К чему это мы так углубились в техническую сторону вопроса? Дело в том, что все наше дальнейшее развитие телевизионной сети возможно только при условии использования дециметровых волн. В нашей стране с начала семидесятых годов стали устанавливать необходимое оборудование (с каждым годом его выпускается все больше) для передачи телепрограмм в дециметровом диапазоне. Для передачи — прошу это заметить. Только на Украине построено, оборудовано и сдано в эксплуатацию несколько десятков таких передатчиков. Что же касается выпуска средств для приема передач, то тут хвастать нечем.

Посмотрите внимательно на ваш телевизор. Если ему не больше десяти лет, то рядом с переключателем каналов есть еще одна загадочная ручка. Вокруг нее написаны двузначные числа. Можете вертеть ее сколько угодно — ничего не изменится. Потому что за нею — пустота, порожний ящичек, предусмотрительно оставленный для приставки дециметровых волн. А самой приставки нет: когда будет надо, тогда, как я догадываюсь, можно и поставить.

И вот из газет стало известно, что в Киеве в конце прошлого года закончен монтаж дециметрового передатчика большой мощности, появилась четвертая программа, идут пробные передачи. Я пришел к главному инженеру объединения «Бытрадиотехника», которое руководит всеми телеателье в Киеве, и попросил сделать так, чтобы и мой телевизор (новейшей марки, между прочим) мог принимать новую программу.

— К сожалению, это невозможно,— сказал он.

В дальнейшем удалось выяснить, что для приема дециметровых волн нужна не только приставка, для которой вот уже десять лет оставляется место в каждом телевизоре, но и отдельная антенна. Приставки в продаже бывают далеко не всегда. Умельцы мастерят их сами. А поскольку дециметровые передатчики врываются в эфир нарастающими темпами, то во многих областях самодельные приставки и антенны появились на черном рынке. «Умельцы» продают их десятками и по высоким ценам.

Но и эти приставки и самодельные антенны годятся для условий индивидуального домостроения — в поселках, селах, небольших городах. Хуже обстоит дело в боль-

КО МАГАЗИНЫ

мяса — в два с половиной раза больше, чем за прошедшие пять лет.

Одним из резервов увеличения продуктов питания являются приусадебные хозяйства.

У нас немало энтузиастов, умелых и инициативных работников, прочными деловыми контактами связанных с владельцами приусадебных участков. Один из них — Константин Назарович Марковкин. Более двадцати лет работает он заготовителем во Фроловском райпо Волгоградского облпотребсоюза. За пять лет вместе со своим напарником Анатолием Филипповичем Марковкиным он закупил у населения 1700 тонн мяса. За пятилетку кооператоры страны предполагают приобрести сельскохозяйственной продукции и сырья на двадцать три миллиарда рублей. Но тут задача кооператоров двоякая: закупить излишки продуктов, полученные в таких мини-хозяйствах, и вместе с тем способствовать их дальнейшему развитию.

Мы стремимся создать владельцам приусадебных участков и личных хозяйств условия для бесхлопотной реализации излишков. Хотя, надо признать, недостатков в этом деле еще немало. Ведь чтобы обработать землю и собрать выращенный урожай, чтобы вести другие работы, нужна техника — от обычной косы и серпа до маленького трактора и небольших транспортных средств типа грузового мотороллера «муравей». Мы подсчитали: сейчас на сто сельских семей приходится 14 кос и 5 (пять!) серпов. Необходимо ежегодно выпускать хотя бы миллион кос и 250 тысяч серпов. Правление Центросоюза обратилось в соответствующие министерства и в Госплан СССР. И выяснилось, что на всю страну есть всего один завод (точнее сказать, заводик), со старым оборудованием, допотопной технологией, занимающийся производством кос и серпов. Это Артинский завод Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов.

В порядке самокритики должен сказать, что стремление выпускать товар посложнее, значит, и подороже, есть и у кооперативной промышленности. Невидалью становятся даже такие вещи, как изделия из лозы — корзины, корзиночки, плетеные коврики, веники из сорго. А в каком магазине вы в последний раз видели туески из бересты, женские сумки из кукурузного листа?

Понятно, из Центросоюза за всем не проследишь. Поэтому резко возрастает роль местных кооперативных организаций и самих пайщиков. От их настойчивости и усилий зависит, будет ли в конечном итоге все сделано так, как следует.

— Алексей Алексеевич, позвольте вопрос, который интересует многих горожан: когда вернутся в магазин клюква, брусника, сушеные и маринованные грибы — словом, то, что получило название «дары леса»?

— Дары? Гриб сам в кузовок не полезет. Его надо найти, аккуратно срезать и сдать заготовителям. Еще больше хлопот с клюквой. Запасы ее не увеличиваются, на месте бывших клюквенников — осушенные, окультуренные болота. Мелиорация, конечно, благо. Но не для клюквы, не для черники и брусники. Однако спрос есть — он растет год от года. Есть и резервы — мы о них знаем.

Ягод и грибов, других дикорастущих плодов много в тайге. Как-то попробовали послать за ними сборщиков на вертолетах — подсчитали все накладные расходы: дороговато обходится такая ягодка.

Есть два пути: пересмотреть тарифы на вертолетный транспорт или создавать поселки, приезжать туда не на неделю, а на месяц-полтора, то есть на весь сезон сбора ягоды. Кое-где так и делается: поставили в лесу дома и палатки, завозим туда продукты на все время сбора. И все же далеко не все отработано. В нынешнем году организуется несколько специальных студенческих отрядов — они отправятся на заготовку клюквы, грибов...

Латвийские кооператоры добротно поставили дело. Приглашают горожан: приезжайте в лесной поселок, отдохнете на свежем воздухе. Собирайте грибы, ягоды — что не съедите, сдавайте нам. Только в одном таком лесном лагере «Гайлене» грибоварочный пункт за сезон перерабатывает более 50 тонн грибов, около 30 тонн ароматной, вкусной и полезной лесной ягоды. Стоимость организации такого лесного поселочка — около 20 тысяч рублей. За год только от реализации заготовленных грибов райпо получает почти шесть тысяч рублей дохода. Приплюсуйте сюда ягоды, вычтите накладные расходы — за три года все затраты окупились полностью.

А сколько людей тут за это время отдохнули — вдали от шума городского, наедине с природой. В системе Латвийского потребсоюза немало делается для расширения такой формы заготовок.

По-хозяйски, толково распорядились своими возможностями кооператоры Томской области. Они решили освоение дальних, труднодоступных лесных угодий вести вахтовым методом, как нефтяники или геологи. Поставили в тайге жилые дома, столовые, бани. И, конечно, грибоварни, сушильные установки для лекарственных трав и грибов, завезли необходимый инвентарь и оборудование. Появились небольшие городки, комплексные промысловые базы. Кооператор приходит в лес не потребителем, а хозяином. Он несет ответственность не только за то, чтобы получить больше лесной ягоды и лекарственных трав, он должен позаботиться и о сохранении лесных богатств и о преумножении их. Мы ищем разные пути, но уже сейчас, когда не все сформулировано окончательно, не сидим сложа руки.

— Но пора рассказать и о торговой деятельности кооператоров. Ведь...

— ...ведь из трех миллионов ста пятидесяти тысяч работников потребительской кооперации более миллиона ста тысяч человек заняты в розничной торговле. Это отрасль крупная, очень важная. Именно через торговлю мы осуществляем обслуживание жителей села и города. Да, и города... За последние годы в связи с увеличением числа магазинов горкоопторга изменилась и доля сельского товарооборота в городской торговле. Ныне около тридцати процентов общего оборота товаров потребительской кооперации приходится на город. Сейчас в городах открыто около 15 тысяч кооперативных магазинов, еще пять тысяч создадим в ближайшие годы.

Высокими темпами растет товарооборот в республиках Средней Азии, в Закавказье, Прибалтике, Белоруссии и Молдавии. Ныне около 220 тысяч магазинов торгуют по методу самообслуживания.

В последние годы особенно заметен рост продажи изделий культурно-бытового назначения, технически сложных товаров. Прежде сельский рынок их практически не знал. Впрямь, был ли в сельском доме десять лет назад обычный холодильник? Обходились ледничком, а то и просто подвалом под домом. Подвалы, конечно, и сейчас есть, они в хозяйстве не помеха, но вот рост продажи бытовых холодильников увеличился за пять лет почти на 36 процентов.

За один год в сельских магазинах продано более 169 тысяч телевизоров, 329 тысяч холодильников, 1272 стиральные машины, 522 тысячи магнитофонов, 569 тысяч мотоциклов и мотороллеров.

XXVI съезд КПСС поставил перед работниками потребительской кооперации большие, четкие задачи. Они изложены в Отчетном докладе ЦК партии, с которым выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев, в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года».

Состоявшийся в апреле совет Центросоюза подробно, по-деловому обсудил итоги партийного форума и определил вытекающие из его решений задачи для нашего многоотраслевого хозяйства. Итоги первых месяцев первого года новой пятилетки свидетельствуют о том, что советские кооператоры внесут свой вклад в выполнение огромных экономических и социальных задач.

Беседу вел К. БАРЫКИН.

ших городах. На одну крышу сотню антенн (каждому телевизору — свою!) не поставишь. Тут единственно возможный выход — применение коллективных конвертеров. На общие, ныне стоящие на крышах больших домов антенны добавляют по паре «рогов» и к ним небольшую коробочку — конвертер. Ничего больше не надо. Та же антенна, тот же разводящий кабель... Владельцу телевизора достаточно включить новый канал — один из традиционных двенадцати — и он будет смотреть программу, передаваемую на дециметровых волнах. Телемастеру и в квартиры заходить не нужно — полчаса повозится на крыше и подключит весь дом к новой программе.

Так все просто!.. Увы, этих коробочек — преобразователей волн для коллективных антенн практически нет. В прошлом их выпускал один из заводов. Выпускал в мизерных количествах, но они хорошо работают. А когда дециметровые передатчики стали вступать в строй один за другим, когда уже десятки и сотни миллионов рублей стали затрачиваться на освоение дециметрового диапазона, опытное по своей сути производство было закрыто, а серийное не налажено.

Новую конструкцию должен был разработать НИИрадио Минсвязи СССР. Конструкция была разработана. Опытная партия изготовлена. В нынешнем году намечалось выпустить первые несколько тысяч приборов.

Чтобы читателю стало ясно, много это или мало, скажем: только в Киеве, только для уже существующих коллективных антенн, без учета нового жилищного строительства сегодня надо 25—30 тысяч таких приборов.

К сожалению, даже обещанных нескольких тысяч приборов в этом году, по всей вероятности, не будет. То ли новая конструкция оказалась хуже старой, то ли она недостаточно технологична: мнения специалистов на этот счет разошлись.

А что же делать телезрителю? Ему даже с жалобой податься некуда. Антенны, как и прочее домовое хозяйство, принадлежат горжилуправлению. Но оно ни при чем — антенны, как и телеприемники, обслуживают предприятия Минбыта. Но и Минбыт не виноват — нет приборов. Тут, конечно, последнее слово за Министерством промышленности средств связи. С другой стороны, что может сделать Минпромсвязь, если конструкция прибора, выражаясь деликатно, оставляет желать лучшего? Министерство связи тут свое дело на десять лет вперед сделало. Передачи идут, качество трансляции, как показывают контрольные аппараты, высокое...

...В кабинете одного из специалистов «Укрбытрадиотехники» заинтересовался документом, лежащим на столе. В нем было написано: «В соответствии с Инструкцией о порядке планирования и учета производства товаров культбытназначения и хозяйственного обихода, утвержденной Госпланом СССР и ЦСУ СССР 29.II.68 г., к ним относятся усилители для телевизионных антенн в части поставки их предприятиям бытового обслуживания населения».

— Между прочим, — сказал специалист, — если бы в этой инструкции после слова «усилители» стояло «и конвертеры», то уже через два-три месяца мы бы стали их получать.

— Неужели бумажка имеет такое значение? — удивился я.

Оказывается, дело не в самой инструкции.

Всем известно, что партия и Советское правительство настойчиво требуют, чтобы товары для народа выпускали предприятия всех отраслей промышленности. Приборостроительные предприятия различных министерств усиленно ищут изделие, которое, с одной стороны, имело бы широкий спрос, а с другой — отвечало бы их профилю производства. И если бы ЦСУ и Госплан подтвердили, что приставки к коллективным антеннам для преобразования дециметровых волн — это товар для народа, товар культбытназначения, то за его производство сразу взялись бы несколько заводов. Нашли бы и мощности и сырье и конструкции «дотянули» бы.

Развитие телевидения, введение второй общесоюзной программы немыслимо без освоения дециметрового диапазона. Конечно, если подходить к делу формально, то вторую программу можно ввести и без производства антенных приставок и преобразователей. Можно даже бороться за улучшение ее качества. Только вот смотреть эту программу будет некому.

Станислав **КАЛИНИЧЕВ**

НОВАЯ СТАРАЯ СКАЗКА

Н. АЛЕКСЕЕВА

Главные действующие лица (этого репортажа):

Фикрет АМИРОВ — композитор, народный артист СССР.
Назим РЗАЕВ — дирижер, народный артист Азербайджанской ССР.
Наиля НАЗИРОВА — балетмейстер, заслуженный деятель искусств Азербайджанской ССР.
Тогрул НАРИМАНБЕКОВ — художник, народный художник Азербайджанской ССР.
Тамила ШИРАЛИЕВА — артистка балета, народная артистка Азербайджанской ССР.
Рафаэль ГРИГОРЯН — артист балета, заслуженный артист Азербайджанской ССР.

Все шестеро удостоены Государственной премии СССР — за создание балета «Тысяча и одна ночь» на сцене Государственного академического театра оперы и балета имени М. Ф. Ахундова в Баку.

«Эта история произошла в очень древние времена», — сказано в программке спектакля. Но нам, сегодняшним зрителям, было понятно, нас трогало и волновало все, что происходило в тот вечер на сцене. И не только потому, что мы с детства знакомы с этим ярким экзотическим букетом восточных сказок. Создателям балета удалось выйти как бы за пределы «Тысячи и одной ночи», хотя мы-то сами стали свидетелями всего-навсего трех или четырех фантастических «ночей», — больше не вместилось в неумолимые, временные и композиционные, пределы постановки. Говоря о понятности этого спектакля, я прежде всего имею в виду его гуманистическую идею, которую (если следить только за развитием сюжета) коротко можно сформулировать так: первый акт — зарождение Зла, второй — победа Добра.

Разум и безрассудство, любовь и ненависть, жестокость и милосердие... Можно еще продолжить перечисление «страстей человеческих», столь неожиданно и полно раскрывшихся в изящных, лаконичных рамках балета.

НАЗИРОВА. Вся сфера нового спектакля требовала и нового хореографического языка, своего, отличного от других, стиля. Я искала его в соединении классического танца (заканчивала я балетмейстерский факультет ГИТИСа) с хореографией Востока, с национальным колоритом. Например, первый выход Шехерезады: движения танцовщицы построены на чистой классике, но они как бы переплетены еще и восточным узором. Тут мне помогли и поездки в Багдад, знакомство с арабской танцевальной культурой. Но более всего я благодарна своему народу, ведь в балет вошли элементы тонкого, ажурного азербайджанского танца.

Любой балет начинается с либретто — а в данном случае прекрасно потрудились братья Максуд и Рустам Ибрагимбековы — ну и, естественно, с музыки. Она диктует всю драматургию спектакля. Особенно если это музыка Амирова, экспрессивная, яркая, она, кажется, сама будила образы, заставляла вновь и вновь оттачивать те или иные характеры.

ГРИГОРЯН. Самой главной сложностью для меня, исполнителя партии Шахрияра, стал именно его о б р а з, создание многокрасочного, убедительного характера. Я танцую многие классические партии, где в некоторых сценах можно чуть-чуть расслабиться, отдохнуть. В «Тысяче и одной ночи» это невозможно. Помимо предельной физической нагрузки, которая сама по себе требует высокой технической оснащенности и чистоты исполнения, существует и огромная эмоциональная нагрузка... Я говорю о постоянной смене настроения, психологического состояния героя, который на глазах у зрителя переживает самые трагические и самые счастливые минуты в своей жизни.

...Счастлив Шахрияр Григоряна в первых сценах спектакля: он любит и, как он в этом уверен, любим. Его дуэт с женой Нуридой (И. Низаметдиновой) искрится радостью. Он полон упоения своей властью — не над рабами, склонившимися перед ним в страхе, а над сердцем любимой. Но вот он узнает об измене. Внезапное появление царя во время оргии, устроенной Нуридой, исступленный взмах его беспощадной руки, словно молния, пронзает всех и вся вокруг. Артист не забывает о том, что трагедия царя — это прежде всего человеческая трагедия. И оттого властность, раскованность его движений сменяются надломленными, почти растерянными жестами, отчаянием, очень выразительно переданным танцовщиком. Но ведь тут, в этой жизни, он сильнее всех, он не должен показывать свою слабость. Он — властелин. Потому-то не может позволить себе поделиться с кем-то своим горем, взмолиться о человеческом участии, помощи. Только месть достойна владыки, лишь жестокость, созерцание чужих смертей успокоят сердце, притупят боль...

С этого момента ужесточается и весь музыкальный ритм балета. Каждый выход Палачей, символизирующих Зло, сопровождается только зловещим барабанным боем. По мысли постановщиков, у Зла нет и не может быть мелодии. Композитор вводит в балет и хор: плач девушек подчеркивает безысходность и глубину горя людского. Но жизнь возникнет на сцене вновь — с появлением Шехерезады. Зазвучит далекий женский голос, светлая лирическая тема будущей любви героев. Зазвучит надежда на спасение — не только самой Шехерезады и безвинных жертв, но и — Шахрияра.

ШИРАЛИЕВА. Шехерезада, какой я ее вижу, стараюсь танцевать, не просто женственна и прекрасна. Она еще и мудра, умна, наделена богатым воображением и где-то лукава: ведь ей все время надо останавливать грозного царя, отвлекать от мрачных мыслей. И, кроме того, ей надо заставить его поверить в добро, вернуть к жизни. Для всех участвовавших в создании балета «Тысяча и одна ночь» образ Шехерезады — это гимн Женщине, это и собирательный образ женщины Востока. Это — победа Красоты, Любви, Веры... Помните, как торжествен финал спектакля?

Разумеется, мы, зрители, помним. Помним величавые, жизнеутверждающие аккорды музыки, помним распахнутые, словно навстречу всему миру, руки героев сказки. Теплые, ликующие краски появляются и в декорациях. Тихим солнечным светом, неспешно заполняют они сцену, золотой короной венчая счастливый исход...

НАРИМАНБЕКОВ. Люблю балетную сценографию, она требует наибольшей художественной выразительности. Мысль подается здесь средствами чистого искусства: слов нет, есть только музыка, пластика, краски. А сказка тем более дает художнику неограниченные возможности. В своих декорациях я пытался передать и смену переживаний балетных персонажей, и общее настроение спектакля, его атмосферу. Если вы заметили, в начале действия, когда Зло воцаряется на сцене, в моих декорациях, в узорах и соцветиях преобладают строгие, холодноватые тона — синие, серебряные, лиловые... Зато уж в конце...

Мне нравится делать мягкие декорации, будто строить их в воздухе, стараюсь избегать излишних нагромождений на сцене. Цель — высветить фигуру исполнителя. В этом спектакле все свежо и неожиданно, — я говорю о работе моих коллег. Вот и мне хотелось сделать что-либо необычное, избежать стереотипов.

Стремление каждого из постановщиков — сделать, придумать что-то новое, свежее, яркое — осуществилось. Но мало того, все «выдумки» этих весьма разных по характеру и темпераменту людей легко согласовались, увязались друг с другом, органично совпали. И при всей сложности и новизне хореографии, музыкальной партитуры, оригинальности оформления образовали нечто редкое, трудно объяснимое, что принято называть г а р м о н и е й.

РЗАЕВ. Не раз я задумывался о причинах успеха балета «Тысяча и одна ночь». И понял для себя: дело здесь, если так можно сказать, в содружестве. В этом составе — балетмейстер, художник, композитор и дирижер — мы делаем второй балет (первым был «Насими», получивший Государственную премию республики). Мы нашли друг друга и достигли полного взаимопонимания. Впереди у нас новая работа...

Амиров — один из ведущих композиторов нашей страны. Как и в других своих произведениях, в этой работе ему удалось выстроить единую, непрерывную линию музыкально-хореографического развития. Мы имеем дело с очень цельным произведением, драматургия которого идет по нарастающей, — все время ждешь: а что же будет дальше?

Как дирижер замечу, что в этом спектакле «развернулись» все оркестранты без исключения, заиграли в полную мощь и те инструменты, что всегда были на вторых ролях: ударные, духовые...

«Тысяча и одна ночь» — тот случай, когда нельзя спокойно дирижировать — музыка, само действие спектакля заставляют каждый раз тебя волноваться, будто ты впервые увидел и услышал это. Здесь нет иллюстрации, здесь есть жизнь и полное взаимодействие всех участников постановки. Меня не покидает ощущение, что в оркестре сидят балерины, что и в музыке звучат краски нашего художника, а в его живописные декорации вплетается бесконечный танец...

АМИРОВ. Мы — союз единомышленников, у нас сложилась особая творческая лаборатория. Мне всегда были дороги национальные корни. Художник тут может найти великолепный материал, на основе которого создать произведение, современное по содержанию и способное проникнуть глубоко в народную душу, проследить ее извечные истоки. Верность традициям плюс профессионализм и современность музыкального мышления — вот что, думается, необходимо истинному композитору.

Надо ли говорить о том, что я работал над балетом с большой ответственностью! Согласитесь, что эта сказка в свое время нашла великолепную симфоническую палитру у Римского-Корсакова — в сюите «Шехеразада». Конечно, великий русский композитор в какой-то мере мне помог. Так же как помогли коллеги, как помогли, о чем уже говорила Наиля Назирова, поездки в Ирак. Нам дали возможность насладиться атмосферой, пластикой, музыкой багдадских сказок.

Для меня этот балет дорог еще и тем, что в нем возник прекрасный сплав хореографии Востока и русского классического танца.

Нам остается сказать, что спектакль «Тысяча и одна ночь» уже поставлен в Воронеже, Тбилиси, Горьком... И его шествие по театрам страны продолжается.

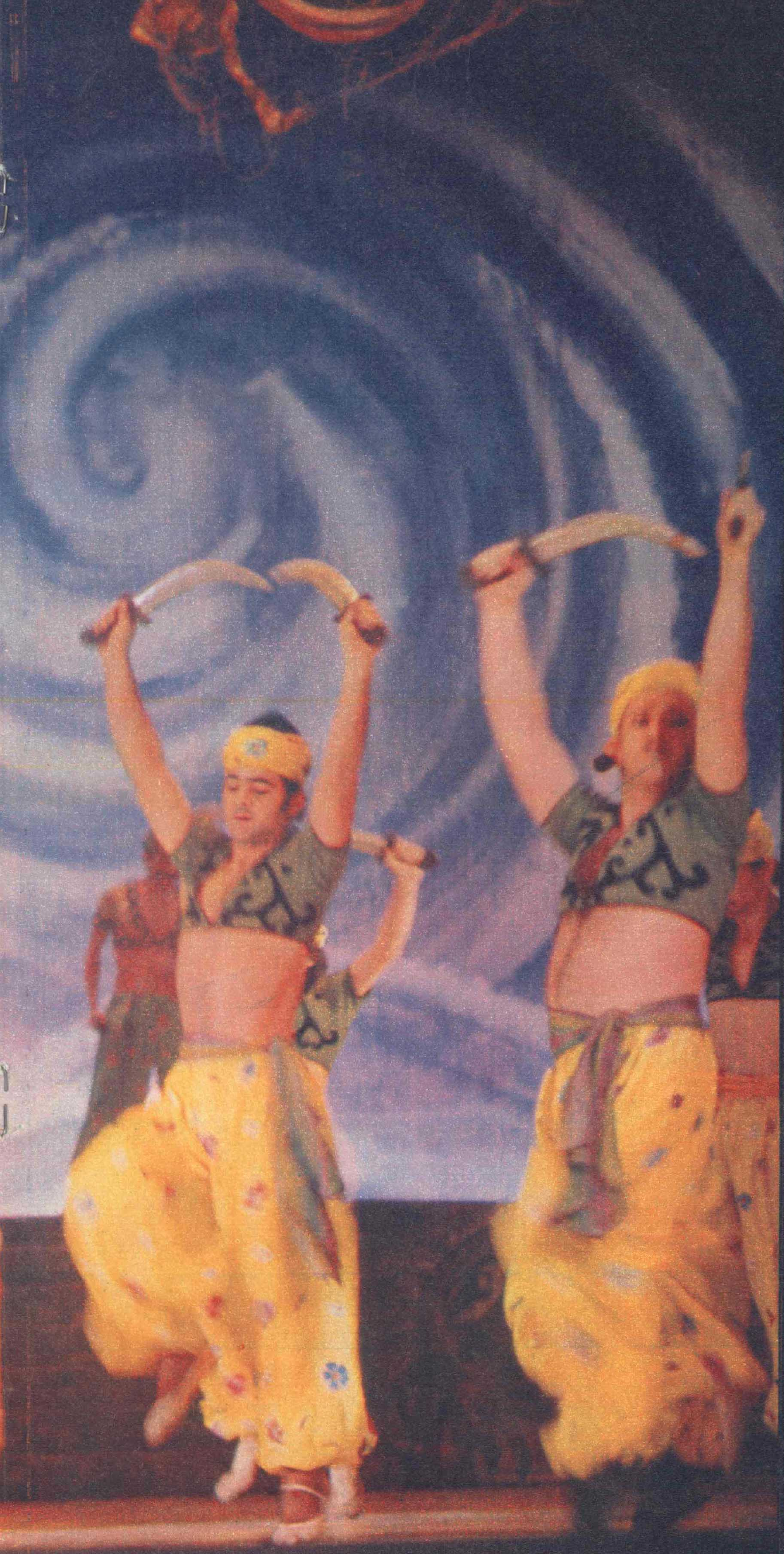
Сцены из балета «Тысяча и одна ночь».
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ: В спектакль вошла сказка «Алибаба и сорок разбойников» * Дирижер Назим Рзаев и композитор Фикрет Амиров * Художник Тогрул Нариманбеков.

Фото А. НАГРАЛЬЯНА

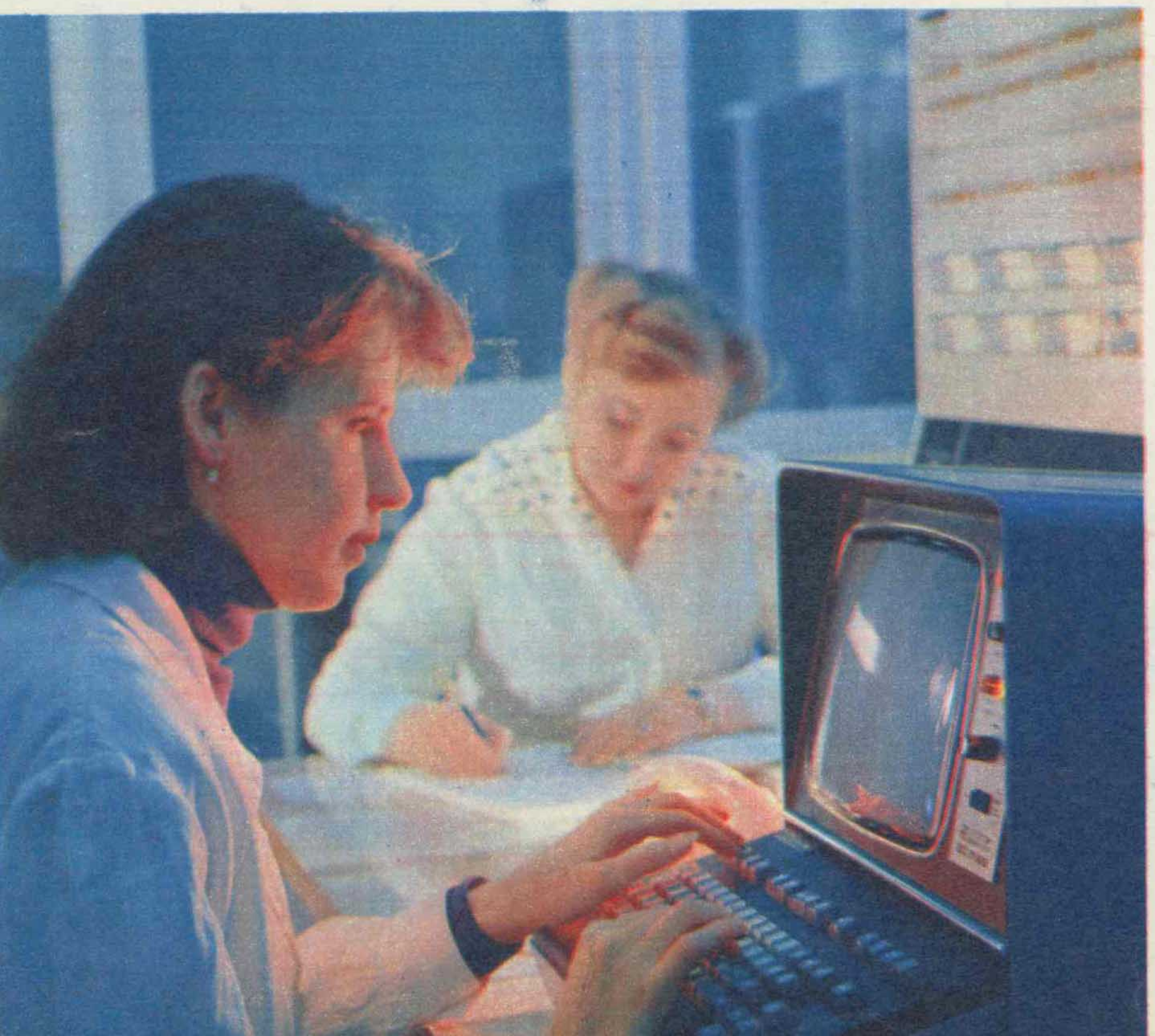

ЙСК
ГРАД

СОДРУЖЕСТВО

...Улучшить координацию работы всех видов транспорта и взаимодействие их с другими отраслями народного хозяйства, внедрять более совершенную технологию перевозок в смешанном сообщении...

Основные направления экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года.

О. ПЕТРИЧЕНКО

Спорили двое — капитан дальнего плавания и представитель железной дороги. Спорили не спеша и безнадежно, ибо встречались на этом причале не первый раз и наперед знали холостую силу своих доводов. Капитан требовал вагоны под разгрузку, железнодорожник — терпения. И оба были правы. За спиной капитана терся о кранцы теплоход, экипаж которого тяжелым трудом сэкономил в чужедальних морях трое суток, а теперь дома из-за отсутствия подвижного состава терял уже четвертые. Ну, а за спиной железнодорожника, кроме разветвленной сети стальных путей, ничего не было.

Не два человека — два ведомства сошлись на причале: порт и дорога. И каждый из них жил по своим, отличным друг от друга законам.

Общими были законы экономики. Из них, в частности, следовало, что содержание судна обходится государству примерно в четыре тысячи рублей в сутки. Это капитал, который дает прибыль только в движении — чем короче стоянка, тем прибыль выше. Капитал же порой оставался недвижим: вагоны, застрявшие где-то под Махачкалой или Красноярском, сводили на нет все усилия моряков.

Такая вот невеселая получалась история. К счастью, именно история. Потому что печальному разговору на причале, свидетелем которого я оказался несколько лет назад, суждено было стать последним.

...За открытым окном разгоралось ярко-синее утро, и тополиные почки в соседнем скверике, шалея от нахлынувшего тепла, набухали прямо на глазах. Ветер странствий гуляет над портом. Весьма похожий на обычный сквозняк, он треплет в моих руках телетайпную ленту с лаконичными весточками со всех концов света:

«Петр Великий» подает под выгрузку 18 000 тонн пшеницы. Прошу подтвердить прием судна, перспективы выгрузки...»

«Зенит» имеет на борту цветной металл. В трюме один медь 436 тонн, трюме два медь 239 тонн, олово 1087 тонн, трюме три медь 576 тонн».

«Петр Стрелков» идет с грузом сахара-сырца навалом 13 403 тонны. Вследствие шторма в Атлантике прошу учесть крайне ограниченный запас дизельного топлива...»

Я в диспетчерской Ленинградского морского торгового порта. Стучит телетайпами, звенит телефонами, гремит динамиками пульс огромного живого механизма — Ленинградского транспортного узла. Здесь явственно ощущается напряженный рабочий ритм страны: приходят сообщения о прибывающих трубах для нефтяников Сибири, оборудования для «Атоммаша», КамАЗа, БАМа и других важнейших строек пятилетки.

Свыше десяти миллионов тонн всевозможных народнохозяйственных грузов обрабатывает за год крупнейший порт Союза. Почти четыре тысячи судов из 33 стран мира ежегодно швартуются у его причалов. И каждое, отправляясь к гостеприимным невским берегам, первым делом налаживает связь с людьми, сидящими в этой шумной комнате.

— Вести с судов,— объясняет старший дежурный диспетчер Юрий Михов,— поступают в наш информационно вычислительный центр, где ЭВМ, учитывая дату прибытия теплоходов, их груз, возможности порта, составляет непрерывный план-график обработки судов на очередную декаду.

Этот документ немедленно передается смежникам: Октябрьской железной дороге, Главленавтотрансу, Северо-Западному речному пароходству — всем, кто участвует в перевозке грузов. Сообразуясь со своими возможностями, они корректируют документ и возвращают в порт. Согласованный таким образом, он становится обязательным для всех смежников, по нему осуществляется расчет сменносуточных заданий для транспортников.

Образно говоря, где бы ни находился сейчас теплоход, к приходу в родной порт каждый ящик апельсинов, мешок с кофе или контейнер с приборами уже будут ждать свои докеры, вагоны, необходимые для разгрузки механизмы. Документ уточняется ежедневно, и если судно опаздывает из-за шторма или по какой-либо другой причине, у смежников есть время учесть это обстоятельство, оперативно сманеврировать техникой.

Взаимоувязанный непрерывный план-график, о котором рассказал мне Юрий Михов, стал основой трудового содружества моряков, железнодорожников, автомобилистов и речников Ленинградского транспортного узла. Железнодорожникам принадлежит в нем ведущая роль, так как им перевозить львиную долю доставляемых и отправляемых морем грузов.

Собираясь в порт, я познакомился с очередным таким графиком. Выглядел он убедительно: в соответствии с запросами судов четко было оговорено и количество вагонов и род подвижного состава. И, как отметили здесь, в диспетчерской, график выдерживался достаточно четко — у докеров, моряков к партнерам претензий не было.

Со стороны все это смахивало на чудо: годами люди не могли найти общего языка и вдруг, прибегнув к помощи ЭВМ, сразу и обо всем договорились.

Впрочем, нет, не сразу. Ленинградское содружество — убедительный пример творческой инициативы, внимательного отношения ко всему новому, передовому, что рождает практика социалистического соревнования. В свое время на берегах Невы обстоятельно изучили опыт одесских транспортников, организовавших комплексное соревнование смежников, сближая партнеров, хотя соревнование еще не устраняло главного — разнобоя действий.

Создавая свою автоматизированную систему взаимосвязанного непрерывного планирования, портовики сначала проверили ее на морфлоте. Эксперимент удался, и тогда к нему подключили железнодорожников, речников, работников всесоюзного объединения «Союзвнештранс». Руководители этих организаций вошли в координационную группу.

Так распутывался узел неразрешимых, казалось, проблем. Распутывался не сразу. И вычисленный сухой логикой ЭВМ график оставался бы безупречной теоретической моделью, если бы не сознательность, искренняя заинтересованность людей, представляющих столь разные вроде бы ведомства, в общей государственной выгоде нового дела.

Давно слежу за его судьбой. И вот что примечательно — буквально каждый прожитый месяц множит здесь примеры удачного взаимодействия. Общая цель вовлекла в орбиту тесного сотрудничества партийные и комсомольские организации смежников, народный контроль и «Комсомольский прожектор». Содружество стало реальной силой, влияние которой ощутимо во всех звеньях транспортного конвейера.

На станции Автово мне рассказали, как совместные рейды по проверке подачи и обработки вагонов помогли ликвидировать изрядно всем докучавшую проблему неисправных контейнеров. Заключалась она в том, что грузы, предназначенные для дальнейшей отправки морем, нередко прибывали в порт в неисправной таре. А на море правила строгие — ни один капитан бракованный контейнер на борт не допустит. В результате порой десятки вагонов забивали подъездные пути: дорога для ремонта возможностей не имела, а порт, естественно, отказывался заниматься не своим делом. Благодаря настойчивости народных контролеров вопрос уладили к обоюдному согласию — портовики взялись за ремонт контейнеров, а железнодорожники согласились на оплату фактических затрат.

Аналогичным образом мастерские порта наладили и ремонт вагонов, докеры научились чинить подъемную технику.

Появились объединенные общими социалистическими обязательствами сквозные диспетчерские смены железнодорожников и портовиков на станции Новый Порт. Только в прошлом году это позволило отгрузить на 19,7 тысячи вагонов больше, нежели в предыдущем.

Солидное достижение, и вместе с тем это дает серьезный повод для раздумий. Ведь речь идет об одной только станции. Причем и здесь резервы использованы далеко не полностью.

Об этом на причале кубинской линии зашел у нас разговор с Е. И. Черненко — руководителем крупнейшей в порту комсомольско-молодежной бригады. Мост дружбы, перекинутый советскими моряками через штормовую Атлантику,— трасса не из легких. Как-никак, одиннадцать тысяч километров разделяют Ленинград и Гавану. Но вот уже много лет теплоходы курсируют здесь с точностью столичного метрополитена. Хорошо изученный, устойчивый грузопоток, постоянно крепнущие экономические связи с островом Свободы подсказали портовикам идею организовать специализированный комплекс по обработке судов этой линии. Были выделены постоянные причалы, техника, склады, должным образом подготовлены и закреплены кадры. Четкая расстановка сил, навык бригад позволили значительно повысить и производительность и культуру труда. Специализация еще раз убедительно доказала свои преимущества, и ныне в порту действует уже десять подобных комплексов. Примеру ленинградцев последовали портовики других городов.

Бригада Черненко закреплена за кубинской линией. Но сегодня день в общем-то нетипичный — «свои» суда еще только на подходе, и пока бригада обслуживает сразу пять «посторонних». Грузит хлопок, муку, запчасти. Я спросил у докеров:

— Что нового внесло в вашу жизнь сотрудничество?

— Видите, гражданин бежит?— вопросом же ответили мне.

— Вижу,— ответил я, углядев за вереницей вагонов рысцой трусившего куда-то мужчину с крас-

Бригада Евгения Черненко * Операторы информационно-вычислительного центра порта Людмила Дымова и Татьяна Пушкина * У причала.

Фото М. САВИНА

ДЕРЖАВНЫЙ ШАТЕР ЛИСТВЫ

Геннадий ЛУТКОВ

●

На рассвете кабаний топот,
Днем вокруг, как огонь, песок.
Знаю я, что сосна не тополь,
Будет долго леском лесок.
Это тополь из тычки зеленой
Превращается в крепыша,
А потом ветерок залетный
В нем укладывается, шурша.

Поднимается тополь к свету
И касается синевы.
Загустеет в разгаре лета
Тот державный шатер листвы.
Может ливень накрыть округу,
А под ним — великая сушь.
Он устроит желтую вьюгу
В октябре. Но не в этом суть.
Я о соснах. Леском лесок
Будет много лет оставаться,
Будет рыжиками пробавляться,
И без тени, и не высок.
И когда сыпанет он шишками?
Пламя белок впустит в себя?
Долго, долго растет семья,
Не балована век излишками.
То сугробы встанут запрудно,
То бесснежьем ударит год.
Трудно сосны растут. Как трудно!
Все колючее трудно растет.

●

По небу молниями жарко
Гроза стекла за мокрый лес.
И ходит подбородок жабы,
Где только что комар исчез.
И ветка вся в наборе капель,
И в стебле влаги гулкий ток,
И, не пыля, телега катит,
Набух и не скрипит мосток.

Волну по травам ветер гонит,
Промыт и звонок птичий свист.
И на песчаном косогоре
Ручей, как молния, ветвист.

●

Как глубока в долине темнота!
Ни искры света. Будто нет
деревни.
Во тьме угадываются деревья.
Да еж антенны на конце шеста.
И все. Но вот вплывет луна
неслышно,
И станут так отчетливо видны
Соломинки, торчащие из крыши,
На диске бледно-розовом луны.

●

Белеют гуси на лугу рассветном,
Белеет занавеска на окне.
Над темным тополем мигает лето
Звездой зеленоватой в вышине.
И горько пахнет ивовой корою,
Молчит в подворье каждом суета.
Еще в хлеву не слышится корове
Далекий щелк пастушьего кнута.
Лиловое и белое размыто —
Вода, пригорки, крыши, облака.

Все полусонно, полуприоткрыто,
Уже не спит и все же спит пока.
Когда захлопают в деревне двери,
А после дымный луч войдет
в траву,
От света жмурясь, ты ведь
не поверишь,
Что час теней ты видел наяву.

Сложил листву у наших ног
орешник,
В березах серых колкая звезда.
И темный круглый глаз пустой
скворешни
Уставился тоскливо в холода.
И все теперь уже не понарошке,
И сиверко недаром затрубил.
И дует в покрасневшие ладошки
Девчонка, продающая пломбир.
И за домами тлеет даль устало,
И тучи надоедливо густы.
И плачут журавли, и тротуары
Все в точках слез, упавших
с высоты.

●

Не видно чаек. Облетели ивы.
И холод воду черную ожег.
И катера у мола сиротливы,
Успел их припорошить скупой
снежок.
По дамбе крупкой жесткою
шурша,
Колючий ветер рыбаков изводит.
И сломанную дудку камыша
Туда-сюда теченье тихо водит.

Воронеж.

ным флажком за голенищем сапога.

— Раньше он вразвалочку ходил. Потому что составитель — бог и царь подъездных путей. И личные его скорости с нашими темпами ничем связаны не были — зарплата по разным ведомствам шла. А сейчас стимул появился: вахта, занявшая в соревновании первое место, получает 450 рублей премии, из которых 150 отчисляется железнодорожникам.

— Это, конечно, не главный, но примечательный штрих,— заметил Черненко.— А главное то, что материальные и иные рычаги позволили заметно повысить не только экономическую, но и моральную эффективность соревнования. Ведь как раньше бывало: с одной стороны, искренне убеждаешь ребят бороться за каждую минуту, а с другой — понимаешь: очередной перебой с вагонами все наши усилия сведет на нет.

Нынче перемены просто разительные. Вот, скажем, в дни работы съезда партии разгружали муку с «Браславлеса». Конкретно по этому судну заключили с железнодорожниками договор на соревнование, сообща продумали все мелочи и с заданием, рассчитанным на четыре дня, справились за два. Ну, а в целом только за прошлый год подрядным методом мы обработали тридцать шесть теплоходов и сэкономили двести пятьдесят судочасов стояночного времени. Рекорд, о котором раньше и мечтать не могли.

— Впрочем, от некоторых потерь избавиться не удалось и по сей день,— продолжил Евгений Иванович.— Взять приемосдатчика — есть такая должность на железной дороге. Его обязанность — стоять у вагона и следить, что и как мы туда укладываем. Но почему только у одного вагона, если бригада может одновременно обслуживать несколько? В принципе и он в том же заинтересован — его за каждый дополнительный вагон денежно поощряют. Однако приемосдатчик — лицо материально ответственное. Случись недостача, никакой премии не хватит, чтобы рассчитаться. А что, если разделить эту ответственность на всю бригаду? За честность своих ребят ручаюсь... Не мешало бы упорядочить и дневной распорядок. В 8 и 20 часов машинисты и составители поездов уезжают из порта на очередную пересменку. Возвращаются со станции примерно через полтора часа — значит, два-три часа в сутки у докеров вынужденный перерыв. Не лучше ли производить смену непосредственно на рабочем месте?

Вопросы, вопросы... Многие из них решаются здесь настойчиво и последовательно. Куда сложнее с теми, что выходят за рамки Ленинградского транспортного узла.

Непрерывное планирование предусматривает передачу всей информации о грузах (объем, номенклатура), о подвижном составе и т. п. не менее чем за десять суток. Между тем данные о возможном подходе составов в порт поступают сюда только за двое-трое суток, когда поезда уже попадают на Октябрьскую магистраль. Очень трудно пока что заблаговременно получать точную оперативную информацию с других железных дорог, скажем, за 5—7 дней, не говоря уж о больших сроках. Видимо, тут требуется помощь Министерства путей сообщения СССР.

И все же, несмотря на все трудности, железнодорожники в минувшей пятилетке сумели увеличить объем перевозок из морского порта с 4 миллионов 463 тысяч тонн в 1975 году до 7 миллионов 859 тысяч тонн в 1980 году.

Ну, а каковы дела у остальных смежников?

Л. ШМАКАЛОВ, заместитель начальника Главленавтотранса:

— Система непрерывного планирования в Ленинградском транспортном узле позволила автомобилистам увеличить объем перевозок в сравнении с 1977 годом в 2,5 раза. Причем количество автомобилей Главленавтотранса увеличилось лишь на 40 процентов. Выработка на один машино-день возросла в 1,9 раза, коэффициент использования пробега автомобилей — на 14,7 процента, а время простоя автомобиля в порту снизилось почти на треть. За время нашего содружества объем перевозок по прямому варианту «судно—автомобиль» возрос в 3,5 раза.

В. ЕЛКИН, главный технолог Северо-Западного речного пароходства:

— У нас разработана новая система, суть которой состоит в том, что комплексно планируется и координируется работа не только транспортников, но и грузоотправителей и получателей. Они стали равноправными участниками общего процесса доставки грузов. Это позволило за три года переключить с железной дороги на речные суда двадцать шесть миллионов тонн грузов — высвобождено 435 тысяч железнодорожных вагонов.

Успехи могут быть еще весомее, но для этого необходимо улучшить планирование, внедрить систему материального стимулирования участников транспортного конвейера.

...Одобренный ЦК КПСС опыт трудового содружества ленинградских транспортников успешно прошел проверку временем. Интенсивность грузообработки морских и речных судов возросла на 16 процентов, время обработки одного вагона сократилось на 28 процентов. Всего же за пятилетку докерами сверх плана переработан 1 миллион тонн грузов.

Но не только количественными показателями измеряется значение ленинградской инициативы. Важен прежде всего ее творческий характер. Совершенствуя созданное, здесь мечтают уже о том, чтобы «состыковать» транспортный конвейер с заводским, и отрабатывают сейчас систему непрерывного планирования совместной работы с ВАЗом. На очереди аналогичные договоры с предприятиями, выпускающими цемент, мочевину, тепловозы и думпкары.

...Далеко, очень далеко видно нынче с ленинградского причала. Здесь, на стыке морских миль и сухопутных километров, продолжается эксперимент, опыт которого уже сегодня может сослужить добрую службу многим. Однако и по сей день кое-где продолжается давний спор не нашедших общего языка смежников. Представители железной дороги и «Сельхозтехники», промышленных предприятий, строек по-прежнему требуют друг от друга «невозможного»: одни — терпения, другие — вагонов. А ЭВМ тем временем считают убытки, вместо того чтобы заниматься куда более достойным их электронного ума делом...

УРАГАН

Семен ЦВИГУН

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

Рисунки И. ПЧЕЛКО

НА КОММУНИКАЦИЯХ ВРАГА

Николаев-старший вернулся от капитана Афанасьева к себе на базу глубокой ночью в сопровождении сына и трех автоматчиков. Встретили его радостно. Начальник штаба Никифоров, не спуская глаз с командира, сказал:

— Георгий Сергеевич, а мы тут с комиссаром Володиным крепко переволновались. Срок вашего возвращения истек в воскресенье, а сегодня уже четверг. Мы тут ждали вас, ждали, а на третьи сутки подобрали и подготовили связника к капитану Афанасьеву. Решили, если вы ночью не вернетесь, утром его послать и на месте выяснить, что случилось.

— Кого же вы решили послать?

— Лейтенанта Горохова. Он давно в партизанском отряде, отлично знает здешние лесные дороги и тропы, до войны, как курсант военного училища, был на стажировке в воинской части на окраине нашего города. Да вы его знаете.

— Знаю, знаю. Это тот хлопец, который все время рвется в бой; подходящий товарищ. Такой не подведет.

— Но теперь уже необходимость в его посылке отпала,— вставил комиссар.

— Напротив, послать его надо, только с другой задачей,— возразил командир.— Радистка-то ранена, так что все радиопередачи ведутся прямо с базы Афанасьева. Чтобы обезопасить их от всяких случайностей и неожиданностей, нам нужно направить туда группу партизан — человек десять, возглавит пусть Горохов. Побудут там, пока подкрепление с Большой земли не придет.

— Разумное решение, поддерживаю. Только им, кроме личного оружия, хорошо бы иметь по меньшей мере один станковый пулемет,— вставил комиссар.

— Станкачей у нас самих не густо, обойдутся ручным, легче идти будет,— проговорил Никифоров.

— Сергей Николаевич! Не жадничайте. Мы очень скоро пополним свой арсенал в бою с фашистами.

Начальник штаба покраснел, быстро поправился:

— «Максима» я для них найду новенького. Когда прикажете отправлять?

— Чем раньше, тем лучше,— ответил командир.

— Понятно. Тогда разрешите срочно сформировать группу, проинструктировать и завтра вечером отправить в путь.

— Разрешаю!

Никифоров подхватил лежавшую на табуретке заячью шапку с красной ленточкой впереди, нахлобучил ее на голову и, миновав охранявшего штаб часового, зашел к себе в землянку, сел на топчан, оторвал кусок газеты, скрутил «козью ножку», прикурил от лампы, сделанной из гильзы 45-миллиметрового снаряда, глубоко затянулся и задумался, глядя, как, поднимаясь кверху, постепенно рассеиваются кольца дыма.

В это время дверь открылась и, наклонившись так, чтобы не удариться головой о дверную коробку, вошел комиссар отряда. Он спросил у сидящего в дыму Никифорова:

— Сергей Николаевич, ты уже принял решение, кого послать с лейтенантом Гороховым?

— Пока нет еще, думаю. Обстрелянные люди нам самим нужны, жалко отдавать, а «зеленых», не нюхавших пороха, вроде бы неудобно. Вот сижу и маракую, как выйти из положения.

— Да перестань ты обкуривать меня, дышать нечем. И нечего усложнять простое дело. Позови Горохова, с ним вместе и решим.

Никифоров, послюнявив палец, потушил недокуренную «козью ножку», быстро встал.

— Вы правы, Павел Александрович. Горохову выполнять задание, ему и подбирать.

— Нет, вы меня не так поняли, Сергей Николаевич, мы выслушаем мнение лейтенанта Горохова, а кого включить в группу — будем решать сами, а то если каждый командир начнет выбирать себе солдат, что тогда будет с дисциплиной?

— Я так и понял. Разрешите разыскать Горохова? — с некоторым раздражением отозвался Никифоров.

— Разрешаю,— спокойно проговорил комиссар и, проводив Никифорова до двери, широко распахнул ее: — Дорогой Сергей Николаевич, заодно и подышишь чистым воздухом, а то задыхаешься в махорочном дыму. Когда же бросишь курить наконец, ведь обещал?

— Пробовал несколько раз, да не получается. Вот, если останусь жив, после войны обязательно брошу.

— Ловлю на слове,— вставил комиссар.

Никифоров вышел из землянки и через десять минут вернулся вместе с Гороховым.

Горохов вытянулся перед комиссаром, четко доложил:

— Товарищ комиссар, лейтенант Горохов по вашему вызову прибыл.

Комиссар встал из-за стола, подошел к лейтенанту, пожал ему руку.

— Мы вас не вызывали, а приглашали. Хотим вот вместе с Сергеем Николаевичем посоветоваться с вами. Присаживайтесь, пожалуйста, к столу.

Комиссар продолжал:

— Дело в том, что мы решили вас послать на выполнение особо важного задания: обеспечить охрану разведгруппы капитана Афанасьева от нападения. Кого бы из партизан вы хотели взять с собой?

Лейтенант Горохов, не задумываясь, ответил:

— Свой взвод.

— Сколько в нем сейчас бойцов?

— После недавнего боя осталось двадцать человек. Из них пять ранены. Лежат в госпитале. Остальные из взвода убиты, — ответил лейтенант.

— Ваши люди надежные, не подведут?

— За людей я ручаюсь, они уже не раз отлично показали себя в бою. Костьми лягут, но задание выполнят.

— Не много вам пятнадцать человек? Может, десяти хватит?

— Что вы, товарищ комиссар. Ведь охрану нужно будет нести круглосуточно!

Комиссар переглянулся с Никифоровым, согласно кивнул головой:

— Убедил, убедил ты нас с Сергеем Николаевичем.

Лейтенант Горохов вытянулся, звонко спросил:

— Как прикажете организовать подготовку к выходу на задание?

— Пускай ваши люди поспят до утра. А вы за это время с начальником штаба отработайте маршрут движения, изучите способы связи с нашими людьми в селах и рабочих поселках, расположенных вблизи вашего маршрута. Может, вам потребуется их помощь. Днем получите продукты питания на дорогу, оружие, боеприпасы. Кстати, не забудьте прихватить «максим». Сергей Николаевич мне обещал подобрать для вас новенький.

Никифоров покраснел, заерзал на табуретке, сказал:

— Устраивайтесь поудобнее, лейтенант.—И, вынув из планшетки карту, расстелил ее на столе. Взяв линейку, стал измерять расстояние от базы отряда до Гнилого озера.

— Ну, Сергей Николаевич, я, пожалуй, пойду, проверю посты, потом буду у себя. Если возникнут какие-либо вопросы, заходи, решим вместе, а командира ночью не беспокой, пусть с дороги отдохнет,— проговорил комиссар, надевая черную кожаную ушанку с красной звездочкой.— С вами, лейтенант, я не прощаюсь, мы еще увидимся.

— Вы, Павел Александрович, тоже поспите до утра, а то на вас лица нет. Я все постараюсь решить сам.

— Добро,— проговорил комиссар и вышел из землянки.

Оставшись вдвоем с лейтенантом, Никифоров надел очки, прочертил на карте красным карандашом жирную линию от базы отряда до Гнилого озера и, взглянув на лейтенанта, сказал:

— От нас до базы капитана Афанасьева, по моим расчетам, 150—180 километров. Думаю, что на лыжах с вашим грузом и с учетом мягкого снега дойдете ночи за четыре. Днем отдыхайте в лесу с соблюдением строгих мер предосторожности. Перед тем как выбрать место отдыха, постарайтесь запутать следы на снегу. Пароль для связи с Афанасьевым и секретный пакет от нашего командира отряда получите у меня перед выходом из лагеря в 18.00 часов. Кроме того, в селах Лагуна, Карповка и в леспромхозе Островное — вот взгляните, я обвел их на карте красным карандашом, они лежат от вашего маршрута на расстоянии 5—10 километров — есть наши надежные люди, но с ними встречайтесь только в экстренном случае. Их фотографии и способы связи с ними в этом зеленом пакете, возьмите, познакомьтесь и все верните мне, не выходя из землянки.

Лейтенант Горохов, внимательно его слушавший, взял пакет, еще раз склонился над картой, нашел на ней указанные Никифоровым населенные пункты, подчеркнул их своим карандашом, потом перевел взгляд на начальника штаба.

— Товарищ старший лейтенант, в этих селах я часто бывал до войны, а вот в леспромхозе не приходилось. Намеченный нами маршрут до Гнилого озера проходит в основном лесами и болотами. Лесами идти будет трудно, хотя и безопасно. Может, лучше мы проскочим на лыжах равниной — за три ночи?

— Опасно, очень опасно,— возразил Никифоров.

— Зато всего за три ночи. Только вы, пожалуйста, выделите нам еще несколько пар широких лыж. Мы на них поставим «максим», положим боеприпасы, мины, продукты и бу-

Продолжение. См. «Огонек» №№ 21—26.

дем тянуть за собой. Это даст возможность и быстрее передвигаться и иметь готовый к бою пулемет,— настаивал Горохов.

Никифоров подумал, сделал несколько шагов по землянке, исподлобья взглянул на ожидающего ответ лейтенанта:

— Ладно, согласен. Только по открытой местности вы должны прошмыгнуть глубокой ночью и буквально за несколько часов, а то, не дай бог, обнаружат вас фрицы, тогда туго придется.

— Я все это хорошо понимаю, товарищ старший лейтенант. Постараемся действовать, как любит говорить наш командир, по-гвардейски! — Последние слова лейтенанта понравились Никифорову.

— Вот именно, по-гвардейски! Если б партизанским отрядам присваивали это почетное звание, то наш отряд давно был бы гвардейским. Но мы с тобой воюем не за чины и звания, а за Родину. Так, лейтенант? — Никифоров взял лейтенанта за плечи, заглянул в глаза.

— Не беспокойтесь, товарищ начальник штаба, не подведем, все сделаем, как надо.— Он присел к столу, отклеил конверт, вынул оттуда написанную размашистым почерком справку и три фотографии. На одной из них был изображен пожилой человек в форме лесника; на другой — молодой, лет тридцати, в полувоенной форме мужчина с белой повязкой на рукаве и немецким автоматом на груди; с третьей на лейтенанта глядела миловидная девушка, блондинка, с тугой косой, перекинутой на грудь. Лейтенант задержал на ней взгляд, любуясь молодым красивым лицом. Ему даже показалось, что он уже где-то видел эту девушку. Попытался вспомнить, но не смог.

Никифоров заметил, что Горохов слишком долго смотрит на фотографию девушки, спросил:

— Понравилась?

— Понравилась. Я ее где-то видел, очень знакомое лицо.

— Это бывшая учительница немецкого языка в Карповской школе. Теперь работает переводчицей в расположенной в этом селе немецкой комендатуре, наш ценный источник. Связаться с ней можно только через полицейского Гордого. Он проживает в леспромхозе Островном и вместе с группой полицаев охраняет паркетный завод, который немцы начали восстанавливать. Прочти справку и хорошо запомни, как связаться с ними, сам на прямую связь с учительницей не выходи.

— Я думаю, что у меня не будет необходимости связываться с ними, тем более что задача простая: обеспечить охрану базы разведгруппы капитана Афанасьева. Мы и будем заниматься своим делом,— ответил Горохов.

— Товарищ лейтенант, вы недалеко смотрите. Для того чтобы успешно охранять базу, нужно хорошо знать, что происходит вокруг нее, какие замыслы вынашивает противник, на каком расстоянии от базы находятся немецкие войска, полиция и многое другое. Если не все, то многое из этого вы сможете узнать через этих людей, поэтому, пожалуйста, тщательно изучите все, что написано в справке. По прибытии на место эти данные сообщите капитану Афанасьеву, а уж он знает, как их лучше использовать.

— Понятно,— ответил Горохов и стал внимательно читать справку.

Никифоров тем временем вынул из портфеля несколько пачек немецких рейхсмарок, пересчитал их, запечатал в конверт и, положив перед лейтенантом, сказал:

— Здесь 50 тысяч рейхсмарок. Передадите их Афанасьеву. В случае угрозы захвата немцами их вместе со всеми документами, которые мы вам дадим, нужно сжечь.

— Слушаюсь, товарищ начальник штаба.— Горохов вложил пакет в потертую полевую сумку. Закончив читать справку, он расписался на ней и вместе с фотографиями вернул все Никифорову. Потом быстро сложил полевую карту с нанесенным на ней маршрутом, положил в планшетку и, обращаясь к начальнику штаба, сказал:

— Сергей Николаевич, уже четыре часа утра, скоро рассвет, разрешите идти?

— Разрешаю. В девять тридцать жду вас у себя.

— Есть,— проговорил лейтенант и вышел из землянки.

Утром командир отряда вместе с комиссаром обошли партизанский лагерь, побеседовали с партизанами, навестили раненых, побывали на кухне. Жизнь шла своим чередом: партизаны изучали оружие, подрывное дело, заготавливали дрова, ходили в разведку, несли охрану лагеря, скучали по дому, ругали Гитлера.

Начальник штаба, правда, умолчал, что за время отсутствия командира его буквально замучили просьбами послать на боевое задание — руки, мол, по фашисту чешутся. Никифоров терпеливо выслушивал и отвечал одной фразой: «Ждите, настанет время». Кое-кто был недоволен, обвинял его в нерешительности, а особенно недовольные жаловались комиссару отряда старшему политруку Володину, на что тот отвечал: «Вот вернется командир отряда, пойдем на задание все. А пока нечего обивать пороги, изучайте военное дело, трофейное оружие, все это пригодится в бою». И партизаны стали терпеливо ждать возвращения командира.

Поэтому, когда они увидели Николаева, настроение у всех явно поднялось. Все с утроенной энергией взялись чистить оружие, готовить автоматные диски и пулеметные ленты, связки гранат для подрыва танков, самодельные мины и бутылки с бензином, чинить теплую одежду, натирать лыжи.

Николаев-старший не обманул их надежд. Ровно в 12 часов он пригласил на совещание в штабную землянку командиров отряда. Когда все собрались, он встал, расстегнул телогрейку, оглядел собравшихся и сказал:

— Товарищи командиры! Буду краток. Положение на Московском направлении вам известно. Красная Армия героически обороняет Москву. Немцы бросили туда лучшие силы: войска, артиллерию, танки, самолеты. Наш партизанский долг — беспрерывно наносить удары по врагу.

— Правильно, давно пора! — послышались возгласы.

Командир поднял руку, в землянке сразу наступила мертвая тишина. Он продолжал:

— С завтрашнего дня мы возобновляем удары по коммуникациям врага; для этой цели на дорогах, идущих на Москву, мы должны взорвать два стратегических моста и пустить под откос три эшелона с войсками и техникой противника. Для проведения этой операции нами создано пять небольших боевых групп во главе с опытными командирами. На выполнение этой задачи мы даем вам семь суток, после чего все группы с соблюдением конспирации должны вернуться на базу.

Состав боевых групп и подробный инструктаж вам даст начальник штаба отряда товарищ Никифоров, а сейчас пару слов скажет комиссар.

Володин поднялся из-за стола, одернул гимнастерку, заговорил:

— Москва у нас одна, товарищи, и мы вместе с бойцами Красной Армии ее никогда врагу не отдадим!

— Правильно! — послышалось с мест.

— Враг жесток и неумолим. Он разрушает наши города и села, уничтожает людей. Красная Армия и мы вместе с ней должны разгромить фашизм и тем самым спасти не только наших людей, но и другие народы от уничтожения. Наша великая победа будет складываться из больших, малых и даже мелких операций. Каждый из нас должен по мере своих сил и возможностей стараться своими боевыми действиями приблизить этот священный и радостный для нас день. Перед выходом боевых групп на задание я хочу пожелать вам успеха и надеюсь, что каждый партизан нашего отряда выполнит свой долг.

— Только так! — сверкнул большими черными глазами сидевший в правом ряду лейтенант Железняк.

Поднялся Никифоров, открыв папку, вынул оттуда список, зачитал фамилии командиров боевых групп, указал, какие подразделения в них включаются, и затем объявил:

— Инструктаж каждой группе с учетом выполняемой ею задачи будем давать отдельно. Всем группам быть в полной боевой готовности сегодня к двадцати часам тридцати минутам. Выход на задание в двадцать один ноль-ноль.— И снова сел за стол.

— Товарищи командиры, вопросы есть? — спросил Николаев.

— Какие вопросы? Нужно покрепче фашистам давать по зубам! — снова подал голос Железняк.

Присутствующие засмеялись.

— Тогда за дело. Через семь суток ждем вас на базе.

Все поднялись и направились к выходу.

Никифоров, оставшись один, вновь расстелил на столе карту, стал наносить маршруты движения боевых групп и отмечать объекты противника, подлежащие уничтожению. За этой работой его и застал лейтенант Горохов. Подойдя к столу, он сказал:

— Спасибо вам, Сергей Николаевич, за помощь. Мы всё на складе получили, упаковали, подготовились в путь. Если не возражаете, то мы в восемнадцать ноль-ноль двинемся выполнять задание.

Никифоров открыл небольшой походный сейф, вынул оттуда пакет, опечатанный сургучной печатью, протянул Горохову:

— Этот пакет передать лично в руки капитану Афанасьеву. При угрозе захвата — сжечь.

— Вы мне об этом уже несколько раз говорили,— сказал Горохов.

— Повторенье — мать ученья,— недовольно проговорил Никифоров и, вынув махорку, скрутил цигарку. Горохов чиркнул трофейной зажигалкой, дал прикурить.

— Благодарю.— Никифоров положил цигарку в пепельницу, обнял лейтенанта, похлопал шершавой ладонью по плечу, сказал:

— Ну, сынок, ни пуха тебе, ни пера!

— К черту,— улыбнулся лейтенант.— Вы уж простите, Сергей Николаевич, так говорится.

— Знаю, знаю, иди.

Горохов вышел из штаба, собрал свою группу, оглядел, все ли у всех в порядке, и группа тронулась в путь.

В лесу все встали на лыжи, двоих Горохов выслал вперед, в дозор. Когда дозор удалился от группы метров на пятьсот — восемьсот, лейтенант встал впереди лыжников, оттолкнулся палками, обернувшись, напомнил:

— Соблюдайте интервал, но не отставайте.

Неслышно скользя по свежему, пушистому снегу, группа устремилась вперед.

В половине десятого вечера в землянку Николаева-старшего зашел начальник штаба Никифоров и доложил:

— Товарищ командир, в соответствии с вашим приказом пять партизанских групп приведены в боевую готовность. Разрешите отправлять их на задание?

— Отправляйте. Только перед выходом пусть ко мне зайдут командиры первой и второй групп.

— Сейчас направлю.— Никифоров вышел из землянки.

Не прошло и десяти минут, как дверь в землянку открылась, и ввалился Железняк, затянутый крест-накрест пулеметными лентами, обвешанный гранатами, с карабином за плечом. Из-под расстегнутого воротника выглядывала морская тельняшка. Лихо приложив руку к ушанке, он четко доложил:

— Товарищ командир отряда! По вашему приказанию командир первой партизанской группы лейтенант Железняк прибыл к вам для получения указаний.

Николаев встал, протягивая руку, улыбнулся и сказал:

— Вид у вас боевой, но в бушлате замерзнете, да и на снегу будете выделяться, как черная ворона среди белых голубей.

— Товарищ командир! Для маскировки и защиты от морозов у меня есть белый полушубок, сегодня получил, что касается бушлата, то в нем не только удобно, он согревает душу моряка. Разрешите не снимать, тем более идем на жаркое дело.

— Я не против бушлата, только не демаскируй свое подразделение.

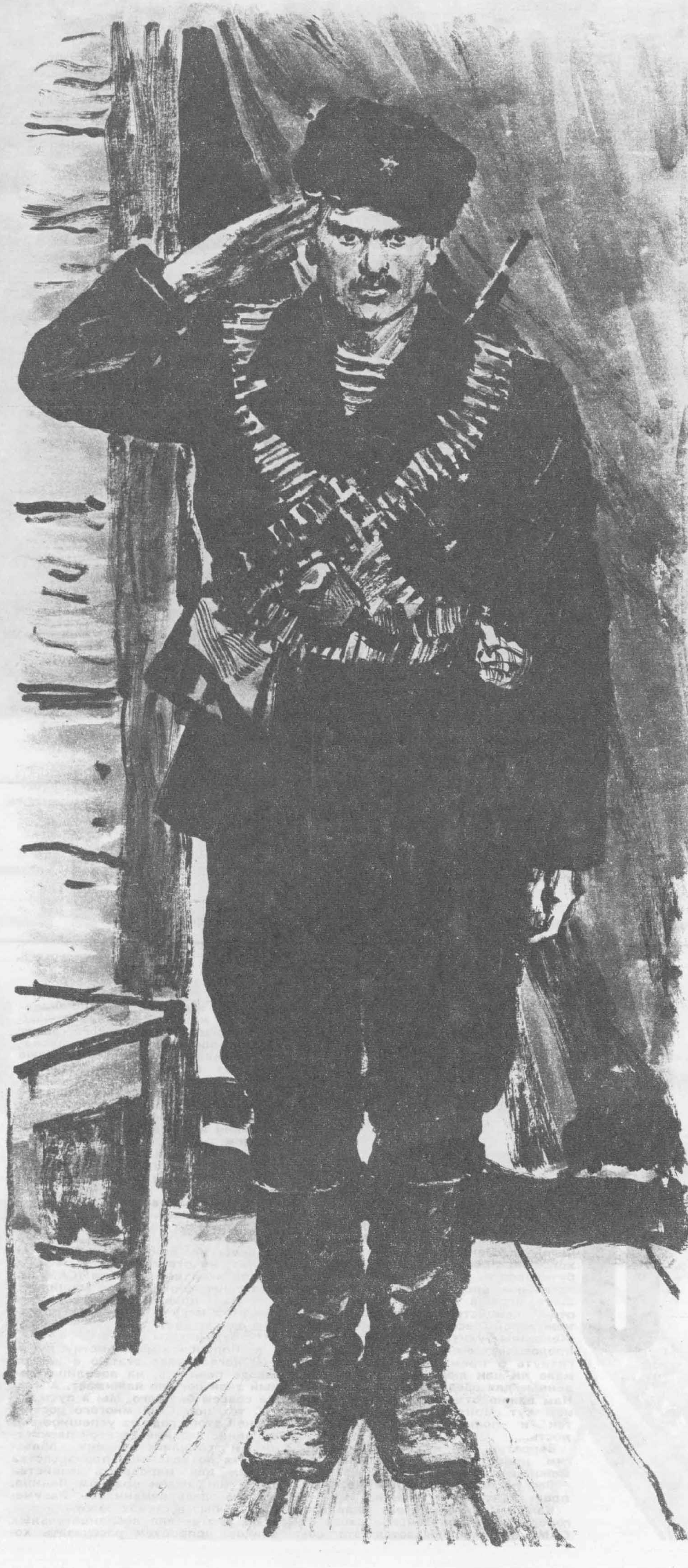
— Есть не демаскировать подразделение! Перед выходом на задание прикроюсь маскировочным халатом.

— Вот и договорились. Прошу — присаживайтесь.

— Посидим, как водится, перед дорогой, как отцы наши делали,— кивнул Железняк.

— Отец-то жив, лейтенант?

— Мой отец, старшина первой статьи, на крейсере «Парижская Коммуна» служил. Потом колхоз организовывал, только поработать ему в нем не пришлось: ночью кулаки сожгли

наш дом, сгорела вся семья. Я случайно в тот день ночевал у бабушки, поэтому и жив остался. Отец, когда я мальцом был, все мне о море рассказывал, хотел, чтобы я стал морским командиром. Вот я и пошел в мореходку по его совету.

— А моих стариков фашисты в сарае сожгли,— сказал Николаев.

— Выходит, товарищ командир, мы с вами товарищи по несчастью и вдобавок круглые сироты,— горько проговорил Железняк.

— Самых дорогих нам людей потеряли, но мы, лейтенант, не сироты. У нас есть наш многострадальный, но героический народ, который взрастил нас и дал путевку в жизнь. Мы, дорогой лейтенант, сыны нашей партии. Видишь, сколько у нас с тобой родственников?

— Это точно, товарищ командир.

— Вот и помни об этом.— Николаев подошел к столу, на котором лежала карта с нанесенной на ней оперативной обстановкой области.

— Вашей группе, лейтенант, мы поручаем очень важное задание: взорвать на 207-м километре железнодорожный арочный мост и тем самым помешать немцам активно использовать эту дорогу для переброски своих резервов и боевой техники под Москву. По имеющимся у нас данным, этот мост охраняется взводом немецких солдат и группой полицейских. Раньше почти вплотную к мосту подходил лес. Теперь же немцы на расстоянии 500 метров с обеих сторон моста лес вырубили, сделали завалы, проволочные заграждения и подходы со стороны леса заминировали. Единственный открытый подход к мосту по реке, но подход этот время от времени освещается установленным на мосту прожектором. Поэтому вы сразу к мосту не лезьте, а сперва разведайте и изучите обстановку, подходы к мосту, особенно по руслу реки, движение часовых. Установите, где размещаются охрана и полицейские. Учитывая, что вам потребуется время для подготовки моста к взрыву, тщательно продумайте, как их лучше блокировать и уничтожить. Или, если это не удастся, постарайтесь хотя бы не подпустить к мосту, пока он не взлетит на воздух. Впрочем, ты, лейтенант, «морская душа», не раз участвовал в не менее сложных операциях, так что уверен, что и теперь твоя группа с заданием справится.

— Товарищ командир, мы, коммунисты, оправдаем ваше доверие,— твердо проговорил лейтенант.

Командир крепко пожал ему руку и сказал:

— Ну, возвращайся с победой, ждать будем.

— Обязательно,— отозвался лейтенант и, отдав честь, вышел из штаба.

Через несколько минут в землянку вошел начальник второй группы — Костиков, на вид человек глубоко штатский. Росточку небольшого, сутулый, худой, одетый в форму железнодорожника. На голове запорошенная снегом высокая потертая каракулевая шапка с широкой красной лентой, через плечо автомат ППД, на груди болтался бинокль. Тонким сухим голосом он обратился к Николаеву:

— Товарищ командир, по вашему вызову начальник второй боевой группы Костиков явился.

Николаев улыбнулся:

— Присаживайся, Михаил Андреевич, потолкуем перед дорогой.

Костиков, сняв с плеча автомат, аккуратно поставил его в угол землянки, скинул шапку, расправил тонкими пальцами редкие седые волосы, затем присел на табуретку, спросил:

— Закурить можно?

— Может, лучше чайком побалуемся? Есть настоящий, грузинский, с Большой земли прислали.

— Раз так, с удовольствием кружечку выпью, а то уже и запах чая забыл,— повеселел Костиков.

Командир взял две алюминиевые кружки, сыпанул туда заварки, затем, сняв со стоявшей посреди землянки буржуйки эмалированный чайник, налил в кружки кипятку, поставил их на стол, пододвинул к Костикову тарелку с отваренной свеклой:

— Угощайся, Михаил Андреевич. Это вместо сахара. Исключительно полезная еда. Как говорит наш доктор, сплошные витамины.

Костиков поднес кружку к носу, глубоко вдохнув поднимавшийся из нее пар, восторженно произнес:

— Какой букет! — И стал пить большими глотками.

— Почему не закусываешь?

— Не хочу портить удовольствие.

Николаев-старший откусил от свеклы, запил маленьким глотком чая, спросил:

— Михаил Андреевич, ты, кажется, до войны строил нашу железную дорогу?

— Еще бы! Знаю каждый поворот, каждый мосточек, станции, где какие рельсы лежат, многих машинистов, рабочих и служащих. Эта дорога для меня, можно сказать, второй родной дом. Сначала восстанавливал, второй путь строил, а потом служил на ней. Отдал я этой дороге двадцать самых лучших своих лет! А теперь вот своими руками разрушать приходится...

— Ты думаешь, мне не жаль? Только другого выхода нет. Вон посмотри-ка, что вытворяют фашисты на нашей земле, сердце кровью обливается. Назад мы зашли по дороге в Ольховку. Помнишь, там до войны клинический санаторий был? Подходим, видим — Ольховки нет, торчат только обгорелые трубы швейной фабрики. На городской площади виселицы, и среди повешенных подросток и две древние старушки. Это за связь с партизанами. Мы помогли снять трупы, выкопать яму и всех захоронить. Оказывается, двое суток назад ночью Ольховку окружили немцы. На рассвете фашисты с овчарками ворвались в город и стали выгонять из домов всех жителей, в том числе женщин, стариков и детей, и грузить в большие крытые грузовые машины. Кто пытался бежать — расстреливали на ходу, травили собаками.

В санатории фашисты обнаружили группу тяжело раненных, всех перестреляли. Женщину-врача и двух медсестер, которые заступились за них, изнасиловали и повесили на балконе санатория.

На окраине сожженного городка бойцы увидели лежавшую у дороги под деревом полуобнаженную, в луже крови молодую растерзанную женщину. Возле нее, задыхаясь, держась за ее одежду посиневшими от холода ручонками, охрипшим голосом кричал двухлетний мальчик. Мы подобрали его и передали на воспитание в партизанскую семью. Вот что творят эти изверги на нашей земле.

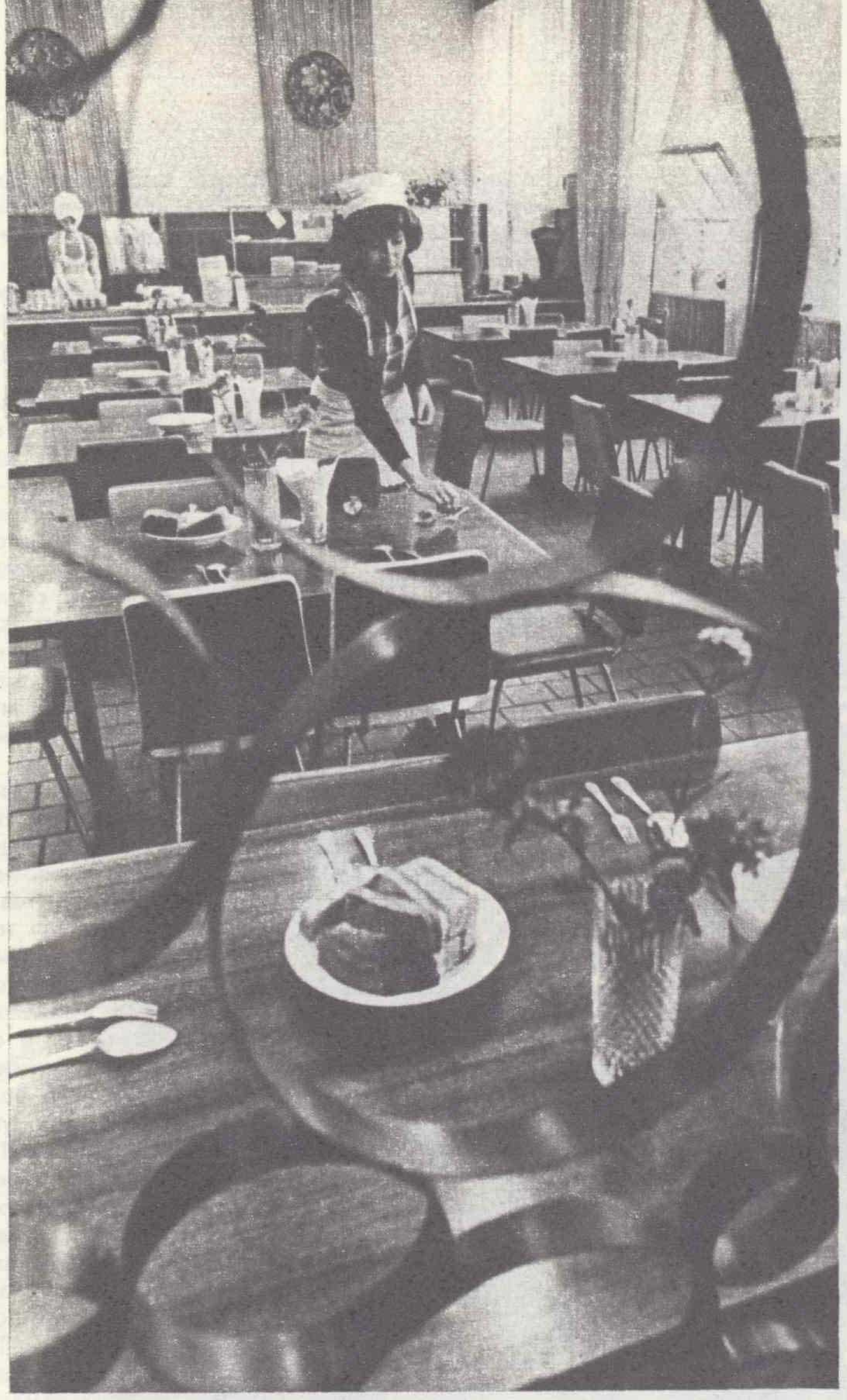
Как только машины, битком набитые людьми, выехали из Ольховки, группа факельщиков подожгла городок. Ты, Михаил Андреевич, железную дорогу жалеешь. А они по этой дороге гонят свои войска на фронт, вывозят наших людей, наши богатства в Германию. Нужно, чтобы фашистов всюду подстерегала смерть. Жалеть дороги нам сейчас некогда, сейчас мы должны взрывать — мосты, водонапорные башни, бензохранилища, входные и выходные стрелки, железнодорожные станции, выводить из строя селекторную связь, пускать под откос немецкие эшелоны. Короче говоря, совместно с другими партизанскими отрядами и диверсионными группами мы должны создавать всевозможные трудности немецкому командованию в переброске своих войсковых резервов под Москву. А как выгоним врага с нашей земли, мы не только восстановим разрушенные дороги и железнодорожные станции, но и построим новые, лучше старых. Понятно?

— Чего же не понять.

— Михаил Андреевич, у тебя больше половины группы — рабочие и технические специалисты железнодорожных мастерских, почти все коммунисты. Они народ надежный и хорошо знают путевое хозяйство. А остальные — бывалые минеры. Так что вам, как говорится, и карты в руки. Мы определили координаты всего района действия вашей группы. Вот, смотри, отмечено на карте. Задача вам понятна. Где, когда, на каком конкретном участке, какими силами и средствами выполнять эту задачу — решайте на месте, исходя из обстановки. Ждем вас обратно на базе через неделю. — Николаев поднялся, давая знать, что разговор окончен.

— Спасибо за доверие, Георгий Сергеевич! За нас вам краснеть не придется. Пощекочем фрицев по-нашему, железнодорожному...

Продолжение следует.

Все готово в столовой Рязанского завода счетно-аналитических машин.

ОБЕДЕНН

Фото М. САВИНА

Обеденный перерыв существует на стройках и заводах, на фабриках и в министерствах, конечно же, для обеда в первую очередь, но не исключительно. У каждого человека свои предпочтения. Иной холостяк проглотит в пять минут бутерброд и, запив его чем-нибудь, остальное время перерыва посвящает игре в домино. Степенные отцы семейств, отобедав, ведут меж собой беседы на злобу дня. Женщины ухитряются сходить в продовольственный магазин и заглянуть в промтоварный. Словом, мало ли как люди проводят отведенные для обеда час или полчаса. Нам важно отметить, что в основном тут царит, так сказать, самотек и полная неорганизованность...

Вероятно, это и хорошо и многим нравится. Но, оказывается, можно и по-другому.

Вот посмотрите, например, как происходит дело в Рязани.

Каждый житель этого славного города знает коротенькое слово — САМ. Расшифровывается это сокращение так: завод счетно-аналитических машин. Буквально каждый из нас, не ведая того, знает о САМе, поскольку завод выпускает кассовые аппараты, которые работают во всех магазинах по всей стране.

Когда-то, лет шесть назад, мы рассказывали о директоре САМа Юрии Петровиче Земцове. Юрий Петрович и по сей день руководит заводом.

При последней встрече у нас с ним произошел такой разговор.

— У вас в редакции, конечно, есть пишущие машинки? — спросил Юрий Петрович.

— Ну как же...

— Шрифты, наверное, наши стоят?

Я еще не понимал, к чему он клонит, но ответил в том смысле, что по всей вероятности (САМ делает также шрифты для машинок).

— На правах производителя шрифтов могу я попросить об одном одолжении?

— Будем рады...

— Попросите машинистку, пусть она, когда будет статью о нашем заводе печатать, на восклицательный знак пореже нажимает. А лучше совсем без него. Мы в пути...

С тех пор САМ многого достиг. Весной этого года за успешное выполнение заданий десятой пятилетки и социалистических обязательств по развитию производства машин для народного хозяйства завод награжден орденом Ленина. Многое здесь изменилось. Разумеется, и быт в стенах завода.

Не употребляя восклицательных знаков, попробуем рассказать хо-

В штамповочном цехе выступает ансамбль «Мрияны» из Житомира.

У заводской библиотеки сотни абонентов.

Блицтурнир.

ЫЙ ПЕРЕРЫВ

За пять минут до перерыва.

тя бы о том, как здесь проводят обеденный перерыв.

Для того, чтобы у человека было время заняться в перерыве чем-то, помимо еды, необходимы хорошие и быстро работающие столовые,— они на САМе имеются. Во-вторых, кто-то должен придумать, как и чем заполнить свободное время, и все организовать, — такие люди на заводе тоже есть.

...Вот настал час обеда. Опустели рабочие места — заполнились залы столовых. Официантки и раздатчицы понимают, что сегодня все будут торопиться, так как в штамповочном цеху выступает вокально-инструментальный ансамбль, приехавший с Украины в Рязань на гастроли, а в другом цеху Дом быта показывает свои модели. Призывы диетологов к тщательному пережевыванию пищи, увы, вряд ли будут услышаны в такой день.

Но не все спешат на демонстрацию мод и на концерт. У кого-то назначено свидание на безлюдном в этот час дворе, кто-то ухаживает за цветами в цеховых цветниках. Другие идут в библиотеку обменять книгу, а любители шахмат садятся за доску.

Когда люди возвращаются к своим рабочим местам, они испытывают такое ощущение, словно вторая половина смены начинается после долгого отдыха. Конечно, прибавилось хлопот у фабкома, у тех, кто старается сделать обеденный перерыв интересным, но от этого польза всем — и людям и заводу.

О. ШМЕЛЕВ

Пелагея Яковлевна Кочина. 1981 год.

ПЕРВАЯ И ЕДИНСТВЕННАЯ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

— Мужчины привыкают к нашим успехам с трудом,— пошутила как-то первая и пока единственная в нашей стране женщина — академик математики Пелагея Яковлевна Кочина.— Когда, например, математик Эмми Нетер была избрана профессором Геттингенского университета, некоторые профессора решили, что ей не следует присутствовать на заседаниях ученого совета. «Разве ученый совет баня, в которую нельзя с нами допустить женщину?»— удивился по этому поводу один известный математик. Курьез произошел и со знаменитым физиком Лизой Мейтнер. В двадцатых годах в Германии она защитила диссертацию на тему «Проблемы космической физики». Журналист, который написал об этом отчет в газете, назвал диссертацию «Проблемы косметической физики», видимо, считая такую тему более подходящей для женщины...

Эти слова я слышала от Пелагеи Яковлевны лет двадцать назад в Сибири, в строившемся тогда новосибирском научном центре. Пелагея Яковлевна была из тех 16 академиков и членов-корреспондентов, что поехали в сибирскую тайгу создавать новый научный центр. На месте будущих жилых домов и научных институтов были забиты колышки. Первый колышек забила Пелагея Яковлевна.

«Она у нас в Сибири единственная женщина-академик. Где повелит, там и начнем строить»,— весело гудел зычным басом ее старый друг и коллега Михаил Алексеевич Лаврентьев.

Сейчас Герой Социалистического Труда академик Кочина живет и работает в Москве. На звонок открывает она сама. В первый момент мне кажется, что Пелагея Яковлевна совершенно не изменилась. Та же легкая фигура, та же мягкая женственность в движениях, спокойное достоинство. Только чуть волнистые волосы ее совсем теперь поседели. Но, пожалуй, это еще ярче подчеркнуло молодость глаз, открытую доброту чуть смуглого лица.

Мы садимся за маленький столик в уютной комнате, стены которой завешены картинами, рисунками хозяйки (она отлично рисует).

Пелагея Яковлевна достает альбом старых фотографий. Перелистывает страницы, и словно целая жизнь проходит передо мной...

...Красивая молодая женщина с нежным, чуть смущенным лицом, в платье с высоким закрытым воротом. Это мать Пелагеи Яковлевны Анисья Пантелеймоновна из села Верхний Хутор Астраханской губернии. Здесь первого мая 1899 года родилась девочка, нареченная Пелагеей.

— Мама была тихая, добрая, ласковая,— говорит Пелагея Яковлевна. — Очень работящая. Она даже сама пахала на волах, которые однажды взбунтовались и протащили ее по земле. Любили маму все: родные, соседи. Добрая, приветливая, никому она не могла отказать в просьбе. А родители мамы были неграмотными, и сама она читать научилась лишь после замужества.

На фотографии отец Пелагеи Яковлевны Яков Степанович Полубаринов выглядит жизнерадостным, здоровым. Но умер он, не дожив до сорока лет.

— По тому времени в нашем селе отец считался очень образованным — окончил пятимесячные бухгалтерские курсы, — комментирует Пелагея Яковлевна.

Еще фотография — девочка в пелеринке с белым воротничком и манжетками сжимает в руке книжку. Волосы, зачесанные на прямой пробор, туго стянуты в одну косу.

— Я гимназистка, — поясняет Пелагея Яковлевна. — В это время мы уже переехали в Петербург, я поступила в Покровскую гимназию. Гимназия предназначалась для подготовки медицинских сестер, поэтому форма у нас, гимназисток, была такая же, как у сестер милосердия, только другого цвета: синее платье с синей пелериной и черным передником (сестры носили серое платье с пелериной и белые передники).

Супруги П. Я. и Н. Е. Кочины. 1925 год.

Пелагея Яковлевна показывает мне еще одну фотографию — высокий старик с совершенно белой пышной бородой.

— Вот вы спрашиваете о моих учителях, — говорит она. — Это Николай Иванович Билибин. Он преподавал у нас в гимназии математику. На его уроках я впервые поняла красоту логических построений алгебры...

Осенью 1916 года Поля с трепетом входит в здание Бестужевских высших женских курсов на 10-й линии Васильевского острова Петрограда. Какая-то незнакомая курсистка обращается к ней со словом «товарищ»!

— До сих пор помню, как эта форма обращения переполнила меня гордостью,— вспоминает Пелагея Яковлевна.— Я сейчас же обратилась к другой курсистке: «Товарищ!» Слышала, что так называли друг друга рабочие-революционеры.

Надо сказать, что для царской полиции слово «бестужевка» часто звучало как «революционерка». Ведь здесь учились многие женщины, проявившие себя не только в научной и педагогической, но и в революционной деятельности, например, Надежда Константиновна Крупская, сестры Владимира Ильича Ленина — Анна Ильинична и Ольга Ильинична Ульяновы.

После Октябрьской революции, в 1918 году, Высшие женские курсы практически слились с Петроградским университетом — ведь теперь в университет стали принимать женщин. Пелагея Яковлевна становится студенткой физико-математического факультета.

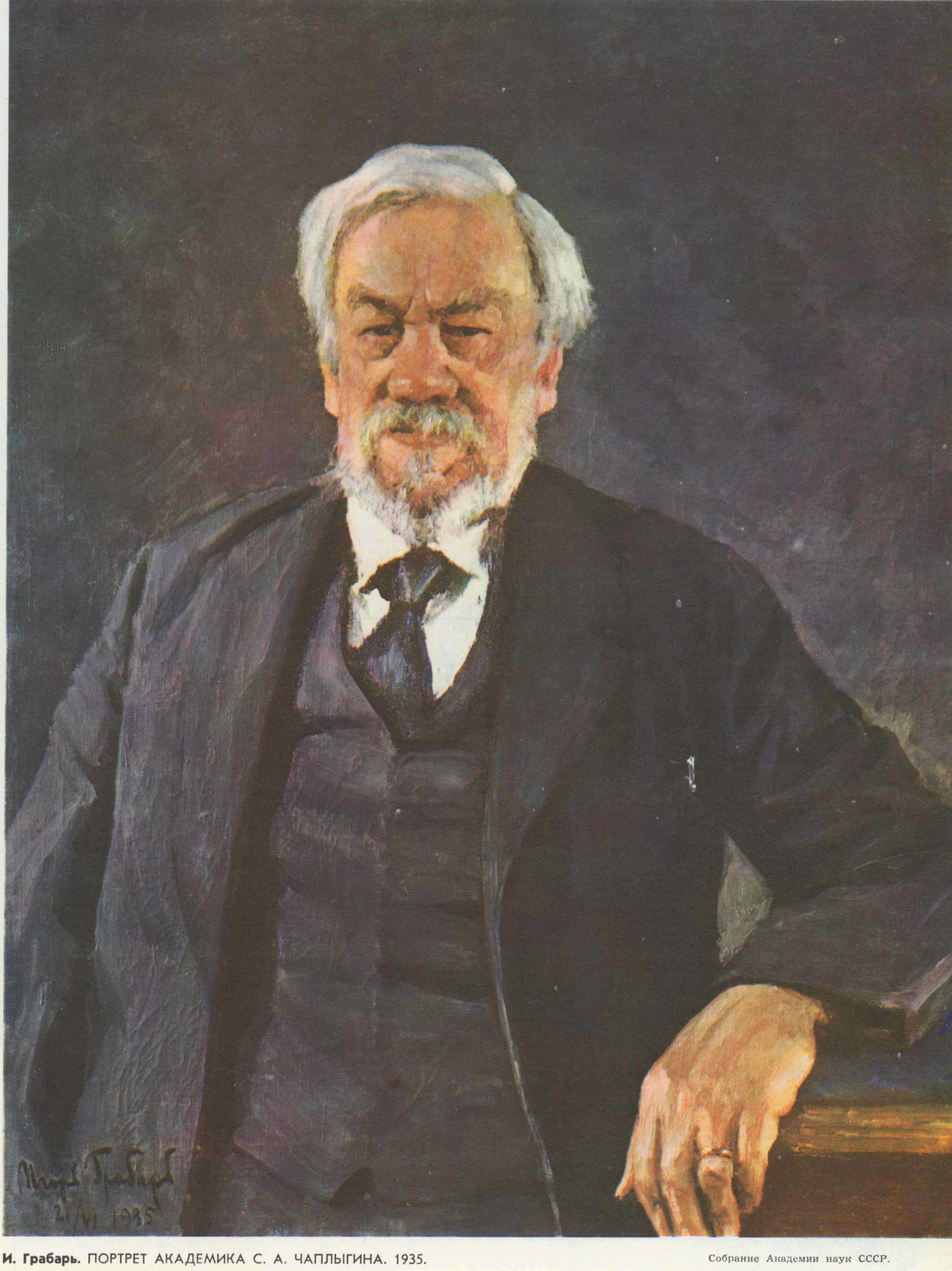
Два прелестных молодых лица смотрят с фотографии. Юная кареглазая девушка, легкая волна темных стриженых волос упала на щеку, в лице выражение острого ума, мягкости и твердости одновременно, глаза серьезны, а уголки губ вот-вот готовы взлететь вверх в веселой улыбке, скромное платье с белым воротничком открывает нежную шею; и светловолосый мужчина с юношески округлым лицом, с сосредоточенными и почему-то очень беззащитными глазами за стеклами очков. Даже только по фотографии в нем угадывается глубина мысли, спокойствие души и какая-то удивительная доброта.

Невольно думаешь: до чего же подходящая пара! Это супруги Кочины — Пелагея Яковлевна и Николай Евграфович, будущие академики.

Люди, хорошо знавшие Николая Евграфовича и Пелагею Яковлевну многие годы, рассказывали мне, какая это была счастливая семья, какая чистая любовь, преданная дружба связывали их, как уважали они научное творчество друг друга.

К сожалению, Пелагея Яковлевна в 1944-м стала вдовой. Николай Евграфович, тогда уже известный ученый, академик, умер от тяжелой болезни, с которой несколько лет упорно боролся, не переставая работать в госпиталях и больницах, скрывая свои страдания от близких. Этот мягкий, добрый человек вел себя удивительно мужественно.

— В двадцатые годы справлять свадьбу считалось мещанством, так же, как танцевать, носить на-

И. Грабарь. ПОРТРЕТ АКАДЕМИКА С. А. ЧАПЛЫГИНА. 1935.

Собрание Академии наук СССР.

И. Грабарь. НЕПРИБРАННЫЙ СТОЛ. 1907.

Государственная Третьяковская галерея.

рядные платья. Мы после регистрации в загсе ограничились приглашением на чашку чая наших свидетелей,— вспоминает Пелагея Яковлевна.— Во время совместной жизни у нас с Николаем Евграфовичем установились одинаковые взгляды на разные житейские обстоятельства. Была развита у нас самокритика — модное тогда слово. Долго мы отмечали у себя черты скупости, приобретенной, по-видимому, в те трудные и голодные годы. До сих пор я не могу выбросить даже крошечный кусочек хлеба, ведь еще в деревне мама говорила нам, детям, что хлеб выбрасывать грех. Наши работы всегда писались на каких-нибудь клочках бумаги, на обратной стороне машинописного листа. Например, первые труды Николая Евграфовича были написаны на обратной стороне бланков аптеки профессора Пеля с сыновьями. Экономили в некоторых случаях копейки...

Но эти же самые люди могли отдать последнее, если речь шла о помощи друзьям или родственникам.

Семья, маленькие дочери-двойняшки требуют от Кочиной неустанных забот. По складу характера своего Пелагея Яковлевна — прекрасная мать. Теперь уже и заботливая бабушка: Дочки выросли, обзавелись семьями. Обе стали учеными. Светловолосая Ирочка —«папина дочка», звали ее с детства — кандидат наук, преподает гидравлику в институте имени Губкина, темноволосая Нина — «мамина дочка» — защитила докторскую диссертацию, лауреат Государственной премии СССР.

В то время Пелагея Яковлевна преподает в институте инженеров гражданского воздушного флота. Звание профессора она получает, еще не имея степени доктора наук. На фотографии Кочина в летной форме, очень идущей ей, делающей ее похожей на стюардессу. Однако на рукаве широкая золотая нашивка, соответствующая званию генерала в военном ведомстве. Генерал, нежная мать и талантливый ученый — все в одном лице.

Несмотря на заботы о семье, молодая женщина уже имеет твердое имя в науке, ее математические работы говорят о самобытности и яркости мышления. Она выпускает сборник задач по высшей математике с авиационным уклоном, дает математическую классификацию возможных случаев образования в атмосфере циклонов и антициклонов, рассчитывает прочность оболочки дирижабля.

Я представляю, как любили студенты ее лекции! Затаив дыхание я слушаю, как говорит Пелагея Яковлевна о своей науке. Ни одной из практических задач нельзя решить, не овладев математикой. Без математики нет метеорологии, астрономии, строительства, транспорта, особенно воздушного и водного, нет даже сельского хозяйства. Математика приучает логически мыслить, раскрывать красоту науки. Недаром математики так любят употреблять слово «изящный»: изящная теорема, изящное доказательство. Кочина рассказывает мне, как во второй половине прошлого века на лекции берлинского профессора Карла Вейерштрасса (у него училась знаменитая Софья Ковалевская) съезжались ученые всех стран: их привлекала именно красота предмета, стройность логических построений.

Я спрашиваю Пелагею Яковлевну, можно ли считать, что дети, семья — препятствие для женщины-ученого.

— У меня две дочери, внуки,— отвечает она.— Когда девочки появились на свет, вместе с ними появились и хлопоты, и бессонные ночи, и ежеминутные волнения, но все же это целая эпоха! Они привязали меня к жизни. Заставили лучше понимать и чувствовать ее. Помогли избавиться от некоторой отрешенности, которую в известной степени порождает математическая абстракция, и лучше познать себя. Мешают ли дети науке? Давайте вспомним историю. Наряду с женщинами-аскетами жила же в семнадцатом веке в Италии ученый-математик, преподаватель университета, красавица Лаура Басси, у которой было двенадцать детей!

Беседа наша опять возвращается к математике.

В Математическом институте, где работали супруги Кочины, собирается весь цвет советской математической науки: академики Иван Матвеевич Виноградов, Николай Николаевич Лузин, Михаил Алексеевич Лаврентьев, Мстислав Всеволодович Келдыш. Пелагея Яковлевна начинает заниматься подземной гидродинамикой — наукой о том, как происходит движение воды в грунте или нефти в нефтяном пласте. Сегодня без учета этих работ нельзя ни построить электростанцию, ни пробурить скважину.

Монография Кочиной «Теория движения грунтовых вод», интереснейший научный труд, вышедший недавно вторым изданием, является руководством к действию для всех исследователей, занимающихся этими вопросами. Одной этой работы уже достаточно, чтобы имя советского математика Кочиной осталось в мировой науке. За свои исследования она получает Государственную премию СССР.

— Ну, а кроме математики, что еще наиболее глубоко захватывает вас в жизни?— спрашиваю я.

— Изучение творчества Софьи Ковалевской, работа над ее письмами,— отвечает Пелагея Яковлевна.— В математической читальне Бестужевских курсов, где я училась, стоял гипсовый бюст Софьи Ковалевской. Мы, курсистки, знали, что Ковалевская происходила из состоятельной помещичьей семьи, но отказалась от благ обеспеченной жизни, решив посвятить себя высокой цели — открыть дорогу женщинам в науку. Тогда, конечно, я не думала, что буду самым подробным образом изучать ее жизнь, готовить к изданию ее письма, написанные на шведском и французском языках.

Интерес Кочиной к наследию Ковалевской первым пробудил замечательный русский ученый Сергей Алексеевич Чаплыгин, поборник женского образования в России, директор Московских высших женских курсов. Он учился в Московском университете, когда в 1888 году великая русская женщина, вынужденная жить на чужбине, Софья Ковалевская получила премию Парижской Академии наук. А в 1938 году, когда намечалось празднование 50-летия присуждения Ковалевской премии Парижской Академии наук, Чаплыгин пригласил Пелагею Яковлевну Кочину принять участие в подготовке по этому поводу сборника.

Она перевела с французского две основные статьи Ковалевской и ее дополнение к ним и сама написала обзорную статью. Так было положено начало долголетней работе, которая продолжается и по сей день. Кочина, талантливый математик, героическая натура, женщина, работающая в науке, сумела понять Ковалевскую, как никто.

Подобно Ковалевской Пелагея Яковлевна Кочина тоже поехала в Сибирь, но она не испытывает там ее разочарований. В Новосибирском научном центре Кочина делает свои исследования по применению математики к вопросам орошения и борьбы с засорением Кулундинской степи; здесь встречает свой самый счастливый день, как призналась она потом, — семидесятилетний юбилей. А вот и фотография, сделанная в тот счастливый день.

В семье Пелагее Яковлевне перед отъездом пришлось выдержать целую бурю. Дочери, любя ее, тревожились, как это она уедет от них больше чем на три тысячи километров, в совсем необжитое место, в тайгу! Кое-кто из соседей неодобрительно качал головой: нормальные-де женщины в этом возрасте уходят на пенсию, воспитывают внучат. Друзья-ученые, наоборот, советовали ехать: «Не собираешься же ты на всю жизнь быть только бабушкой? Ты — математик. Ты — ученый».

Пелагея Яковлевна Кочина — «не только бабушка». Она поехала. В альбоме на фото я вижу Институт гидродинамики, где работала Кочина, он был построен в Новосибирском академгородке первым.

Среди научных задач внимание ученых привлекает Кулундинская степь. Площадь ее около ста тысяч квадратных километров, и расположена она в междуречье крупнейших сибирских рек — Оби и Иртыша. Степь нуждается в мелиорации, которая поможет улучшить эти земли. Однако широкое проведение орошения речными водами может привести к вторичному засолению земель и к заболачиванию, орошение же подземными водами — к истощению водоносных пластов. Надо было найти новые пути, оросить степь, но не повредить ей. После ознакомления с условиями степи Кочиной стало ясно, что нужно воспользоваться и речными и подземными водами.

Задача сложная, комплексная. К математикам и гидродинамикам присоединились специалисты сельского хозяйства, селекционеры, почвоведы, мелиораторы, геологи, химики, энергетики, инженеры и конструкторы, экономисты. Была создана специальная Кулундинская комиссия, которая позже стала называться Комиссией по изучению и охране водных ресурсов Сибири.

Теперь ряд организаций занимается такими математическими задачами. Тогда это было впервые.

— Для того, чтобы можно было провести систему оросительных каналов, нет надобности выравнивать поверхность степи под плоскость, что нужно, например, для стадиона или аэродрома, поверхность может быть выпуклой или вогнутой, важно лишь, чтобы она не имела больших уклонов и, конечно, обратных уклонов, по которым вода не может течь,— объясняет задачу Пелагея Яковлевна.—Следовательно, нужно задать ограничения на уклоны, затем рассчитать, в каких местах делать срезы грунта, и какие именно, и как и куда подсыпать землю. При этом большие срезы нежелательны, так как снимается или засыпается плодородный слой. Задача и научная и экономическая,— ведь еще надо было наметить более выгодные пути самосвалов, перевозящих грунт.

Создали программу расчета. Я дала вычислителям данные по площади небольшого орошаемого участка в Кулундинской степи размером в один квадратный километр. Их заложили в машину... и через три минуты был готов результат. Полученные числовые данные были перенесены на план орошаемого участка, и стрелками показано, откуда, куда и сколько грунта надо перевозить. Я и мои сотрудники пришли в восторг, — вспоминает Пелагея Яковлевна.

Итогом многолетней работы целого коллектива ученых явились книги «Кулундинская степь и вопросы ее мелиорации» и «Математические методы в вопросах орошения».

* * *

— Выдающийся ученый-гидродинамик, учитель нескольких поколений механиков, человек редкостных душевных качеств — так говорит о Кочиной академик Александр Юльевич Ишлинский, директор Института проблем механики АН СССР, где сегодня Пелагея Яковлевна заведует теоретическим отделом. И еще: — Всей своей жизнью она показывает пример прекрасного сочетания научной и общественной деятельности на самом высоком уровне со всеми обязанностями, которые налагает жизнь на женщину нашего времени. Она вызывает всеобщее восхищение.

...Если человек по натуре талантлив, талант этот проявляется во всем. Такова и Пелагея Яковлевна. Кроме редкого дара математика, ученого, она обладает яркими литературными способностями, отлично рисует, со вкусом шьет себе и дочерям и очень любит это занятие. Карандашные наброски, сделанные ею портреты людей не просто похожи, они психологичны.

Она любит музыку, живопись, поэзию. Впрочем, для математиков с их мощным абстрактным мышлением любовь к искусству — норма. Ведь сказал же математик Гильберт о своем ученике, который бросил науку ради поэзии: «Он пошел в поэты? Да, для математики ему явно не хватало фантазии...»

Для Пелагеи Яковлевны Кочиной высшая поэзия — математика.

Фото С. МИХАЙЛОВА

Есть в жизни наших городов, больших и малых, совсем особая пора. По радости ее можно сравнить с порой прилета долгожданных дальних странников — журавлей, лебедей, скворцов и прочих пернатых жителей, возвращающихся на родные гнездовья, чтобы вывести и поднять на крыло свое потомство. Да, это похоже, но только по настроению, а на самом-то деле речь идет о массовом отлете — отлете ребят в пионерские лагеря. И подобно тому, как люди запрокидывают голову в небо, провожая взглядом журавлиный клин, они оборачиваются и машут руками вослед расцвеченным флажками автобусным колоннам, которым уступает дорогу всякий иной транспорт, — дети едут!

...В сорока километрах от Смоленска петляет живописная речка Хмость, а на высоком ее берегу стоят дома, снабженные такими удобствами, что пионерия, скажем, тридцатых годов сочла бы их непозволительным излишеством: тут, как в городе, из кранов течет и холодная и горячая вода, а на случай понижения температуры есть центральное отопление.

Но все равно приметы городского быта не отгородят ребят от того, чем так манит их красное лето. И так же, как прежде, пряно пахнет дым костра, звонко трубит медь горна и солнце кроет бронзой побелевшую за зиму кожу.

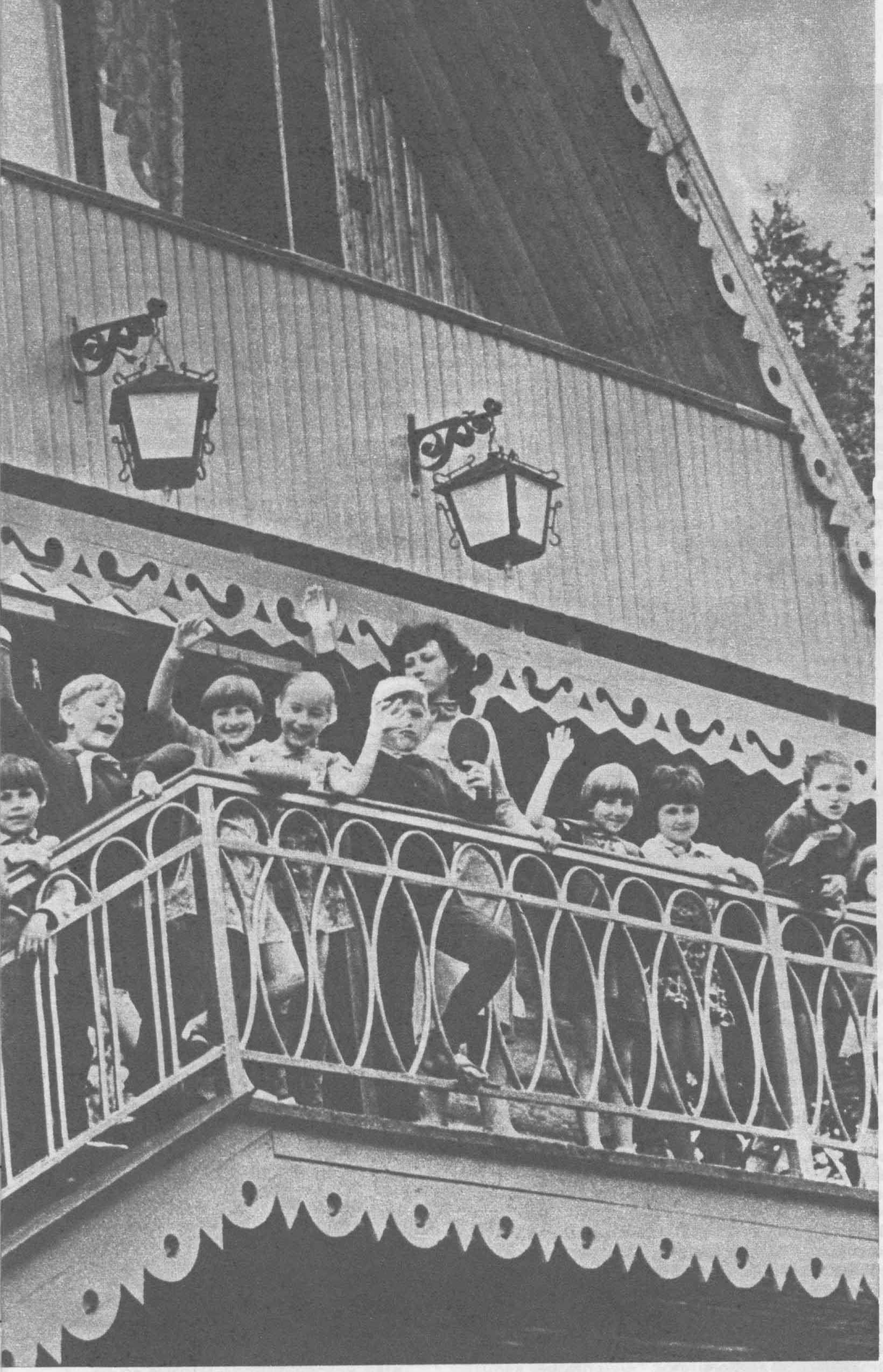
Этот пионерский лагерь называется «Феникс», его поставил на берегу реки смоленский завод имени XXV съезда КПСС для детей своих рабочих и служащих. Здесь живут в каждую смену по 180 ребят. А лагерей таких и им подобных по всей стране тысячи и тысячи, от Бреста до Петропавловска-Камчатского, от Мурманска до Фрунзе.

Веселого лета вам, дорогие наши мальчишки и девчонки!

ПИОНЕР

СКОЕ ЛЕТО

ЖИВАЯ ВОДА

Бронюс БУШМА

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Река искрится на солнце. Я сижу один в двухместной байдарке и уже ничуть не жалею о том, что отправился в это путешествие без Ромаса. Он наверняка торчит теперь где-нибудь возле пивного бара и на чем свет стоит клянет всех любителей пива — их, как всегда, слишком много, и очередь почти не движется.

Вокруг тянутся луга. Пахнет свежескошенным сеном. И, наверно, оттого на душе становится легко и покойно. Тело словно срослось с байдаркой, с водой, со всем тем, чем полон этот ясный летний день. Мне хочется закричать во всю мощь своих легких, но я сдерживаюсь и даже пытаюсь обуздать свои без толку снующие по дну лодки ноги. Неожиданно на воде мелькает какая-то тень. Байдарка виляет в сторону и останавливается. Только теперь я замечаю ушедшее под воду дерево. Ноги окатывает тонкая струя.

Невдалеке на берегу стоит босоногая девчушка в коротком пестром платьице и с интересом наблюдает, как я тащу из воды давшую течь байдарку. Время от времени она вскидывает руку и ладошкой смахивает со лба прядь темных волос, но тут налетает ветер и опять бросает волосы ей на глаза. Тогда она поворачивает голову набок — настоящий гусенок — и в такой хитрой позе продолжает следить за мной.

Я вытаскиваю байдарку на солнце, переворачиваю ее дном вверх и лезу в воду. Девочка по-прежнему стоит на том же самом месте и посматривает то на меня, то на раскиданные рядом с лодкой вещи. А когда, выкупавшись, я выбираюсь на берег, она вдруг решается и подходит ко мне. Приседает на корточки и спрашивает:

— Продырявилась?

— Да, чтоб ее...— говорю в ответ.

— Плохо,— оценивает она мое положение.

— Куда уж хуже,— соглашаюсь с ней.

Девочке, очевидно, лет шесть, она тычет пальцем в дно байдарки, видимо, хочет убедиться, легко ли его проткнуть. Потом поднимается во весь рост и начинает ходить вокруг лодки, рассматривая заплаты, щедро налепленные там и тут.

— Заплата на заплате,— качает она головой.

— Старая рухлядь,— бросаю в ответ и пренебрежительно машу рукой.

— А вот и не рухлядь. И не такая уж старая,— почему-то возражает мне девчушка.

Тем временем я развязываю рюкзак и достаю оттуда клей. Девочка все еще бродит вокруг байдарки. Возле руля она останавливается, прижимает палец к металлу, дергает за веревку и вдруг, словно что-то припомнив, пускается по дорожке, которая со всех сторон заросла кустами. Среди зеленых листьев ольхи весело мелькает ее цветастое платье. Вскоре девочка возвращается и с удивлением начинает рассматривать кусок резины, приготовленный для заплаты. Ее ноги посечены ветром и до крови исцарапаны. Некоторые царапины уже подживают, но рядом множество новых. Я замечаю капельки выступившей крови.

— А тебе не больно? — обращаюсь к ней, указывая на свежие порезы.

— Не-е-ет,— смущаясь, отвечает девчушка, она тут же приседает и прикрывает ноги подолом платья. Волосы, словно паутина, закрывают ее лицо.— А руль у вас, дядя, совсем как рыбий хвост.

Да, а дяде-то всего двадцать пять лет.

— Но как хвост у очень большой рыбы,— уточняю я.

— У большой рыбы всегда большой хвост,— недоумевает девочка.

Она подергивает плечами. Поворачиваюсь к ней лицом и вижу черные, как угольки, глаза. Какое-то время мы не отрываем друг от друга взгляда, как будто играем в гляделки. Я первым отвожу глаза.

— А вы будете клеить?

— Ага. А как тебя звать?

— Ляукадия,— по слогам произносит девочка, очевидно, опасаясь, что я не пойму.— А что?

— Да так просто. Будем знакомы. А мама как тебя называет?

— Ляукуте. Говорит, так красивее. А у вас какое имя?

— Дядя Бронюс.

— А может быть, Брониславас?

— Верно, Брониславас.

— Мой папа тоже Брониславас...

— Вот видишь, какое совпадение!

— А эти имена совсем некрасивые,— говорит девчушка.— Вот мою подругу Саулуте зовут. Она в сто раз красивее меня, потому что у нее имя красивое.

— А ты и так красивая. Сама по себе,— успокаиваю ее.

— В первый раз слышу! Я сейчас вернусь.— Ляукадия срывается с места и опять исчезает в той же самой стороне, что и в прошлый раз.

Но возвращается она не скоро. Подходит ко мне, чем-то расстроенная, и все время поглядывает на мой рюкзак. Увидев ее погрустневшее личико, принимаюсь расспрашивать, что случилось. Она стоит, опустив голову, и ничего не отвечает. Потом поднимает на меня полные слез глаза.

— Дядя Брониславас,— обращается она наконец ко мне,— а у вас случайно живой воды нет?

— Живой воды?! — удивляюсь я.

— Да, если ею смазать рану, она сразу же заживет,— торопливо говорит девочка,— мама рассказывала мне, что на свете есть живая вода. Когда королевичу отрубили голову, то на него брызнули живой водой, и он ожил.

— А зачем тебе живая вода?

Девчушка говорит очень тихо, словно открывает мне какую-то важную тайну:

— Там в кустах лежит зайчик. Ему косой срезали обе лапы. И если я принесу такой воды...

Не знаю, что и делать, как выручить из беды зайчишку. А Ляукадия затаив дыхание ждет, что я ей скажу.

— Да, конечно, есть! — бодро говорю я.— Как же это у меня да не будет живой воды! — Беру рюкзак и вытаскиваю оттуда флягу с водой.

Девочка подозрительно смотрит на меня и несколько раз переспрашивает:

— А это правда живая вода?

Поясняю ей, что это самая настоящая живая вода и что если ею сбрызнуть лапы зайца, то он сразу станет здоровым и побежит быстрее прежнего.

Ляукадия всплескивает руками и устремляется к кустам. Она продирается сквозь ольшаник и манит меня за собой. При этом она ступает на самые кончики пальцев. Спустя некоторое время девочка останавливается и наклоняется над маленьким серым комочком, заботливо укрытым травой. Она приподнимает траву, и я вижу его розовые лапки. Быстро откручиваю флягу и лью на них воду. Заяц уже почти не шевелится, только чуть подрагивает его перемазанный кровью бок.

— Смотрите, он и взаправду начинает оживать,— радуется девчушка.

Тут я хитро подмигиваю ей и говорю, что вода немного старовата, поэтому зайчонка надо перевязать. Сначала Ляукадия мне не верит, но потом все-таки бежит к дому. А я беру зверька на руки и иду с ним к реке. Возле поворота, там, где самое сильное течение, бросаю его в воду и спешу к своей байдарке.

Клей уже совсем подсох — темная заплата надежно прикрывает брешь. Сталкиваю байдарку в воду и жду, когда появится Ляукадия. Ждать приходится довольно долго. Наконец в кустах мелькает знакомое пестрое платье, и девочка выходит на поляну. В руках у нее белый полотняный лоскут.

— А где зайчик? — тихо спрашивает она.

— Убежал. Оказывается, вода была совсем еще хорошая, нестарая.

— Живой воды не бывает.

— Как это не бывает! А у меня вот была живая вода, и твой зайчонок выздоровел и убежал.

— А папа сказал, что живая вода бывает только в сказках и что зайцы без ног не живут, потому что не могут бегать.

— А наш заяц взял да и выжил. Понимаешь, выжил? — проговорил я, и голос мой звучал как-то слишком сурово и требовательно.

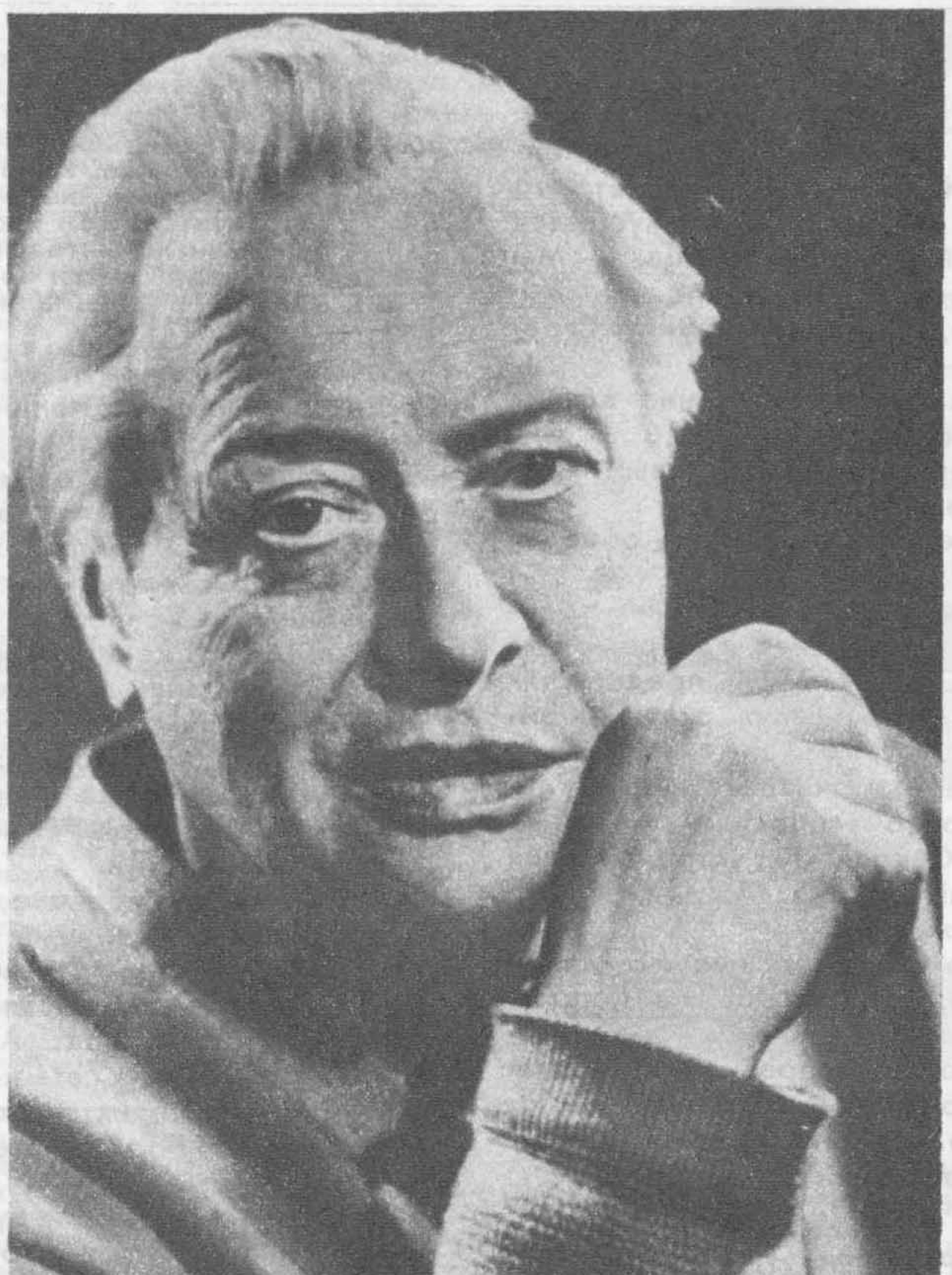
Но Ляукадия молчала и внимательно смотрела мне в лицо. Я сел в байдарку и оттолкнулся от берега. Проплыв несколько метров, я хотел было оглянуться на прощание, но твердый, непримиримый взгляд девочки упирается мне в спину, и я не решаюсь это сделать. Сильнее налегаю на весла и плыву прочь.

Перевела с литовского
Н. ВОРОБЬЕВА.

Е. ЛУЦКАЯ

80 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. В. ОБРАЗЦОВА

Личность художника распознается умением творить свой собственный мир на подмостках, на холсте, на экране. Но способность вокруг себя создавать среду, подчиненную своему миропониманию, свойственна не всякому, даже крупному художнику. Сергей Владимирович Образцов такой способностью наделен. И не в том дело, что неугомонные юные зрители созерцают рыбок и музейную коллекцию кукол вместо того, чтобы озорничать и носиться сломя голову. Вода, камни, цветы, живые существа — грани и лики той Красоты, которая с ранних лет должна окружать ребенка, взывая к его сердцу, душе, разуму. Так все линии жизни Образцова, все обилие его творческих интересов воплотились в убранстве его театра.

Образцов, несомненно, из породы мечтателей. Хотя, казалось бы, его трезвый, несколько иронический ум, его кристально ясный режиссерский дар, его деятельная натура, неравнодушная к действительности, вряд ли оставляют место грезам. Однако в душе этого человека независимо от возраста вечно гнездятся мечты. Они сопутствовали девятнадцатилетнему юноше, студенту ВХУТЕМАСа, впоследствии актеру музыкальной студии МХАТ и МХАТ II, в тот день, когда он впервые вышел на эстраду с куклой в руках. А кукла ожила, заговорила, запела, засмеялась (даже захотелось сказать — задышала). Так родился монотеатр Сергея Образцова — впоследствии создателя и вот уже полвека бессменного руководителя Центрального театра кукол. Так родился Образцов — сатирик, пародист, обличитель мещанских вкусов и штампов эстрадных «этуалей», мастер, который один лишь и мог сочинить «Необыкновенный концерт» или «Говорит и показывает ГЦТК».

Насмешник Образцов умеет быть и проникновенным, задумчивым лириком, умеет возвести куклу на высоты драматической патетики, ранее недоступные избранному им искусству. Умеет будто по волшебству наделить неодушевленную куклу той жизнью человеческого духа, какой требовал великий Станиславский. И все это — ничуть не изменяя высоким мерам условности, принятым в спектакле кукольном. Добиться подобного результата очень трудно. Но, добиваясь невозможного, Образцов сумел открыть и новые перспективы и новые закономерности кукольной сцены XX века. И в любом своем спектакле — будь то «Божественная комедия» или «Чертова мельница», «Дон Жуан» или «Новоселье» (украшенное личным участием Образцова) — он сохранил интонацию живого, открытого, доверительного обращения к собеседнику-зрителю.

Идут годы. Сменяются поколения. Но самыми почетными, самыми желанными гостями для Образцова остаются дети. Вспомним, что именно при Доме художественного воспитания детей в 1931 году он создал свой театр.

Добавим, что в понимании Образцова воспитание эстетическое неотторжимо от воспитания нравственного. Любовь к детям высказана не в том лишь, что кресла Малого зала раскрашены жизнерадостными колерами, и не в том только, что взрослым тут разрешается сидеть в последнем ряду. Доверие к ребенку, к его интеллекту, его фантазии, к светлым началам его души непреложно утверждено каждым созданием Образцова.

Когда-то нас приводили сюда еще за руку. И первый визит в театр оставался в памяти самым большим праздником. Мы охотно втягивались в игру, предложенную Образцовым. Замирали при виде приключений Гусенка. Ужасались при появлении страшного (но чуть-чуть потешного) Джинна перед Аладдином. Верили в подлинность существования вкрадчивой пантеры, двуличного змея, благодушного медведя и человечьего детеныша Маугли. Но и сегодняшние дети — признанные интеллектуалы, обладатели огромных запасов информации, с первого класса начальной школы оперирующие иксами и игреками, — мгновенно, не рассуждая, безраздельно доверяются Образцову. Он берет их за руку и уводит в Сказку. Он из того невеликого числа больших сказочников, что впервые приобщают ребенка к понятиям добра и зла, рождают в ребенке способность к состраданию, участию и просто внимательности к людям. Так из маленького человека вырастает ценитель и знаток подлинного искусства, способный размышлять, чуткий ко всему прекрасному. Слушатели и зрители Образцова исчисляются десятками миллионов, потому что его трибуной и кафедрой становится не один лишь театр, но и телевидение, и кино, и газетная полоса. Трудно хотя бы приблизительно подсчитать «коэффициент полезного действия» таких выступлений Образцова. Отклики на его фильм «Кому он нужен, этот Васька?» оказались действительно массовыми. Но даже если предположить, что после выпуска фильма у автора стало бы всего одним сторонником больше, он, вне сомнений, сражался бы и за одного-единственного человека. В публицистике Образцова — в эфире, на экране, в печати — личная интонация звучит так же сильно, как в его спектаклях.

Когда-то он создал необычайный киномонолог (хотя голос его звучал за кадром). Действующими лицами фильма стали деревья, облака, лунный свет, новорожденная трава, лучи солнца, неожиданно пойманные камерой птицы — все, что сегодня научно именуется биосферой. Во времена выпуска фильма международные и внутрисоюзные кампании в защиту окружающей среды еще не начинались и мало кто слышал о «Красной книге». И вот голос Образцова прозвучал среди первых голосов в защиту нашей маленькой планеты. Автор не призывал нас не топтать газоны, не жечь в лесу костры, не рубить деревья. В фильме не содержалось ни одного не то чтобы запрета, но даже просто рекомендаций. Но мы, зрители, сразу поняли всю силу ненависти Образцова — ненависти к глухоте и слепоте ко всему, что растет, плещется, летает, блещет вокруг нас.

Устами автора фильм говорил о жалости, почти о презрении ко всем, чья душевная жизнь уныла, бедна, ограничена суетной злобой дня, погоней за материальными благами. Погоней, в которой нередко утрачивается способность мыслить, фантазировать, наслаждаться прекрасным — способность быть человеком. «Удивительное рядом» называется этот удивительный «киноопус» Образцова. «Удивительное рядом» — таков девиз творчества. И самым удивительным остается для него человек — добрый, сильный, справедливый, значит, прекрасный. Верой в такого человека, в его возможности, в его будущность, в его гармоническую природу дышит искусство Образцова.

Адам и Ева одолеют даже дьявольские козни. Храбрый рыцарь Ланселот уничтожит Дракона. Король-Олень победит клеветников. Неизбежное торжество света и разума — вот о чем рассказывают герои Образцова. Все они живут в центре Москвы среди шума и спешки Садового кольца. Часы пробили полдень, и двери театра распахнулись. Входите и не торопитесь: чудеса требуют неспешности.

К СЕРДЦУ РЕБЕНКА

ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ

КАК ВАС ОБСЛУЖИВАЮТ

Л. ЛЕРОВ

— Да не может того быть!

— А вы проверьте...

И в телефонной трубке послышались частые гудки. Звонок в редакцию был несколько странноватым. Человек с басовитым голосом ничего не требовал, не возмущался, а только бесстрастно констатировал. «Ваш журнал занимался домашними нашими помощниками. Так вот, считаю своим долгом довести до вашего сведения, что во всей Москве есть одна-единственная мастерская, где можно отремонтировать такой домашний помощник, как электрическую мясорубку «Страуме». Я, естественно, изумился, на что последовало довольно ироническое: «А вы проверьте...»

Что ж, надо проверить — поистине уникален этот зигзаг сервиса. Заглянул в ближайшую к дому мастерскую по ремонту электробытовых приборов.

— Могу я отремонтировать у вас электромясорубку «Страуме»?

— «Страуме»? Да что вы! Нет. Вот пылесос, полотер — пожалуйста... У нас специализация, — с гордостью было объявлено мне.

— Ну, а все остальные электробытовые приборы где ремонтировать?

— Не знаю... Звоните в нашу справочную. Вот вам номер телефона.

Звоню в справочную службы быта.

— Я живу у метро «Сокол». Мне надо отремонтировать электрическую мясорубку «Страуме». Назовите, пожалуйста, адреса двух-трех мастерских в этом районе.

Минуты через две последовал чеканный ответ:

— Уральская, пять. Метро «Щелковская».

— Но это очень далеко от моего дома. Я живу у метро «Сокол»,—повторил я, не будучи уверен, что справочная уяснила это.

— Гражданин, я еще раз повторяю: Уральская, пять. У нас числится только она. Да, единственная на всю Москву...

И тут я не удержался и в сердцах вновь воскликнул:

— Да не может того быть!..

Справочной, конечно, не до эмоций клиентов, и ответной реакции не последовало.

Звоню на Уральскую, 5.

— Да, принимаем. Срок исполнения? Недели две... Да нет, это совсем недолго, — возмущается телефонная собеседница. — Мы же единственная в Москве мастерская, где ремонтируют «Страуме».

— В какое объединение входит ваша мастерская?

В ответ раздается суровый мужской голос:

— Какой у вас вопрос к объединению?

— Почему на всю Москву только одна мастерская, где ремонтируют «Страуме»? Вы представляете, каково жителю, скажем, Бибирева?..

— Где вы живете? — уже не так сурово спросили меня. — Метро «Сокол»? Вас устроит Малая Бронная?

— Пожалуй...

Звоню в мастерскую на Малой Бронной, задаю тот же вопрос. Ответ раздраженный:

— Кто вас направил к нам? Мы не ремонтируем «Страуме»... Поезжайте на Уральскую, пять.

Круг замкнулся.

...В ожидании, когда освободится Сергей Захарович Чернышенко, директор завода «Мосремэлектробытприбор» (это в его ведении цеха и мастерские, где «лечат» домашних наших помощников), разгуливаю по коридору и изучаю выставленные здесь для всеобщего обозрения приказы, сводки. Один из приказов посвящен распределению премии за 1980 год — оказывается, человек 70 ее полностью не получат: пьянство, мелкое хулиганство, грубость, прогулы, отказы принять заказ. Что же касается сводки выполнения плана, то тут все в ажуре: перевыполнены и годовой и квартальный планы. Это хорошо! Ну, а как же быть со «Страуме»? Сводка сводкой, но что скажешь жителю Бибирева, который вынужден путешествовать в другой конец города, чтобы помочь жене — вышла из строя «Страуме»...

Об этом мы и ведем нелицеприятный разговор сперва с секретарем парткома Б. А. Мастрюковым, а затем и с директором С. З. Чернышенко. Они не спорят, да и трудно спорить. Это плохо, когда только в одной мастерской москвич может отремонтировать «Страуме». А в столицу их ежегодно поступают тысячи. Такую справку дал мне Рижский завод, где делают «Страуме» и, видимо, не очень заботятся о разумной организации ремонта своих аппаратов. Легко представить, сколько тысяч москвичей за минувшие годы оказывались в огорчительном положении владельца бездействующей электромясорубки.

В ходе нашей беседы выясняется, что в столь же затруднительном положении пребывают обладатели и других электробытовых приборов, вышедших из строя. Скажем, стабилизаторы к телевизорам, трансформаторы к холодильникам и пылесосам — здесь та же история с географией. На Селезневской улице, в стороне от метро «Новослободская», есть единственная на миллионы москвичей мастерская, где ремонтируют эти приборы. Сергей Захарович пытался самортизировать удар: «Почти все московские квартиры переключены со 127 вольт на 220, и нужда в трансформаторах отпала». Но довод этот оказался зыбким. А как быть владельцам давно купленных холодильников, пылесосов, рассчитанных на 127 вольт?

В общем, выясняется, что в Москве, да, видимо, не только в Москве, проблема географии мастерских по ремонту бытовой техники еще ждет своего решения. А специализация, на которую ссылаются иные деятели службы быта, оборачивается большими неудобствами для клиентов. Идея сама по себе прогрессивная, но всегда ли она сообразуется с удобствами клиентов. Разные бытовые приборы порой надо везти в разные концы города в специализированные мастерские.

Однако вернемся к «Страуме». Сергей Захарович, понимая, что ситуация тут конфузная, сообщает: «Скоро эти мясорубки будут ремонтировать еще в двух мастерских». Но, право же, это нельзя всерьез принимать за радикальное решение. Я спросил: «Есть ли более конструктивные замыслы и если да — каковы надежды на их быстрое осуществление?» В ответ директор взял белый лист бумаги и молча набросал на нем какую-то схему. Тут же последовал комментарий:

— В каждом районе должен быть хорошо оснащенный большой цех типа завода, где могут отремонтировать любой электробытовой прибор, аппарат. А по району — «рассыпана» сеть комплексных приемных пунктов, куда клиент сдает прибор, а затем здесь же получает его.

— Это уже есть или будет?

— Должно быть,— уточнил директор.

Как говорится, суждены нам благие порывы. Схема пока остается схемой. Впрочем, как сообщил наш собкор в Ленинграде, там нечто подобное, хотя и не без серьезных изъянов, действует, даже есть специальная фирма «Сокол».

Когда заходила речь о ленинградской фирме «Сокол», я слышал от работников службы быта и такое соображение: «В Москве подобную систему осуществить куда сложнее. Не забывайте, в столице более тридцати районов, город-то громадный...» Соображение справедливое. Но ведь и возможности громадные, под стать столичной индустрии быта, да и министерство тут же — столица должна стать предметом его особой заботы. И именно в таком огромном городе, как Москва, особенно велика нужда в хорошо продуманной и четко организованной службе ремонта бытовой техники.

Полумеры здесь делу не помогут. А мне не раз возражали с такой аргументацией: «Ну, как же, есть у нас приемные пункты. Вот, скажем, Дома быта принимают заказы на ремонт бытовой техники...»

Я беседую с главным инженером «Мосгоррембыттехники» Р. Каргановым, и выясняется, что Домов быта в Москве всего два, и, увы, мягко выражаясь, далеко не любой вышедший из строя прибор у вас там примут. В Доме быта, что в Олимпийской деревне, ремонтируют лишь электробритвы.

— Согласитесь, что нужна сеть комплексных приемных пунктов,— настаиваю я.

— Согласен,— отвечает главный инженер.— Очень нужна. Но у нас нет их. Чего нет, того нет...

И снова о полумерах.

— Мы договорились с фирмой «Заря». Здесь будут принимать у населения бытовую технику, оформят заказ, а наше дело — ремонтировать.

Конечно, хорошо, что ко многим услугам, оказываемым полюбившейся москвичам фирмой «Заря», прибавилась еще одна. Радоваться бы! Но рановато. Таких приемных пунктов на всю Москву пока только шесть — даже не в каждом районе. Да и они не любого клиента привечают.

Надо отдать должное руководителям «Мосрембыттехники»: они настроены отнюдь не оптимистично, история с географией складывается грустная, и они пытаются как-то что-то улучшить, помочь бедам клиентов.

Открываются два новых комплексных приемных пункта, в существующих мастерских расширяется количество услуг за счет ремонта мелких электробытовых приборов — наиболее уязвимая зона. Посланы письма на ряд предприятий столицы: «Готовы оказывать услуги по месту работы. Ждем ответа». Письма были посланы еще в прошлом году — на заводы ЗИЛ, имени Владимира Ильича, Памяти революции 1905 года... Никакой реакции!

И попытка установить контакт с предприятиями и расширение ассортимента услуг — все это важно, хорошо, но все это, повторяю, полумеры. Нужна коренная перестройка службы рембыттехники. О ней говорили нам руководители этой службы, на схеме показывали, как все это должно выглядеть. Но схема пока реально ничем не подкреплена. А подкрепление, помощь требуются основательные.

В первую очередь нужны достаточно просторные помещения. Между тем есть мастерские Металлоремонта, которые находятся в положении, не побоюсь этого слова, катастрофическом. Они ютятся на площади в 4—6—10 квадратных метров, где ни о какой технике безопасности, ни о каком санитарном минимуме не может быть и речи. Их давно следовало бы закрыть.

Исполком Моссовета в конце прошлого года обязал исполкомы райсоветов выделить «Мосрембыттехнике» соответствующие помещения. Но делом откликнулся пока только Люблинский райсовет. А ведь без необходимых помещений «история с географией» будет не раз напоминать о себе жалобами москвичей, путешествующих из одного конца города в другой, чтобы починить «Страуме» или кофеварку. Жизнь-то идет своим чередом, и домашние наши помощники, которые частенько сами требуют помощи, в поисках этой помощи, увы, вынуждены одолевать немало ухабов.

...По случаю ежегодного праздника — Дня работников жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания населения — одна из центральных газет опубликовала интервью с министром бытового обслуживания населения РСФСР И. Г. Дуденковым. Интервью основательно оснащено статистикой. Говорят, статистика все знает. Так вот, знает ли она про долготерпение клиентов, их мытарства, тяжкие путешествия из одного конца города в другой, чтобы сдать в ремонт стабилизатор или мясорубку, часы или кофемолку? Видимо, знает, но «молчит», продолжает жить надеждой на лучшие времена, когда слова министра будут подкреплены делами! А слова золотые: «Чтобы создать удобства для заказчика, сэкономить его время, мы постоянно думаем над рациональным размещением наших предприятий. Организуются комплексные приемные пункты и дома быта, где можно получить разнообразные услуги с минимальными затратами времени и сил».

Читаю эти строки интервью и думаю о звонке в редакцию насчет испортившейся мясорубки.

НА ТО ОНО И КИНО

Сергей СОЛОДОВНИКОВ

Волею судьбы Егор Каныхин стал владельцем старенького, довоенных лет выпуска автомобиля, доставшегося ему в наследство от дальнего родственника. Впрочем, автомобиль — это громко сказано: в ржавом, насквозь прогнившем кузове начисто отсутствовал мотор и масса других деталей, которые в конечном счете и делают любой автомобиль автомобилем.

Примирившись с мыслью, что ездить на собственной машине в стиле «ретро» ему так и не суждено, Каныхин начал всерьез подумывать о сдаче «ветерана» на металлолом, но в один прекрасный день прочел в газете объявление, которое гласило: «Киностудия арендует у населения старые легковые автомобили выпуска 20—40-х годов любой марки и в любом состоянии».

Еще не веря в свою удачу, Егор незамедлительно связался со студией. На следующий день он продемонстрировал свое «сокровище» флегматичному мужчине, назвавшемуся ассистентом директора картины, честно предупредив его о том, что автомобиль самостоятельно двигаться не может.

— То, что надо,— изрек тот.— Насчет состояния не волнуйтесь, это наша забота. Машину вернем по окончании съемок, месяца через два. Ждите звонка.

Звонка, однако, Каныхин не дождался, потому что уехал в длительную командировку в другой город. Там он и посмотрел этот фильм.

Сидя в переполненном зале — картина была приключенческая, про разведчиков,— Егор почти не следил за развитием сюжетной интриги — все ждал, когда на экране появится его автомобиль... И он появился...

В шикарном — иначе не скажешь,— сверкающем лаком и никелем лимузине изумленный Каныхин с трудом признал свою колымагу. Изнутри же она была отделана просто с вызывающей роскошью: обтянутые темно-зеленым бархатом сиденья, руль из слоновой кости, за которым сидел главный герой, неотразимого вида мужчина со стальными глазами — наш разведчик. Рядом с ним сидела привлекательная блондинка — наша радистка.

«Неужели это моя машина?!» — думал Егор, с упоением представляя себя на месте главного героя: живописная горная дорога, плавный ход мощного лимузина, непринужденный разговор с сидящей рядом очаровательной блондинкой...

Сладкий ход его мыслей был прерван неожиданным поворотом сюжета: за героями началась погоня. Вооруженные до зубов преследователи открыли по каныхинскому автомобилю беглый огонь. Наш разведчик, передав руль радистке, перемахнул на заднее сиденье и высадил ногой заднее стекло. «Это он зря»,— мелькнуло у Каныхина.

Перестрелка шла с переменным успехом. Нашему удалось уничтожить половину преследователей, но и те, в свою очередь, успели так изрешетить каныхинскую машину, что ее владельцу стало совсем плохо. Так плохо, что когда он увидел, как его автомобиль, не вписавшись в поворот, сорвался в пропасть, Егор вскочил с места с криком о разбое средь бела дня, стал грозить кому-то судом, клясться этого так не оставить и уверять в том, что ему за все заплатят. Выводившие его из зала дружинники так и не поняли, что вызвало столь бурную реакцию у вроде бы трезвого человека, тем более что разведчик и радистка успели в последний момент выброситься на ходу...

Всю дорогу домой Каныхин проигрывал в уме сценарий будущего погрома, который он собирался учинить на студии. «Ишь, моду взяли,— злобно думал он,— как в Голливуде. Нам такие фильмы ужасов не нужны. Засужу».

Однако встретивший Егора знакомый ассистент даже не стал его выслушивать, а сразу повел на двор. Там взору Каныхина предстала его колымага в ее... первозданном виде: ржавый, насквозь прогнивший кузов, зияющая пустота на месте мотора и, главное, никаких внешних повреждений, даже заднее стекло на месте.

Оправившись от шока, Егор спросил:

— А как же в кино-то? Такой красивый был, потом — в пропасть...

— На то оно и кино,— флегматично усмехнулся ассистент.— Камуфляж, комбинированные съемки — обычное дело. Распишитесь в получении.

КУРКЛИ СМЕЕТСЯ

Куркли — небольшое село в Дагестане. Родившись всего несколько лет назад, юмористический цикл «Куркли смеется» успел уже заявить о себе во многих изданиях и на многих языках.

В 1979 году автору цикла М. Бутаеву присуждено звание лауреата республиканской премии имени С. Стальского.

М. БУТАЕВ

— Что-то ты сегодня подозрительно долго возишься с ним,— сказал отец и, взяв у сына школьный дневник, начал листать. А там заметки учителя: «На уроке стрелял из рогатки. В карман ученика положил лягушку, чуть не сорвал урок. Приглашаем отца».

— Негодяй, почему ты все это от меня скрывал? Я думал, что ты учишься, а ты, оказывается, зоопарк завел в школе. В кого же ты растешь?..— набросился отец на сына.

— Папа, это ведь не мой дневник...

— А чей же он?

— Не знаю. Я его в нашем старом сундуке нашел.

— Иди, сейчас же положи на место, и нечего тебе лазить по старым сундукам без моего ведома.

* * *

— Нет, я за него не выйду. Я не знала, что он хромой...

— А куда же ты раньше смотрела?

— Мы с ним познакомились, когда он был за рулем своей машины.

* * *

Колхозный шофер Омалав решил после свадьбы отвезти своего тестя домой — в соседнее село Чукна.

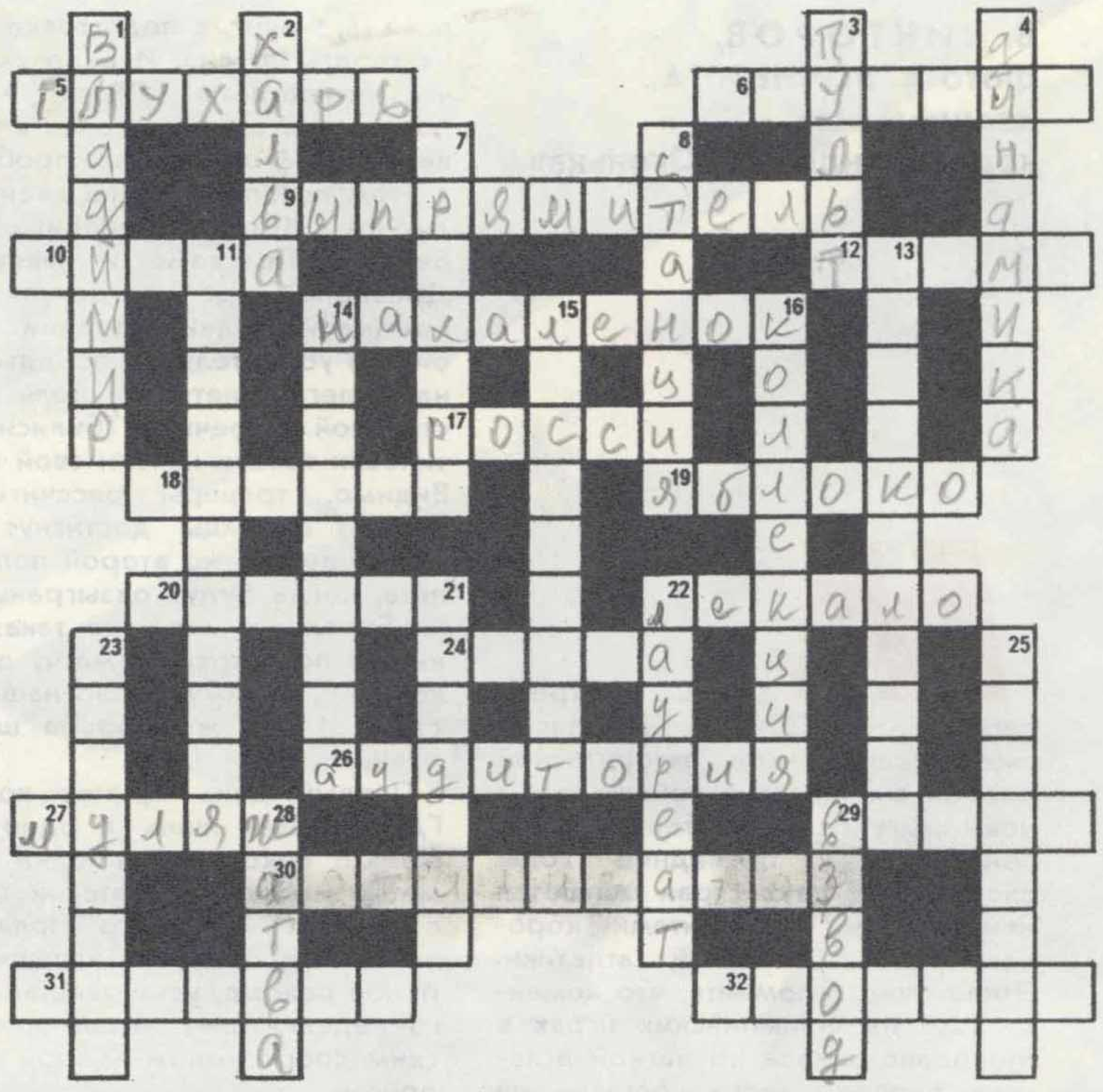
— Кто же возит почетного гостя на грузовой машине? Давай я сам его отвезу,— сказал сосед Мухтар и пересадил старика в «Жигули». Когда тронулась машина, пассажир начал восхищаться:

— Молодец, Мухтар!.. Когда же ты научился так быстро водить машину?

— Водить-то я научился еще утром перед свадьбой, а вот останавливать машину я еще не умею...

— Вах, что же нам теперь делать?

— Не волнуйтесь! Горючего в машине только до Чукна...

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Лесная птица семейства тетеревиных. 6. Актер МХАТа, народный артист СССР. 9. Преобразователь переменного тока в постоянный. 10. Южное созвездие. 12. Вулканический остров в Тихом океане. 14. Рассказ М. А. Шолохова. 17. Русский архитектор XIX века. 18. Категория в систематике животных и растений. 19. Плод фруктового дерева. 20. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 22. Фигурная линейка для черчения. 24. Приток Невы. 26. Зал для чтения лекций, докладов. 27. Копия, слепок из гипса, воска, наглядное пособие. 29. Приток Иртыша. 30. Ускорение химической реакции. 31. Сорт печенья. 32. Стихотворение В. В. Маяковского.

По вертикали: 1. Областной центр в РСФСР. 2. Кондитерское изделие. 3. Стенд, стол в системе дистанционного управления. 4. Раздел механики. 7. Музыкальный звукоряд. 8. Специальный пункт на железнодорожном пути. 11. Методы измерения энергии излучения. 13. Туркменская певица, народная артистка СССР. 14. Героиня повести Ф. М. Достоевского. 15. Кормовой злак. 16. Систематизированное собрание однородных предметов. 21. Город в Великобритании. 22. Звание, присуждаемое за достижения в науке, производстве, искусстве, литературе. 23. Промысловая морская рыба. 25. Животное, обитающее в тропических лесах Америки. 28. Уборка урожая зерновых культур. 29. Воинское подразделение в составе роты.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 26

По горизонтали: 1. Руссо. 3. Пинос. 5. Штамп. 8. Нагасаки. 9. Орнамент. 10. Боровик. 12. Лава. 13. Ашуг. 15. Спектроскопия. 16. Арно. 18. Каша. 20. «Тачанка». 23. Сложение. 24. Мармелад. 26. Шляпа. 27. «Зенит». 28. Вазов.

По вертикали: 1. «Рудин». 2. Оснастка. 3. Паспарту. 4. Салат. 5. Шило. 6. Автобиография. 7. Поти. 10. Банкнот. 11. «Каховка». 12. Леска. 14. Гряда. 17. Референт. 19. Шахматов. 21. Алеш. 22. Кама. 23. Страз. 25. Дымов.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Капитаны Юрий Иванович Павлов и Дмитрий Павлович Эфишев * В ленинградском торговом порту. (См. в номере материал «Содружество»).

Фото М. Савина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Закат на Волге * Потомственный волгарь Георгий Кривощапов * Хороший улов.

Фото Ю. Попова

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.06.81. Подписано к печати 30.06.81. А 01189. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1539. Заказ № 742.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137. ГСП, улица «Правды», 24.

В. ВИКТОРОВ,
фото А. БОЧИНИНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Матчевые встречи легкоатлетов СССР и ГДР давно уже стали самой авторитетной пробой сил для сильнейших бегунов, прыгунов и метателей. Это и понятно: за последние годы спортсмены двух стран являются неизменными фаворитами королевы спорта — легкой атлетики. Достаточно вспомнить, что команда ГДР на Олимпийских играх в Монреале заняла по легкой атлетике первое место, оставив на втором и третьем команды США и СССР, а на Олимпиаде в Москве борьба за большинство золотых медалей в легкой атлетике (а их 36) развернулась между советскими спортсменами и легкоатлетами ГДР, и на сей раз командное первенство завоевали легкоатлеты СССР.

В 1967 году состоялся первый матч двух команд, закончившийся победой советских спортсменов, а затем борьба шла на равных, как говорится, очко в очко, и лишь в двух последних встречах — в Вильнюсе в 1978 году и в Лейпциге в 1979 году — победы добились наши друзья. И вот очередная встреча, на сей раз в Тбилиси, встреча, открывающая новый послеолимпийский цикл. Ведь в спорте не бывает передышек: прошли Олимпийские игры в Москве, но впереди Олимпиада в Лос-Анджелесе, а значит, в подготовке нельзя терять ни дня. И надо сказать, что легкоатлеты ГДР не теряли после своего выступления в Москве ни одного дня. Они пробовали в этом сезоне силы на своих стадионах в Котбусе, Лейпциге, Йене, Берлине, Потсдаме и, наконец, в Дрездене, где встретились с командой Великобритании и добились убедительной победы. Увы, наши легкоатлеты со столь ответственной встречи в Тбилиси фактически только начали свой сезон. Видимо, тренеры рассчитывают, что их питомцы достигнут пика своей формы ко второй половине лета, когда будут разыграны кубки Европы и мира, но такая разница в подготовке к матчу давала, конечно, преимущество нашим гостям. И все же борьба шла на равных.

Первый день принес команде ГДР перевес лишь в одно очко. Но это очко затмил один сантиметр: молодой советский прыгун с шестом Владимир Поляков с первой же попытки улучшил мировой рекорд, установленный всего неделю тому назад французским спортсменом Тьерри Виньероном.

Казалось бы, долгая борьба шестовиков в Тбилиси должна была закончиться на высоте 5 метров 72 сантиметра. Эту высоту, которая является новым всесоюзным рекордом, а также личным рекордом Полякова, молодой прыгун преодолел успешно. Но, взяв этот рубеж, он попросил установить планку на высоте 5 метров 81 сантиметр (Виньерон улучшил мировой рекорд, установленный на Московской Олимпиаде поляком В. Казакевичем, на два сантиметра, взяв 5,80). И вот в первой же попытке Поляков установил новый мировой рекорд. Никто из советских шестовиков до сих пор мировых рекордов не устанавливал.

Необходимо добавить, что Володя Поляков приехал в Тбилиси из Франции, где он вместе с рекордсменом СССР К. Волковым вел борьбу с Тьерри Виньероном. Поляков видел, как француз преодолел планку на высоте 5 метров 80 сантиметров, а ему самому удалось взять высоту лишь пять с половиной метров. Но в этой неудаче было заложено ядро огромного успеха, которого и добился молодой спортсмен в Тбилиси. Нет никакого сомнения, что он вернулся из Франции под впечатлением прыжка Виньерона и с твердым намерением самому прорваться к заветным рекордным рубежам. И Поляков прорвался.

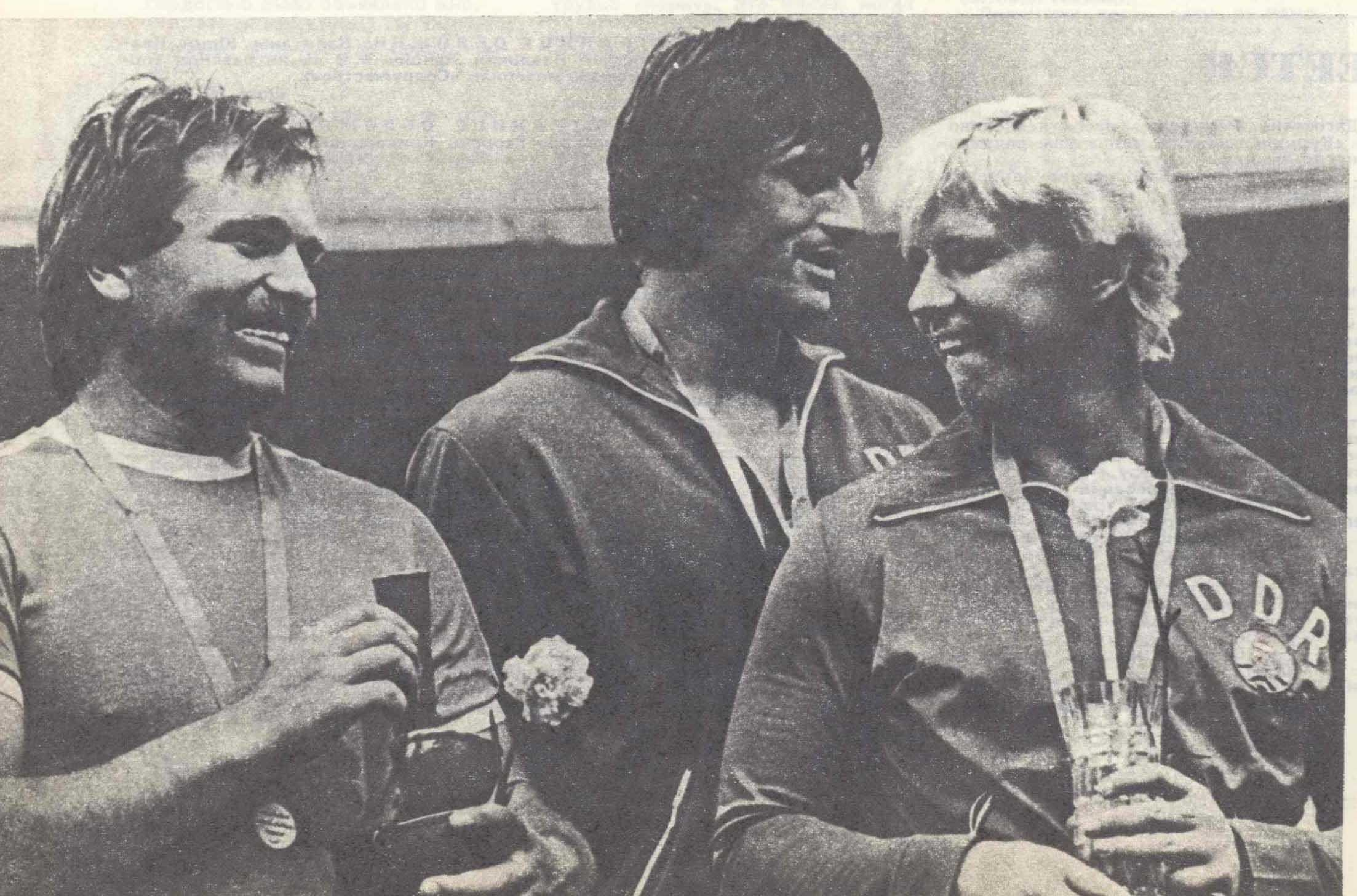
Спорт — это не только противостояние, но и сотрудничество. Спортсмены в борьбе являются в какой-то мере и соратниками. В этом суть спорта и в этом суть спортивной борьбы легкоатлетов СССР и ГДР. Спортсмены двух стран, встречаясь на матчах, Олимпиадах, в борьбе за кубки, поднимают потолок своего мастерства. Было время, когда легкоатлеты ГДР являлись нашими старательными учениками, а затем они сравнялись с нами и вот теперь ушли вперед. Так, например, матч в Тбилиси показал, что бегуны ГДР сильнее наших почти на всех дистанциях. И, конечно же, новая встреча двух команд сослужит им большую службу, поможет хорошо подготовиться к главным соревнованиям нынешнего сезона.

Как известно, в итоге двух дней борьбы у мужчин победы добились советские легкоатлеты (108 : 103 очка) за счет успехов в прыжках и метаниях, в то время как в десяти беговых номерах из двенадцати первыми были спортсмены ГДР. А вот у женщин победу завоевали спортсменки ГДР (86 : 71), и это принесло в общекомандном зачете успех нашим гостям. Ну что же, советским тренерам теперь есть над чем поразмыслить, и думается нам, что в первую очередь им следует подумать о том, почему же мы плохо бегаем. Нельзя чувствовать себя уверенно в легкой атлетике, отставая в беге.

Тбилиси — Москва.

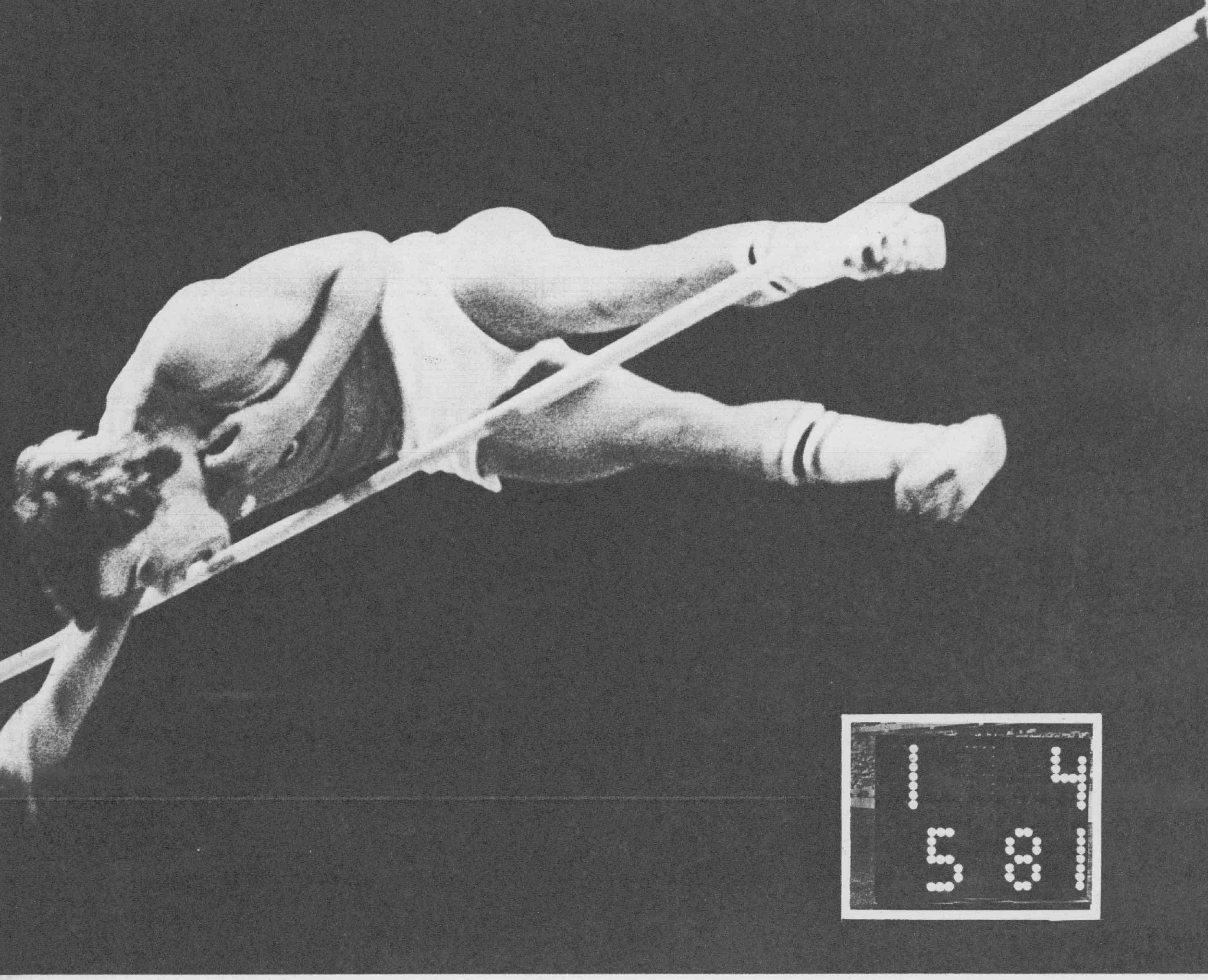
Победитель в метании молота Ю. Седых (СССР), победители в толкании ядра — В. Шмидт и И. Слупянек (ГДР).

СУ

Олимпийский чемпион в метании копья Дайнис Кула победил в Тбилиси.

Рекордный прыжок Владимира Полякова.

На табло 5 метров 81 сантиметр.

ТЬ СПОРТА

Забег на 100 метров с барьерами выиграла Т. Анисимова (третья слева).

В беге на 5 тысяч метров первым был Х.-И. Кунце (ГДР).

ISSN 0131—0097
Цена номера 35 коп.
Индекс 70663

